

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2014

Издание выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
[http: //www.msps.su](http://www.msps.su)

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (HESP), Норвежского института
международных отношений (NUPI), Стокгольмского института переходной
экономики (SITE), группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 1 (64) 2014

Семинар

- Российская национальная идентичность и глобальный мир* 5
Игорь Зевелев
Дискуссия 13

Тема номера

- Российская политика после СССР: издержки пути к свободе* 20
Владимир Гельман

Точка зрения

- Республиканская традиция – не быть рабом* 26
Олег Хархордин

СМИ и общество

- «Священная корова» губернаторов* 39
Сергей Мошкин
Ресурсы электорального авторитаризма 48
Кирилл Рогов

История учит

- Как мы мыслим историю* 56
Дмитрий Горин

Гражданское общество

- Гражданское образование и патриотизм* 65
Александр Согомонов
Заметки о гражданском образовании 77
Вадим Карастелев
Российский неполитический активизм 84
Сергей Пономарев

Местное самоуправление

Между романтическим самоуправлением и финансовой вертикалью 88
Екатерина Жилиякова

Наш анонс

Общество равных 94
Пьер Розанваллон

Книги

Региональное книжное обозрение 104
Мария Потехина

Новый взгляд на оттепель 106
Максим Трудолюбов

Контрапункт 111
Владимир Рыжков

Nota bene

Когда рука не сожмется в кулак 120
Сергей Аверинцев

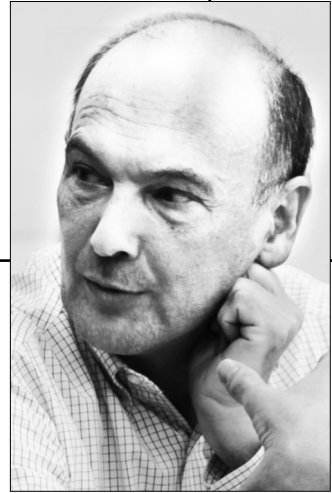
В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Германии, США, Франции, Швейцарии.

*Российская национальная идентичность и глобальный мир**

Я хотел бы начать с того, что возможность использования вооруженных сил России на территории Украины, проведение спецоперации в Крыму и скорое присоединение полуострова к России не начинается, а, я бы сказал, завершает формирование новой политической доктрины и конструирование постсоветской национальной идентичности страны. Реакция российских властей на события на Украине была на первый взгляд неожиданной и, по мнению некоторых наблюдателей, чрезмерной. Однако, на мой взгляд, она была следствием той идеологической и политической трансформации, которая, наверное, началась осенью 2011 года после решения о возвращении Путина на пост президента.

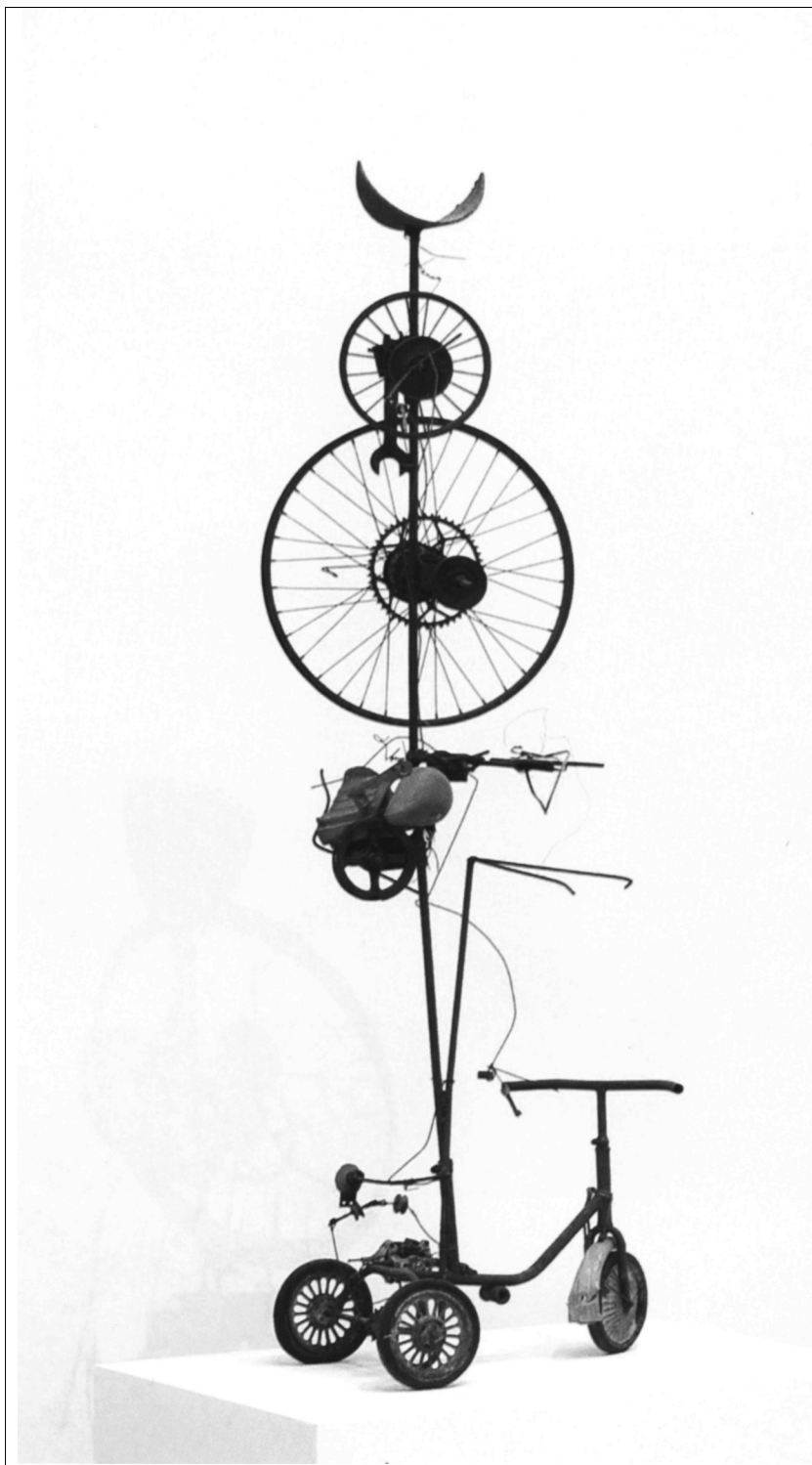
События этой весны, на мой взгляд, заставляют пересмотреть привычные рамки внешнеполитического анализа. Объяснение решений Москвы с позиций классического реализма школы внешнеполитического мышления, доминирующей во многом по крайней мере в России в плане ее национальных интересов, национальной идентичности, совершенно недостаточно. Потому что с точки зрения классического реализма в международных отношениях Россия очень сильно рискует и в конечном счете теряет больше, чем приобретает, практически при любом сценарии развития событий. Поэтому мне кажется, что важнейшей задачей является понимание идейной системы координат, в которой делались экстраординарные внешнеполитические шаги этой весной. И в рамках системы, которую я попытаюсь проанализировать, политика Москвы может выглядеть не только оправданной, но и единственно возможной. Все зависит от системы координат.

Американский теоретик международных отношений Роберт Джервис впервые обратил внимание на роль обра-

*Игорь Зевелев,
руководитель филиала
Фонда Джона Д.
и Кэтрин Т. Макартуров
в Москве, доктор
политических наук*

** Выступление на семинаре Школы в Зеленогорске 11 марта 2014 года.*

Жан Тэнгли. Без названия. 1960

зов и представлений в международных отношениях, тем самым открыв новую страницу в теории международных отношений. Позволю себе процитировать только два вывода, сделанных Джервисом. Во-первых, он установил, что «зачастую объяснение причин, по которым были приняты те или иные важные решения, требует изучения убеждений лиц, принимающих решение, и их взглядов на мир и образы других субъектов». Таким образом, главный вопрос для Джервиса при анализе какой-либо ситуации заключается не в том, кто был прав, кто виноват, кто просчитал дальше, кто просчитался, а в том, почему представления людей о мире оказывались различными. И второй вывод Джервиса, который мне кажется очень важным: «Представления людей о мире, о других субъектах расходятся с реальностью вполне ощутимым образом и по причинам, которые доступны нашему пониманию».

Так вот, мне кажется, что из широкого набора идей, которые появились в нашем интеллектуальном дискурсе о постсоветской идентичности России в течение всего периода с 1992 по 2011 год, когда началась трансформация, о которой я еще буду говорить, в конце концов были выбраны те, которые представлялись наиболее подходящими для легитимации политической системы и укрепления независимости, мощи и влияния Российского государства. И к таковым были в первую очередь отнесены две концепции, как мне представляется.

Первая — это идея о том, что Россия должна быть мощной, самостоятельной, великой державой, являющейся оплотом всех консервативных сил, борющихся против революций, хаоса и либеральных идей, насаждаемых США и Европой.

И вторая идея — о существовании большой российской цивилизации, отличной от западной и выходящей за государственные границы собственно России.

Обе эти концепции не очень хорошо совмещались с доминирующими дискурсами на Западе и воспринимались там как своеобразная интеллектуальная архаика. Это не выглядело проблемой, имеющей прямое отношение к системе международных отношений, к европейской безопасности, к контролю над вооружениями и т. д. То есть к тем привычным векторам, в которых работают дипломаты. Идеи, которые я назвал, не воспринимались всерьез, а считались скорее эзотерическими поисками особого пути Россией. Именно поэтому действия Москвы весной этого года оказались для большинства зарубежных лидеров и аналитиков, не погруженных во внутренний российский дискурс, во внутреннюю российскую борьбу идей, неожиданными. Наш дискурс довольно сильно изолирован от глобальных тенденций, где на повестке дня стоят другие вопросы, не про российскую цивилизацию, не про консерватизм, про что-то другое говорят на Западе люди. А у нас вот про это. И поэтому две системы координат плохо стыкуются друг с другом.

Хотел бы сегодня остановиться на двух вопросах, которые мне представляются важными для понимания того, что происходит с нашей внешнеполитической доктриной и с тем, каким образом она связана с национальной идентичностью. Во-первых, коротко остановлюсь на балансе сил между ведущими направлениями внешнеполитического мышления в России, так как у нас нет по этому вопросу единства среди экспертов и среди тех, кто принимает решение. И, во-вторых, я остановлюсь на тех концепциях, которые казались какими-то абстрактными, но вышло, что в результате начинаются какие-то движения вооруженных сил, какие-то бронемашин куда-то движутся. А концепция эта о разделенном народе, о защите соотечественников за рубежом, о русском мире и о большой русской цивилизации.

Итак, первый вопрос — подходы к внешней политике в постсоветской России. Владимир Гельман сегодня уже обозначал три подхода к анализу наших внутривосточных дел. Я тоже выделяю три главные школы анализа международных отношений, что у нас сложились и по-разному влияли на конкретную политику. Это школа либеральная, вторая — школа реалистов-государственников и третья — школа националистов. Причем националисты подразделяются на несколько подгрупп, и об этом я коротко скажу.

Цель либерального проекта для России — превратить ее в составную часть большого Запада. США и Европа для либералов — это важнейшие стратегические партнеры. И большинство либералов инстинктивно тяготеют к Западу и потому, в частности, что считают, что партнерство с Вашингтоном и европейскими столицами сдерживало бы недемократические и неправомерные действия властей внутри страны. Некоторые прозападные либералы ранних девяностых ставили в качестве внешнеполитических целей не только интеграцию с Западом, но и фактически ассимиляцию на ее условиях. Это была задача внешней политики министра Андрея Козырева.

Со второй половины 90-х годов либеральные взгляды в чистом виде стали маргинальными и не оказывают заметного влияния на внешнеполитический курс страны. На авансцену выступили реалисты-государственники. Это наиболее влиятельная школа внешнеполитической мысли в современной России. Ее основателем, духовным отцом и претворителем в жизнь был Евгений Примаков. К реалистам-государственникам присоединилась и часть бывших либералов-интернационалистов, которые были разочарованы западной политикой в отношении России в 90-е годы, особенно расширением НАТО. Образ России, проецируемый реалиста-

ми-государственниками на международную арену, — это имидж влиятельного центра многополярного мира. Для большинства людей, разделяющих эти взгляды, США — страна, стремящаяся действовать в обход международного права, чтобы сохранить однополярную структуру мирового порядка и добиться доминирования во всех сферах. Это также носитель идеи смены режимов и оранжевых революций.

Причем российские реалисты-государственники — это не классические реалисты в международных отношениях, которые обычно не уделяют никакого внимания, скажем, внутривосточным процессам ни у себя в стране, ни в зарубежных странах. Наши реалисты-государственники несколько отличаются в этом плане. Внутривосточные и идеологические факторы, а именно стремление любой ценой отстаивать полный суверенитет и не допустить вмешательства во внутренние дела России в настоящее время фактически доминирует над всеми другими соображениями.

Третье направление — националистическое. Его можно условно разделить как минимум на три подгруппы. Это неоимпериалисты, этнические националисты и новые правые.

В девяностые годы идеей неоимпериалистического проекта было восстановление Советского Союза. По мере того как стало ясно, что эта задача нереалистична, амбиции неоимпериалистов сузились до ограниченных целей, а именно создания вокруг России буферной зоны протекторатов и зависимых стран из числа бывших советских республик. Я сейчас опускаю персоналии, но вы примерно представляете. К ним можно отнести и Зюганова, и Лужкова, и др.

Второе поднаправление в рамках националистического направления — это этнонационализм. В идейном плане он опирается на труды великого русского писателя

Александра Солженицына, который говорил, что хорошо, что распался Советский Союз, но он распался вдоль неправильных границ. Границы, правильные для Солженицына, совпадают с этническими границами. И с этой точки зрения современная Россия должна была бы в себя включать значительную часть Украины, наверное, Беларусь, наверное, Северный Казахстан. Но при этом значительной части, например, Северного Кавказа, писал Солженицын, можно было бы предоставить независимость. Наше до Терека, писал он. А дальше — чеченская земля.

Так вот, мне кажется, что этнонационализм в современной России не является сам по себе хорошо организованной политической силой. Однако мне очевиден рост его интеллектуального влияния в течение последних нескольких лет.

В последние годы возникло новое направление, еще не до конца оформившееся, так называемые новые правые, которые позиционируют себя как идеологов правого антиглобализма. Они тоже очень много говорят о защите традиционных ценностей. Они хотят союза с традиционными правыми в Европе, типа партии Ле Пен в Франции, есть подобные силы в Великобритании и в ряде других европейских стран.

Для этих трех подшкол в рамках националистической школы характерны неприятие либеральных ценностей и антизападные взгляды.

Что касается соотношения трех главных сил, то, наверное, достаточно очевидно, что либералы доминировали очень короткое время, в течение двух-трех лет после распада Советского Союза, а затем на авансцену вышли реалисты-государственники.

Интересно, что частичное возрождение либеральных подходов, конечно, не в той мере, как при Козыреве, происходило дважды. Первый раз в 2001–2002 годах, когда была попытка реализовать перезагрузку отношений с Америкой на волне совместной войны с терроризмом. Это не

Стремление любой ценой отстаивать полный суверенитет и не допустить вмешательства во внутренние дела России в настоящее время фактически доминирует над всеми другими соображениями

получилось по разным причинам. И второй раз мы видели что-то похожее в период 2009–2011 годов, и это было связано с президентом Дмитрием Медведевым. То есть влияние либеральных идей на продолжавших в целом доминировать реалистов-государственников было очевидным. Мне кажется, сейчас все идет к тому, что идеи реалистов-государственников будут дополняться отдельными выборочными идеями националистов, причем практически всех трех подшкол. Опять-таки националисты — это очень широкое понятие. Я в данном случае говорю о нейтральном понятии, без какой-то идеологической нагруженности этого определения. В то же время либеральные подходы полностью маргинализированы. Более того, они уже приравниваются почти официально к пятой колонне.

Думается, представители всех трех основных подходов к внешней политике опираются на те или иные идеи, которые исходят от общества, и в то же время главные идеологи этих направлений сами развивают эти идеи. Так произошло с идеями о русском мире, защите соотечественников, большой русской

цивилизации. Таким образом, я подхожу к второй и последней части своего выступления.

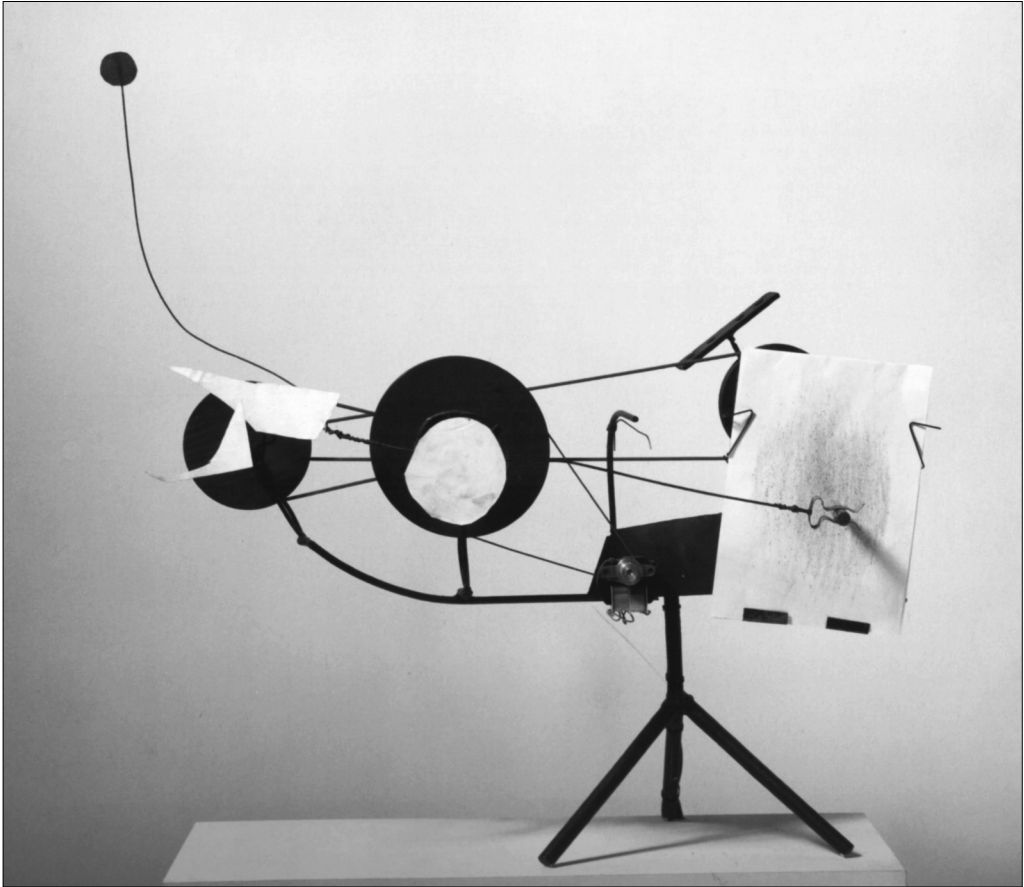
После распада Советского Союза миллионы людей, считавших себя русскими, оказались отделенными от России политическими границами. Впервые в многовековой истории они оказались на территории нескольких соседних стран, не имея возможности легкого возвращения в Россию. К настоящему времени в России сложилось два основных подхода к так называемому русскому вопросу. Во-первых, это вполне умеренные концепции русских диаспор в мире, а также политика по отношению к соотечественникам за рубежом, проводимая государством. И, во-вторых, это радикальный националистический дискурс о разделенном народе, который, однако, до сих пор не оказывал существенного влияния на конкретную политику.

Сначала несколько слов об умеренном подходе. О концепции в отношении живущих за рубежом соотечественников — этот термин стал употребляться впервые Ельциным и Козыревым с 1992 года. Концепция стала развиваться с 1994 года преимущественно в форме выработки российской политики, находя отражение в конкретных законах, государственных программах и некоторых очень осторожных и, я бы сказал, вялых внешнеполитических действиях. В России, согласно закону и сложившейся традиции, к соотечественникам относятся те, кто проживает за пределами Российской Федерации, но осознает свои исторические, культурные и языковые связи с Россией и желает их сохранить независимо от своего гражданства.

Концепция русского мира возникла позже, она имеет свою историю, и в активный оборот это понятие вошло только в 2007 году. Обычно под русским миром понимаются люди и их сообщества за пределами Российской Федерации, так или иначе

включенные в русскую языковую среду. Это чем-то похоже на понятие «соотечественники», но это более философская мировоззренческая концепция; она в большей степени связана с общественной, культурной, чем с государственной деятельностью. Потому что соотечественниками у нас, как правило, занимается государство. А русский мир — скорее общественный феномен. До этой весны эти понятия не пересекались между собой, но ситуация сильно изменилась.

Я уже сказал, что политика в отношении соотечественников была умеренной и осторожной. Приведу несколько примеров. В девяностые годы Россия не поддерживала ирредентистские настроения в Крыму, в Северном Казахстане и в других местах компактного проживания русских. В Крыму еще в 1992–1994 годах делались попытки провести референдум с возможным последующим присоединением к России. Тогдашний первый и последний избранный президент Крыма (4.02.1994 — 17.03.1995) Юрий Мешков прилетел в Москву. Ельцин его не принял, и референдум не был проведен. Но ситуация коренным образом изменилась. До самого недавнего времени не существовало легких путей конвертировать статус соотечественника в российское гражданство, чего добивались многие организации соотечественников. Россия занимала крайне консервативную позицию по этому вопросу. Подвижки начались в 2010 году. И сегодня соответствующая терминология используется для оправдания решительных действий. Известно, что Лужков, Зюганов, Жириновский, Бабурин, Нарочницкая, Севастьянов и многие другие внесли свой вклад в разработку концепции разделенной нации. В период с 1998 по 2001 год было предпринято несколько попыток придать этой концепции форму законодательных инициатив. И в комитетах Госдумы обсуждались законопроекты под

Жан Тэнгли. *Мета-матик №1*. 1959

разными названиями: о разделенном статусе русского народа, о преодолении положения разделенного народа. Но эти инициативы не проходили в Думе, потому что в тот момент исполнительная власть считала, особенно после установления ею жесткого контроля над законодательной, что подобная инициатива подрывает наши отношения с соседями — с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, в какой-то степени с Эстонией. Короче, такое решение проблемы означало бы перекройку границ.

И еще несколько слов об одной важной идее, о которой я вначале упомянул, — это концепция большой российской цивилизации. В принципе, в отечественной дискуссии сложилось два основных

подхода. Один был сформулирован президентом Медведевым в речи в Берлине в июне 2008 года, когда он сказал: «В результате окончания холодной войны возникли условия для налаживания подлинно равноправного сотрудничества между Россией, Европой и Северной Америкой, как тремя ветвями европейской цивилизации». Очень интересная трактовка.

И почти одновременно прозвучала другая трактовка концепта цивилизации нашими государственными деятелями, принимающими внешнеполитические решения. В частности, министр иностранных дел Лавров говорит, что принятие западных ценностей — лишь один из возможных подходов к цивилизации. Россия же, по его словам, намерена при-

менять другой, который «заключается в том, что конкуренция становится подлинно глобальной, приобретая цивилизационные измерения». То есть предметом конкуренции становятся в том числе и ценностные ориентиры, и модели развития. В 2009 году Лавров впервые употребил термин «большая российская цивилизация» — как отличная от западной. Заметьте, не как ветвь большой цивилизации, а именно как отличная от западной. И сейчас эта вторая формулировка, как мне представляется, полностью доминирует. Российская цивилизация, как она видится в этом контексте, это Российское государство вместе с русским миром, и они включают в себя не только собственно Россию, но и всех тех, кто тяготеет к пространству русской культуры. И мне кажется, что в течение некоторого времени сосуществование этих двух подходов — к России как к одной из ветвей западной цивилизации или к России как отдельной цивилизации — создавало еще поле возможностей для конструктивного манипулирования двумя подходами. В нужный момент извлекалась бы необходимая интерпретация. Сейчас же мы уходим от этой ситуации, понятно, что доминирующим становится понятие российской цивилизации, обособленной от западной.

И здесь я подхожу к заключению. Я хотел бы сказать, что эти дискуссии о соотечественниках, о русском мире, об особости русской цивилизации могли бы существовать отдельно от политики безопасности и от внешней политики еще в течение длительного времени. Однако мы видим, что сейчас происходит. Происходит секьюритизация этих понятий. Это от слова «секьюрити», то есть безопасности. Это в теории международных отношений процесс придания некоторым вопросам, проблемам исключительного значения, которое выходит за рамки обычной политики. То есть речь идет о выживании

государства, о каких-то смертельных угрозах и так далее. Мне так кажется, что сейчас происходит секьюритизация всех этих понятий, о которых мы тут рассуждали. Соединяется дискурс о безопасности (безопасность — это всегда очень серьезно) и этих, казалось бы, философских подходах.

Пресс-секретарь российского президента Песков несколько дней назад сказал: «Путин — гарант безопасности русского мира». Это значительный шаг от гарантии безопасности государства (что, естественно, зафиксировано и прописано в конституции) к гарантии безопасности большей, чем государство, общности. То есть происходит секьюритизация концепции русского мира и других, связанных с ним вопросов о цивилизации.

Для процесса, который мы сейчас наблюдаем, есть серьезные причины. Дело в том, что после окончания холодной войны Россия так и не была принята в ведущие европейские и евроатлантические институты. И более того, даже отношения с этими институтами, не говоря о членстве в них, складывались очень непросто. В результате основной вопрос, который стоял перед Европой и, я бы сказал, перед миром в целом после распада Советского Союза и окончания холодной войны, а именно вопрос о включении России в международную архитектуру безопасности, так и не был решен. Россия осталась за бортом, и в результате стала выкраивать себе место в системе международных отношений не в опоре на современные институты, а полагаясь на внутренний дискурс, выдвигая большие идеи и реинтерпретацию российской истории как во многом изолированного от мировых тенденций процесса.

Это очень опасная и тревожная ситуация нестыковки в видении международных процессов Западом и Россией, что у меня лично вызывает большую тревогу.

Дискуссия

Евгений Алифханов, корреспондент телекомпании «Русь», Кострома:

— Большое спасибо за лекцию. Хотел бы вопрос задать. Что должна включать в себя, на ваш взгляд, российская национальная идентичность, что она должна из себя представлять?

Игорь Зевелев:

— Если бы я знал короткий ответ на ваш вопрос, это было бы здорово. Не знаю, я просто исхожу из того, что национальная идентичность — это коллективный процесс ее конструирования и постоянного изменения. Конечно, какие-то люди, какие-то слои населения участвуют в этом процессе более активно, какие-то — менее. Я бы хотел подчеркнуть роль трех групп граждан. Первая — это, понятно, интеллектуалы, философы. Вторая — те, кто работает в системе образования. Потому что любые философские идеи, не будучи массово доведены до общественного сознания, прежде всего через систему образования, остаются уделом профессионалов. Это очень важная сфера, но все-таки это не процесс формирования национальной идентичности, а скорее теоретические споры про национальную идентичность. И наконец политики, которые своими действиями могут влиять на ее свойства.

Идентичность — это не то, что дано нам навсегда. Есть известное выражение французского писателя, историка Эрнеста Ренана о национальной идентичности как ежедневном плебисците. То есть каждое утро мы встаем и что-то делаем так, как подобает не просто индивиду, а части нации. Если мы так не поступаем, то распадемся как нация через какое-то время. Это — постоянный процесс, и не только внутри групп, которые играют важнейшую роль в формировании и трансформации идентичности, но и, безусловно, это ежедневное поведение каждого человека.

Национальная идентичность — это всегда процесс, это всегда поле для столкновения разных идей, это всегда результат действий — организованных или нет — огромных масс людей.

Россия, как мне представляется, пока не вышла из того периода, когда еще не окончательно решен вопрос, на каких основах будет строиться нация — на гражданских или на этнических. Потому что и в теории, и на практике есть нации гражданские и этнические. Гражданские — это те, которые связаны с институтами государства. Этнические — коротко говоря — во многом зиждутся на основах этнокультурных. Эта дискуссия в России пока не завершена. Есть разные подходы, научные, политические дискуссии, но нет консенсуса. Принципы национальной идентичности — это не результат применения технологии выбора. Это результат действия мил-

лионов людей каждый день. Когда этот процесс заканчивается, нация перестает существовать.

Евгений Осенков, *доцент Воронежского государственного университета*:

— Во-первых, смотрите, вы говорили о том, что пока фактически отсутствует радикальный дискурс. Тем не менее, на мой взгляд, дискурс начинает постепенно радикализироваться. Радикальный дискурс, возможно, не исходит из каких-то властных органов, но он явно близок людям, так называемым патриотическим силам, которые выступают за введение российских войск на Украину. На ваш взгляд, есть ли какой-то в этой ситуации компромиссный вариант, который устроил бы как украинский народ, так и российский и, может быть, даже российскую власть? Спасибо.

Игорь Зевелев:

— Спасибо большое. Мне кажется, я говорил о том, что радикальный дискурс все-таки есть. Он просто до сих пор не оказывал столь значительного влияния на политику, но он всегда был, есть и, боюсь, будет.

Теперь о компромиссе по Украине. Мне кажется, что мы уже прошли ту точку, когда можно было говорить о том, что Крым останется в составе Украины с высокой степенью автономии. Как вы знаете, уже принят вопрос о присоединении и будет голосоваться в Думе 21 марта. То есть до конца этого месяца вопрос будет решен.

Собственно о компромиссе. Наверное, речь идет о двух проблемах. Первая — признание какой-либо власти в Киеве со стороны России. Сегодня, кстати, говорю для тех, кто не в курсе, в час дня состоялась так называемая пресс-конференция, но на самом деле это было десятиминутное заявление Януковича в Ростове-на-Дону о том, что он остается легитимным президентом Украины и, что он особо подчеркнул, верховным главнокомандующим. Это, видимо, подчеркивает факт непризнания Москвой легитимности нынешней власти в Киеве. Может ли состояться признание после выборов президента 25 мая, не знаю.

Теперь вторая часть компромисса. Это, наверное, принятие Украиной выхода Крыма из ее состава и федерализация страны.

Наверное, властям в Киеве то, что я сейчас назвал, кажется не компромиссом, а полной капитуляцией. Думаю, что ситуация слишком далеко зашла и понятие компромисса здесь потеряло смысл. Киев сейчас крайне слабая сторона в этом процессе. Это все очень тревожно и рискованно.

Олег Прохоренко, *главный редактор газеты «Бизнес-новости в Кирове»*:

— Игорь Александрович, вы сказали в самом начале, что Россия очень сильно рискует. И наши действия влекут за собой больше минусов, чем плюсов. О каких последствиях вы говорите — экономических, политических?

Игорь Зевелев:

— Ну, во-первых, я уточню, я сказал, как мне казалось, очень осторожно. Мы рискуем и теряем больше, чем приобретаем, с точки зрения теории

классического реализма при анализе международных отношений. А с точки зрения другой может быть совершенно иная оценка. Вот что я сказал.

Давайте проанализируем ситуацию в рамках классической школы. Понять ситуацию нам, наверное, поможет напоминание о дискуссии, что же нам важнее — Крым или Украина в целом — во второй половине девяностых годов. Дело все в том, что тогда был подготовлен и запланирован к подписанию большой Договор о дружбе и сотрудничестве с Украиной, где, в частности, подтверждалась территориальная целостность государства. Он был подписан в 1997 году, вступил в силу только в 1999-м.

Тогда у нас завязалась интереснейшая полемика, сформировались две большие общественно-политические коалиции. Одна — за договор, а другая — против. Коалиция против договора предостерегала, что мы распрощаемся с нашим Крымом и Севастополем навсегда и ни в коем случае нельзя подписывать договор.

Вторая коалиция утверждала, что вся Украина — дружественная России, у нас добрососедские отношения, мы имеем на нее большое влияние и это гораздо важнее, чем Крым. То есть вопрос стоял — Крым или Украина. И тогда победила точка зрения, что Украина. В коалицию за подписание большого договора входил Примаков, который и сыграл решающую роль в его подписании.

Моя личная точка зрения, в данный момент по крайней мере, в том, что сейчас мы навсегда теряем западную и центральную Украину. Здесь можно вернуться к проблеме идентичности, нации и так далее. Чего не удавалось украинцам сделать за весь постсоветский период — это сформировать свою политическую нацию: были очень большие противоречия. А сейчас мы очень помогли это сделать, к сожалению, на антироссийской

основе. Западная и центральная Украина консолидируется независимо от этнической принадлежности... Конечно, там есть правые, там есть ужасные совершенно люди, это все правда.

Так вот, как мне кажется, мы теряем больше именно потому, что мы будем иметь под боком консолидированную на антироссийской основе нацию, которая будет стремиться в НАТО для гарантии своей безопасности, это абсолютно неизбежно.

Дмитрий Шержуков, аспирант Северокавказского федерального университета, Ставропольский край:

— Я хотел бы вернуть дискуссию внутрь страны. Предпринимаемые нашей страной во внешней политике шаги по поддержанию российской идентичности более или менее понятны, но как вы могли бы оценить нашу внутреннюю политику по межнациональным отношениям? Я из Ставропольского края, у нас этот вопрос стоит довольно остро.

Игорь Зевелев:

— Большое спасибо. Я ни в коей мере не считаю себя экспертом именно по этому вопросу, но выскажу свое мнение, вероятно, недостаточно экспертно обоснованное, потому что все-таки сфера моих научных интересов, повторяю, несколько иная.

Есть разные точки зрения на то, как конструируется идентичность, каково состояние межнациональных отношений. Одна точка зрения принадлежит Валерию Тишкову, выдающемуся эксперту в этой области. Он был министром по делам национальностей России, сейчас директор Института этнологии и антропологии. Он считает, что у нас политическая российская нация сложилась вокруг единых государственных институтов. Просто мы как-то недостаточно это признаем. При этом разные люди могут чувствовать свою принадлежность к разным этносам. Можно быть татариним и россиянином, русским и россиянином, чеченцем и россиянином и так далее, но при этом все мы принадлежим к одной большой политической нации.

Я очень хотел бы полностью согласиться с моим хорошим товарищем, уважаемым мною Валерием Тишковым. Но мне очень трудно это сделать. С одной стороны, тенденция формирования политической российской нации бесспорна. Мы прошли большой путь в этом направлении.

Но при этом нельзя не замечать явного негатива. Нельзя не замечать роста совершенно дикой ксенофобии и шовинизма, особенно в крупных городах, что связано с неконтролируемым притоком мигрантов, с коррумпированной системой найма зарубежной рабочей силы. А недовольство всей этой системой переносится на простых людей, которые приехали работать, учиться и т.д. Это очень разрушительные процессы, которые разобщают гражданскую политическую нацию.

Потом, как мне кажется, есть все же взгляд на гражданскую политическую нацию как на среду, которая тесно связана с демократией. Через демократические институты мы чувствуем себя принадлежащими к большой общности людей. Вот мы нация, потому что мы сами что-то можем все вместе,

у нас одни проблемы, и мы пытаемся вместе их решать, не глядя на разрез глаз и цвет кожи. Если этого нет, единство нации недостижимо.

Станислав Станских, *руководитель Центра конституционной истории, Москва:*

— Вы сказали, может быть, я вас не понял, что после окончания Второй мировой войны Россия так и не была принята в основные европейские и североатлантические структуры. Но Россия является членом Совета Европы, юрисдикция Европейского суда по правам человека признается в России, она является действенным фактором в нашей правовой системе. Кроме того, никто не отменял членство России в G8. Хотелось бы услышать по этому поводу ваш комментарий.

Игорь Зевелев:

— Конечно же, Россия является членом многих международных организаций. И Совет Европы можно назвать, и ОБСЕ. Ну, «восьмерка» фактически перестала существовать. Можно вспомнить Совет безопасности ООН и многие другие институты, однако я говорил не об этом. Я говорил об архитектуре безопасности и об институтах, на которых, хорошо это или плохо, скорее всего плохо, зиждится политика безопасности в североатлантической части мира. Я имел в виду прежде всего НАТО, а также Европейский союз. Не обязательно быть даже членом этих организаций, но без серьезной институционализации взаимоотношений и договоренностей по ключевым вопросам о том, как мы живем дальше, трудно ориентироваться в выстраивании правильных отношений. Повторяю, ключевой вопрос, стоявший перед архитекторами системы безопасности после окончания холодной войны в этой части мира, остается открытым. Россия вне этих институтов. Потому что ОБСЕ и Совет Европы занимаются абсолютно другими вопросами. Совет Европы — это сейчас в основном проблематика прав человека и демократических институтов. ОБСЕ — это наблюдение за выборами и т.д. «Три корзины» ОБСЕ сегодня — это воспоминания о большом перечне задач, которые никогда не были реализованы. Эти институты полезны, безусловно, членство России в них тоже полезно, однако они второстепенны по отношению к проблемам разработки глобальных параметров безопасности. Военное планирование, которое ведется прежде всего в Москве и в Вашингтоне, не учитывает того, Россия — член Совета Европы или нет. Конкретные задачи ядерного планирования, стратегия размещения вооруженных сил и структура не определяются этими факторами. По этим вопросам у нас нет общих договоренностей с Западом. Россия остается изолированной от западной архитектуры безопасности, хотя надежной адекватной архитектуры безопасности без России быть не может. Это фундаментальнейшая проблема.

Петр Швецов, *директор компании «АльпСтройТренд», г. Волгоград:*

— Скажите, пожалуйста, как, по вашему мнению, должна вести себя российская власть по отношению к Украине, чтобы ее народ в центральной и западной частях изменил свое негативное отношение к России?

Игорь Зевелев:

— Будучи реалистом, я просто не вижу для этого предпосылок в краткосрочной перспективе. Все-таки нарушение территориальной целостности государства — это очень серьезно для всех граждан этого государства. Мы сами дважды воевали в Чечне за сохранение территориальной целостности. Многие государства испытали в своей истории экономические конфликты, связанные с сепаратизмом. Сейчас я даже не знаю, как ответить на ваш вопрос, потому что мы еще не вышли из очень острой стадии конфликта. Очень много будет зависеть от того, что будет делаться в Киеве, но, конечно, и от поведения Москвы. Сейчас ситуация такая, что я просто не вижу реальных для этого сигналов.

Александр Хориков, координатор проектов региональной общественной организации «Городская среда», г. Ульяновск:

— Сначала маленький вопрос: не является ли присутствие Лимонова вчера на Пушкинской площади фактически его личным поражением в войне с властью, которую он вел в последние годы? И большой вопрос: не является ли идея русской национальной идентичности, особого русского пути, которая культивируется в последнее время, просто хитрой формой оправдания внешней и внутренней политики, которая ведется страной?

Игорь Зевелев:

— Я думаю, что сам Лимонов это совершенно так не оценивает. Он ведет себя в конкретной ситуации как политик, который выступает против одних направлений политики государства, но поддерживает другие. Вот наконец он увидел то, что, с его точки зрения, можно поддержать. Поэтому, наверное, вряд ли это можно расценивать как его поражение в войне с властью.

Являются ли оправданием внешней и внутренней политики все эти философские искания особого русского пути? Я долго придерживался той точки зрения, что это всегда циничный выбор идей, имеющихся на полке. Некоторые из тех, что эксплуатируются, появились еще в 1992 году. Ничего нового фактически ни о соотечественниках, ни о русском мире, ни о цивилизации и т.д.

Но все-таки иногда власть действует, именно руководствуясь большими идеями. Ваш вопрос я могу интерпретировать как тему манипулятивного, циничного использования каких-то идей для оправдания других целей, которые мы можем даже точно не знать. А можно вести речь о том, что политики искренне движимы большими идеями. Я думаю, что есть и то, и другое. И мне кажется, что сейчас все-таки есть большие идеи. Поэтому речь тут не о циничном манипулятивном использовании банальных смыслов, мне кажется, что есть большие идеи.

Виктор Киселев, помощник депутата Ярославской областной Думы:

— Вопрос к вам как к человеку, значительное время работавшему в Соединенных Штатах. Как американское общество выстраивает национальную идентичность, как оно воспитывает национальную идентичность

среди американцев? Есть ли чему у них поучиться? И есть ли ошибки, которых нам следует избегать?

Игорь Зевелев:

— Америка в чем-то уникальная страна, но, как и любая уникальная национальная идентичность, она формируется абсолютно различными движущими силами. Америка уникальна в том, что это идеологически не этническая страна. Страна построена вокруг определенных институтов и ценностей. Америка не единственная, конечно, такого рода страна. Но американская исключительность (в которую абсолютное большинство американцев верят, и их не убедил в обратном Путин в статье в «Нью-Йорк Таймс») строится на уникальности институтов. В США работает конституция, принятая больше двухсот лет назад. Созданы совершенно фантастические институты, и независимо от цвета кожи, идентичности, вероисповедания и так далее все принадлежат к этой великой политической нации. С этой точки зрения это почти идеал политической нации, где нет фактора этничности.

Как это воспитывается? Это воспитывается с ранних лет в школе, с принесения, кстати, в некоторых школах, не во всех, клятвы верности американскому флагу, когда детишки кладут руку на сердце и произносят эту клятву. Вокруг этого в американском обществе довольно много дебатов о том, нужно ли это и правильно ли это. Высказываются самые разные точки зрения.

Самюэль Хантингтон, в частности, в работе «Кто мы» об Америке и американцах много говорит о роли политических институтов и ценностей, но все-таки подчеркивает протестантские англосаксонские ценности, от этого никуда не деться. Какой самый большой праздник для американцев? Рождество, а также День благодарения — самый американский праздник. Но денег американцы больше тратят на Рождество. Для них это самый главный христианский праздник. Из политкорректности там широко отмечается один из еврейских праздников, а также праздник афроамериканцев, хотя они из разных регионов Африки были привезены не добровольно, мягко говоря.

Конечно, американская политическая нация испытывает определенное напряжение в силу обширной философской дискуссии о мультикультурализме. А именно о том, что если общество и в какой-то степени государство будут поддерживать все культуры, какие есть в стране, в равной степени, то не будет ли потерян американский дух, то, что объединяет всех американцев. Между либералами и консерваторами идет постоянный спор, подчеркивать ли то, что все тут американцы, или поддерживать многообразие? Конечно, хорошо, когда царит единство в многообразии. Но ведь есть достаточно много людей, которые противопоставляют эти понятия. Словом, процесс конструирования нации, о котором я говорил в самом начале, это никогда не результат, а всегда процесс. Нации меняются на протяжении своей истории. Меняются иногда до неузнаваемости. Но в Америке есть какая-то сердцевина, которую никто не оспаривает. А это, думаю, ее институты и либеральные ценности.

*Владимир Гельман,
профессор Европейского
университета
в Санкт-Петербурге,
кандидат политических наук*

Российская политика после СССР: издержки пути к свободе

Когда в начале 90-х формировался новый российский политический режим, в народе, в экспертном сообществе, политических кругах было мало ясности относительно политического будущего страны, хотя надежды возлагались, конечно, на демократическую модель. Сейчас, пожалуй, можно подвести некоторые предварительные итоги реального состояния общества.

Среди многих специалистов существует печальный вывод, что за эти двадцать с лишним лет произошел откат от политических и в значительной степени от гражданских свобод. Это фиксируют различные экспертные оценки, результаты опросов. Важно, однако, не только констатировать симптомы этого феномена, но и разобраться в причинах такой траектории развития. Как и почему происходили такие изменения и чего мы можем ожидать в будущем?

Если политическую диагностику уподобить диагностике медицинской, то с некоторой долей условности всех тех, кто пишет, говорит, рассуждает о закономерностях политических изменений в России, можно разделить на три большие группы. В Советском Союзе была шутка, что есть три школы мысли: оптимисты, которые готовятся к войне с США и учат английский язык; пессимисты, которые готовятся к войне с Китаем и учат китайский язык. И есть реалисты, которые готовы воевать с кем угодно и изучают автомат Калашникова. Я бы сказал, что содержательно эта шутка не утратила актуальность, к сожалению, и по сей день. Но позволю себе немного ее переформулировать, основываясь на различных концептах.

Итак, есть пессимисты, которые считают, что Россия несовместима с демократией западного типа в силу особенностей своей истории и культуры, которые, подобно наследственному заболеванию, не лечатся, и остается с этим мириться. При этом кто-то считает виной советский опыт российского прошлого, сформировавший

несовместимый с демократией исторический тип человека советского, а кто-то склонен видеть корни антидемократической и антиправовой традиции в эпохе Московской Руси, Ивана Грозного и вообще монархического абсолютизма.

Представители второй точки зрения рассматривают консерватизм в постсоветской России в контексте очень глубокого посттравматического синдрома. Среди формирующих его факторов — распад СССР и социалистической системы, очень болезненные системные перемены, возникновение иных социально-политических и экономических отношений и многие другие спонтанные, плохо продуманные, скоротечные и одновременно происходившие изменения. Опыт многих других стран показывает, что там подобные изменения протекали достаточно длительное время, иногда целые века, что давало населению возможность адаптации. Очень тяжелый и глубокий посттравматический синдром невозможно вылечить быстро, но можно надеяться, что со временем, по мере развития экономики, обогащения страны, эти травмы будут преодолены и в каком-то, может быть, не очень близком будущем произойдет демократический транзит.

Ну и, наконец, третий подход, сторонником которого я являюсь, связан с тем, что находящиеся у власти политики в демократии не заинтересованы.

Есть много определений демократии. Но самое простое и точное дал американский политолог польского происхождения Адам Пшеворский, который однажды заметил, что демократия — это политическая система, где партии теряют власть в результате поражения на выборах. Если вы политик, находящийся у власти, то вы, наверное, не очень заинтересованы в том, чтобы потерять власть в результате поражения на выборах, и если у вас возникнет такая возможность, то вы сделаете все, чтобы власть на выборах не

потерять всеми правдами, а если не получается правдами, то и неправдами.

Это не значит, что политики сплошь и рядом эдакие исключительно негативные персонажи. Многое, разумеется, зависит от их личных качеств. Однако действуют они исходя из интересов групп поддержки, более или менее многочисленных, пытаясь при этом оправдывать ожидания большинства населения. То есть мы должны понимать, что эта мотивация играет первоочередную роль и не принимать за чистую монету крайность сценариев голливудских фильмов, где есть хорошие парни — сторонники демократии и есть плохие парни — противники демократии, и происходит борьба между ними. Это не то чтобы фактически неправильно; в реальности мы сплошь и рядом видим, что люди, приходящие к власти под демократическими лозунгами, ведут себя вовсе не как сторонники демократических правил игры.

Если применить эти объяснения к анализу ситуации в сегодняшней России, то, в общем, нет объективных причин считать, что страна не совместима с демократией. В плане экономического развития она более обеспечена по ВВП на душу населения, чем большинство стран мира. С другой стороны, Россия стала гораздо менее эгалитарной страной, чем был Советский Союз. Хотя уровень неравенства в целом в России ниже, чем во многих, например, вполне демократических странах Латинской Америки. Если обратиться к различным данным исследований, то видно, что россияне действительно не являются идеальными демократами. В стране очень высокий уровень нетолерантности, очень низкий уровень межличностного доверия. Разумеется, это не очень радует, но правда и то, что Россия здесь не уникальна. Например, уровень доверия в Бразилии много ниже — и ничего. Во-вторых, если оценить данные опросов, то окажется, что на базовом уровне россия-

Сезар. Компрессия «Бампер авто». 1956

не вполне демократы. Российские граждане хотят, чтобы были свободные выборы, хотят иметь свободу слова и прочие фундаментальные права. И я бы не сказал, что российское нынешнее состояние умов какое-то глубоко антидемократическое. Что же касается отсутствия демократических традиций, то во многих странах мира наследие не лучше, чем у нас. За последние два десятилетия демократия утвердилась в самых разных странах — от Монголии до Бенина, и при всем критическом отношении к собственной стране явно не стоит считать, что

наше демократическое наследие худшее. А в странах, где никаких демократических механизмов не существовало, политикам пришлось идти на свободные выборы, как это было когда-то там в восьмидесятые годы — в Бразилии, в Южной Корее, в самых разных частях света. Чтобы понять, откуда берется демократизация нужно обратить внимание на политические механизмы — почему политикам не всегда удается монополизировать власть? Несколько ответов. Первый связан с тем, что происходят иногда острые, неразрешимые конфликты элит, и един-

ственным выходом из таких конфликтов становится установление правил игры, которые препятствуют монополизации власти. Примерно в этом был главный итог «Славной революции» в Англии в конце XVII века, когда был создан фундамент системы политического устройства, закрепленный «Биллем о правах», по которой Великобритания живет по сей день.

С другой стороны, политика — это не только борьба элит, это прежде всего участие масс, это классовая борьба, и, в общем, если мы посмотрим на европейскую демократизацию или на ту же демократизацию бразильскую или Южной Кореи, то эти процессы проходили под очень сильным давлением масс. Проще говоря, у политиков был не очень богатый выбор: или идти на демократизацию, или сталкиваться с революциями, с острыми внутривнутриполитическими конфликтами. И, соответственно, в некоторых странах приходилось делать первый выбор как наименьшее зло.

Еще одно объяснение связано с международным влиянием на те или иные страны со стороны развитых демократий. Здесь есть два механизма. Первый механизм — это вовлечение в процесс, заимствование примера. Типично в этом смысле влияние Западной Европы, Евросоюза в целом на демократизацию стран Восточной Европы после падения коммунистических режимов. А есть механизмы прямого воздействия со стороны более развитых демократий. Эти механизмы работали в Западной Германии после Второй мировой войны.

Ну и, наконец, немалую роль играют идеологические представления лидеров авторитарных режимов. Очень часто они не идеологизированы, но бывает, что лидеры идут на демократизацию, полагая, что это принесет благо и странам, и им самим. Пример Михаила Горбачева показывает, что если бы он ничего не

делал, то, может быть, был бы до сих пор генеральным секретарем ЦК КПСС и политические изменения в Советском Союзе в период его правления просто не произошли бы.

Если оценить ситуацию в России после распада СССР, мы увидим, что практически ни одного из условий для демократизации здесь не было. Все конфликты элит, которые возникали и в 1991 году, когда произошел распад Советского Союза, затем между Ельциным и парламентом в 1993-м и в 1999–2000 годах, когда решался вопрос о том, кто возглавит страну после ухода Ельцина, разрешались подобно игре с нулевой суммой: если одна сторона выигрывала, то другая полностью проигрывала.

При этом массовое участие населения России в политическом процессе было чрезвычайно низким. Я имею в виду не участие в выборах, а протестные действия. Более того, есть исследование американского политолога Грэма Робертсона, который анализировал данные статистики МВД по забастовкам в девяностые годы. Он показал, что на забастовки в России того времени влиял один-единственный фактор — конфликт региональных элит с федеральными властями. Региональные элиты умышленно провоцировали забастовки, чтобы выбить из федерального центра долги по оплате труда работникам бюджетного сектора. К массовому настроению это все никакого отношения не имело.

Надо отметить, что международное воздействие на Россию с целью коррекции ее политики имело незначительное влияние в силу ряда объективных причин: Россия — большая страна с большим экономическим потенциалом, экспортер природных ресурсов и так далее, не буду развивать эту тему.

Если демократизация не происходит, что происходит взамен? Я очень условно в своей книге, посвященной российской

политике после распада СССР*, разделил политическую траекторию на два больших периода. Это 1991–2000 годы — ранняя не очень успешная стадия строительства авторитаризма. Почему? Потому что Российское государство было слабым и не могло использовать аппарат принуждения, потому что вплоть до начала 1999 года наблюдался экономический спад, а также потому, что происходил захват государства олигархами и региональной верхушкой, так как была очень разношерстная правящая коалиция — неформальная группа лиц, близких к главе государства. Поэтому построить успешный авторитарный режим было просто невозможно.

После 2000 года ситуация кардинально меняется: происходит очень быстрый экономический рост вплоть до кризиса 2008 года, консолидация Российского государства и его административного потенциала, падение влияния региональных групп экономических интересов. На этом фоне последовательное формирование правящей коалиции привело к тому, что российские власти очень эффективно выстраивали институты, препятствующие демократии и в электоральной партийной системе, и в функционировании парламента, тормозящие разделение полномочий между центром и регионами. И надо сказать, что добились немалых успехов.

Если суммировать, что представляет собой институциональный каркас нынешнего политического режима, то он покоится на трех китах, на трех правилах. Во-первых, это монополия на принятие решений. Есть в России документ, очень длинный, скучный и не имеющий отношения к реальности, который называется «Конституция Российской Федерации», а есть реальная конституция, суть которой однажды гениально сформулировал глава

Центризбиркома Владимир Чуров: «Путин всегда прав». Это правило номер один. Правило номер два — это барьеры для открытой конкуренции элит на выборах. То есть выборы имеют значение. Это не процедура, как в Северной Корее, где один кандидат получает 100% голосов. Более того, в выборах иногда участвует оппозиция. Тем не менее созданы такие формальные и неформальные правила выборов, которые исключают поражение правящей группы. Ну и можно добавить фактическую иерархическую субординацию субрегиональных властей по отношению к власти высшего уровня — то, что в российском сленге называется вертикалью власти.

Естественно, возникает вопрос: возможно ли изменение этого состояния? Обычно когда рассуждают на эту тему, то ссылаются на какие-то внешние шоки: вот упадут цены на нефть, или произойдет еще что-то катастрофическое в экономике, или вспыхнут конфликты. Все это события, которые предугадать невозможно. Если мы выведем их за скобки, то увидим, что одним из важнейших факторов, которые препятствуют выходу из этого состояния, является то, что он окажется сложным и чрезвычайно болезненным. Иначе говоря, в случае смены режима россиянам, скорее всего, есть что терять, по крайней мере значительной их части. Бремя, которое на них налагает сегодняшний режим, не такое тяжелое, по крайней мере с точки зрения индивидуальной свободы, я не имею в виду свободу гражданскую и тем более политическую. В общем, российские граждане чувствуют себя вполне комфортно. А вот выигрыши, которые они получили бы в краткосрочной перспективе, как минимум не очевидны. Таким образом, неэффективное равновесие поддерживается само собой. На

* См.: Владимир Гельман. *Из огня да в полымя. Российская политика после СССР*. — БХВ-Петербург, 2013. — Прим. ред.

мой взгляд, эта ситуация недооценивается, в том числе и теми, кто выступает с критикой российского политического режима: если менять плохую политическую систему на другую, лучшую, то надо понимать, что переход к ней сулит немалое количество издержек, а у многих россиян был уже тяжелый опыт смены одного режима на другой.

Совсем недавно мы наблюдали волну протестов на фоне выборов 2011 и 2012 годов, которая немного поколебала равновесие вертикали. Опять сошлюсь на Адама Пшеворского, который сказал, что такое равновесие держится на трех основных факторах: ложь, страх и экономическое процветание.

Экономическое процветание сегодня в России под вопросом: ожидать в будущем даже при самом благоприятном развитии событий, что страна будет переживать что-то подобное тому, что наблюдалось в 2000-е годы, не приходится. Проблема чревата следствиями: сохранится ли уровень экономического благосостояния, который пока обеспечивает поддержку статус-кво со стороны продвинутой части избирателей (более молодых, более образованных, более обеспеченных, живущих в больших городах), а также периферийных избирателей (пожилых, низкоквалифицированных, менее образованных), которые опасаются потерять нынешнее относительное благосостояние.

Фактор страха сыграл свою роль как демонстративный эффект массовых протестов, потому что те, кто был недоволен режимом, увидели, что они далеко не одиноки. С другой стороны, властям пришлось приложить немалые усилия, чтобы снизить степень рисков и страха перед протестным потоком.

И наконец, ложь. Со временем она утрачивает эффективность и заставляет власти предпринимать какие-то реальные действия для удовлетворения запросов населения.

Учитывая все, о чем было сказано, попытаемся предположить, чего можно ожидать дальше. Политическая наука, как и любая наука, очень неэффективна в прогнозировании. То есть если чей-то прогноз сбывается, то не потому, что кто-то такой умный, а потому, что это случайность. Я не являюсь исключением, с прогностическими способностями у меня тоже не очень здорово, поэтому ограничусь контурами некоторых.

Можно предположить, что статус-кво сохранится, то есть дальнейшее загнивание режима может продолжаться на протяжении длительного времени, до тех пор пока те, кто сегодня правит в России, просто в силу возраста не уйдут в мир иной.

Можно предположить поворот к более систематическому закручиванию гаек, более агрессивному режиму. Российский режим на самом деле чрезвычайно низко репрессивный по мировым меркам авторитарных режимов. У таких режимов есть свои сложности и свои проблемы. Если суммировать каким-то одним качеством — эти режимы ломаются, а не гнутся.

И третье, это ползучая, как ее называл Пшеворский, демократизация, непоследовательная, которая проходила во многих странах на протяжении довольно длительного времени. В Бразилии на это ушло одиннадцать лет, в Южной Корее — семь, в Польше — девять лет. И, как правило, это не прямой поступательный процесс, а скорее возвратно-поступательный, с многочисленными зигзагами, поворотами. Думаю, и в России, скорее всего, траектория движения к демократии будет представлять какую-то непоследовательную комбинацию различных факторов, действий, реакций. В итоге Россия все равно станет свободной страной. Вопрос в том, когда именно, как именно и с какими издержками она пройдет свой путь к политической свободе.

Олег Хархордин,
ректор, профессор
факультета
политических наук и
социологии
Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Республиканская традиция — не быть рабом

Республиканская традиция как понятие вышла на первый план, видимо, после антикоммунистических революций в странах Центральной и Восточной Европы 1989 года, когда теоретический диспут, коим занималась политическая и социальная теория в течение XX века, вдруг стал неактуальным. Две главные концепции сражались на политическом ринге в течение XX века — либерализм и марксизм, и вдруг одна из них мощным ударом была выброшена с ринга. С 2008 года, однако, мы наблюдаем возрождение марксизма. И хорошо, что лет двадцать подспудно готовилось это возрождение. По крайней мере в девяностые и нулевые казалось, что безраздельно восторжествовал либерализм; это было выражено в известном идеологическом тезисе Фрэнсиса Фукуямы о том, что наступил конец истории, либерализм осуществил все свои чаяния и идеи. Этот самоуверенный тезис оспаривала вначале небольшая группа людей, но со временем она генерировала достаточно мощное течение политической мысли, которое и называется теперь по-английски *republicanism* — классическая республиканская традиция. В ее основании две тысячи лет размышлений о свободе, которые были свойственны людям до того, как сформировалась либеральная доктрина. И это размышление о свободе не менее, чем классический либерализм, подчеркивает, что республиканизм пытается защищать права и свободы человека. Тем не менее это несколько другой способ размышления, чем экономический или политический либерализм. Попытаюсь показать, чем он отличается от либерализма. Но вначале назову основные труды, которые преподаются сейчас студентам на вводных курсах по либерализму. Это исследования Квентина Скиннера, бывшего профессора истории в Кембридже, Филиппа Петтита, профессора политических наук в Принстонском университете, в 1977 году он опубликовал книгу *Republicanism: A Theory of Freedom and Government* (Республиканизм как теория свободы и правления). И ис-

следователь, которую я выделяю с точки зрения обобщения предмета, Изольта Хонохан. Она преподает в Дублинском университетском колледже в Ирландии. Ее книжка называется Civic Republicanism (2002), наиболее простая, если читать об этом впервые.

Характеризуя современный республиканизм, можно сказать, что это размышление о том, как люди могут жить вместе исходя из принципов самоуправляющихся сообществ, не обязательно даже связанных рынком и экономической свободой.

Коротко прокомментирую пять основных черт республиканской классической традиции и приведу ряд примеров из европейского и российского опыта ее проявления.

Итак, первое, о чем стоит сказать. Обычно, когда идет речь о либеральной концепции свободы, университетские курсы по политической философии начинают с известного эссе Исаяи Берлина «Две концепции свободы» (1958), посвященного проблемам негативной и позитивной свободы. И чаще всего либерализм сводится к негативной свободе, как об этом писал еще Гоббс: если никто и ничто не чинит препятствий или ограничений для моих поступков или желаний, значит, я свободен. Республиканцы считают, однако, что такое понимание не свойственно большому количеству самоуправляющихся сообществ, которые существовали в человеческой истории. Для них было характерно другое, не лучшее, но по крайней мере другое понимание того, что значит быть свободным. Не то, что нет ограничений для моих желаний и действий, а то, что *я не являюсь рабом*. Противопоставление раба и свободного — это центральное противопоставление, которое достаточно примитивно и известно в большом количестве обществ в человеческой истории. По-русски это можно выразить так: не быть в воле другого. Даже если тобой не помыкают, даже если твой хозяин проснулся сегодня в хорошем настроении и не сказал тебе, кто ты есть на самом деле, это не означает, что в один прекрасный день господин вдруг не вспомнит о своем статусе и не поставит раба на место. То есть раб может наслаждаться жизнью, даже помыкая хозяином, но все равно он остается в воле другого. И вот не оказаться в воле другого — это, пожалуй, то стихийное понимание свободы, которое подчеркивают республиканцы.

В русских летописях мы находим то, что возродить нельзя, — новгородскую традицию, разрушенную Москвой в конце XV века. Когда читаешь первую или четвертую Новгородскую летопись, то видишь, как люди в ту пору представляли свою жизнь. Прежде всего самим не быть в воле другого и принимать законы по своей воле новгородской. Порабощение своего младшего брата — псковичей — выражено очень естественно: «А вам, псковичи, в своеволии не быти. Вам быти в воле у нас». То есть новгородцы хотят быть в собственной воле и не быть в неволе у кого-то, но не дают этого права другим. Такова архаичная концепция свободы.

Поэтому, когда говорят о *современном* варианте республиканского понимания свободы, то представляют свободу именно как не господство, которое основано на двух условиях: не быть в воле другого, но и не поработать, не вести себя по отношению к другому как хозяин.

Сезар. Направленная компрессия А. 1960

Вторая черта или второй элемент республиканской традиции заключен в вопросе: вы придумали это прекрасное самоуправляющееся сообщество, но где вы найдете тех людей, кто захочет в нем жить и соблюдать справедливые правила жизни? Согласитесь, ведь если бы в советские времена все вели бы себя так, как требовала коммунистическая мораль, то на одной шестой части земли был бы реализован коммунистический рай. Однако этого не случилось, людскую природу переделать не удалось.

Спрашивается, какие качества нужны, чтобы республиканская система самоуправления работала? Обычный ответ — те, что называются гражданскими добродетелями. То есть качества, обеспечивающие возможность жить вместе по справедливости. Но, как известно, начиная с Цицерона и до Руссо и Токвиля основная проблема республиканизма была в том, что разлагаются легче всего как раз те нравы, которые дают возможность жить вместе и чего-то достигать. Кто-то обязательно тянет одеяло на себя, не хочет жить честно, и тогда не случается того жития вместе, которое подразумевает республиканская свобода.

Как это анализируют теоретики современной экономической науки, хорошо представлено в трудах американского ученого Мансура Олсена, одного из ключевых экономистов XX века. Его известный труд «Логика коллективных действий» (1965) ставит вопрос: зачем человеку ходить на профсоюзную манифестацию, если все равно, даже сидя дома, он добьется результата за счет других членов профсоюза? Если ты рациональный индивид, то нечего тебе куда-то ходить, подставляться под водомет или дубинки полицейских. Другие ребята сходят, а ты получишь приличный коллективный договор. Однако если так себя начинают вести все, то разваливается коллективный протест. И тогда как решать эту проблему?

Это знали, естественно, те, кто занимался профсоюзной борьбой в Америке, считал Олсен. Знают и те, кто мобилизовывал людей на протесты в Европе. Методы мобилизации различаются в зависимости от размеров чего-то добывающейся группы. Если она невелика и все друг друга знают, вы говорите: «Джонни, если ты завтра не пойдешь протестовать, то ты знаешь, что ждет твоих детей в школе». Если группа большая, то у вас два способа мобилизации пассивных людей. Или как знаменитый криминальный профсоюзный лидер в 60-х годах в Америке Джимми Хоффа, вы приходите к итальянским друзьям и говорите: «Вы, мои друзья, поможете мне собрать тех, кто остался дома?». Было нормально тогда запугивать мафией тех, кто не идет протестовать добровольно. Или второй способ, имеющий отношение к религии: вас покарает Бог, если вы не пойдете. Так решалась проблема при отсутствии индивидуальной заинтересованности в коллективном действии.

А то, что предлагали классические республиканцы, выглядит несколько по-другому. Самый аристократичный из республиканцев Алексис де Токвиль, как известно, отправился в 1831 году в Америку, где происходили глубокие и разнообразные перемены, и написал книгу «Демократия в Америке». Слово «демократия» в то время было ругательным, а Америка была непонятной заморской страной, где эта демократия развивается. Тем не менее Токвиль увидел там многое, о чем свидетельствует завершаю-

щая, предпоследняя глава его книги «Какого деспотизма следует опасаться демократическим народам».

Те, кто предпочитает «демократию», но не читал Токвиля, я думаю, не понимают, что демократия может привести к деспотизму. Как можно этому противостоять? Его основной тезис выглядит приблизительно так: «Мы все хотим отдать управление собой кому-то другому, так как у нас есть куча насущных дел: нужно заниматься с детьми, нужно идти на работу, проблемы с женой или с мужем и так далее. Пусть займутся демократией те, у кого нет семьи, у кого другие дела. И вообще, по воскресеньям лучше расслабиться где-нибудь на природе». Его аргумент: если вы себя так ведете, то в какой-то момент превращаетесь в существо, которое поглощает пищу, живет в праздности, но лишено качеств, которые и делают человека человеком. То есть Токвиль в принципе занимается проповедью, предостерегая: если вы так себя ведете, считая, что все свободы сводятся только к экономической свободе или к свободе получения удовольствий в своей жизни, то тогда вы низводите себя на уровень скота.

Другая классическая республиканская модель исходит от того, кто оправдывал монархизм и учил эффективно править государством. Я имею в виду Макиавелли и его известный трактат «Государь» (1532). Прочитав его, можно решить, что это пособие для автократа, как захватить и удержать тираническую власть. Но у него есть и другая большая книга «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1516–1517), где он рассказывает о гарантии свобод в свободных республиках. И если вы хотите увидеть другого Макиавелли — республиканца — читайте эту книгу.

Главное, что он подчеркивал, и в этом основная проблема Флорентийской республики, которая при нем катилась к краху: мало только говорить об участии в общем деле — это проповеди, которые не работают. Людей надо заинтересовать настоящим делом. Они должны понимать, что это арена, где они могут раскрыться как яркие и достойные личности, чьи действия попадут в историю.

Третий элемент, который был в обороте и в советской традиции. Доски почета и другая атрибутика, развешанная в учреждениях и на предприятиях, чтобы публично показать, кто тут лучший и достойный. Те же приемы и сегодня работают в некоторых корпорациях и госучреждениях. Если взять классическую республиканскую традицию, то и здесь коллективное признание заслуг очень важно. Не потому, что это такой же важный мотиватор, как деньги, а потому, что здесь есть некая экзистенциальная составляющая, которой деньги не обладают.

Из трактата Цицерона «О республике», который две тысячи лет служил скорее не республиканцам, а монархам, следует, что есть разного рода сообщества, членами которых мы являемся, например семья, друзья, город, человечество, и все они важны. Но только ради республики люди готовы умереть без колебаний. Когда читаешь это первый раз, то думаешь: «Что? Ради республики люди готовы умереть без колебаний?». Это значит, что те, кто наверху, будут посылать нас и наших детей на убой, но сами своих детей на войну не пошлют. Известный идеал — умереть за родину! — это не для них.

Не то чтобы этот тезис Цицерона был извращен со временем. Просто мы забываем о рациональном эгоизме римского общества, когда впервые был сформулирован этот тезис. Это не был идеалистический тезис, что ради республики надо пойти и сложить свою голову. Это не было и проповедью. Это был именно рациональный эгоизм.

Как показала Ханна Арендт, а она один из основных республиканских теоретиков в XX веке, в своей книге (по-русски она переведена с помощью латинского названия «Vita Activa, или О деятельной жизни»): в отсутствие христианства и представлений о спасении и загробной жизни для грека или римлянина единственной возможностью приблизиться к богам, к их бессмертию была возможность оста-

Противопоставление раба и свободного – это центральное противопоставление, которое достаточно примитивно и известно в большом количестве обществ в человеческой истории

вить после себя какой-то след, память, историю значимой жизни. Представьте себе, при средней продолжительности жизни воюющего грека двадцать семь лет как можно было приблизить себя к бессмертным богам? Рациональное поведение очень простое — это единственная надежда жить после смерти в благодарной памяти людей. Как писал Пушкин: «Нет, весь я не умру». «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» — это вошло в основание русской культуры. Имеется в виду, что если даже меня сметет судьба, но я сделал что-то, означенное высокопарным словом «деяние», это останется после меня. Деяния при этом записывает не семья, не близкие, не философская школа. Только республика может признавать дела других как модель поведения для своих граждан.

Четвертый элемент республиканской традиции — это то, что обычно называют соучастием. Поэтому очень часто республиканскую традицию путают с партиципаторной или прямой демократией, то есть с демократией участия. Участие важно, но не в том смысле, как описал его в Новгороде монархист Карамзин, чтобы смешать с грязью. С точки зрения Карамзина, Новгородское вече — это когда собралась толпа, и кто громче кричит, тот и проталкивает свое решение. У Карамзина нет никаких исторических оснований считать, что Новгородское вече так функционировало.

Когда отрицают вообще возможность республиканских форм организации жизни, то обычно аргументируют таким архаичным пониманием принятия решений. В Новгороде две-четыре тысячи вечников можно было собрать у собора Святого Николы. А как собрать людей в Петербурге, субъекте Федерации в пять миллионов? Как собрать даже в Череповце, куда я езжу иногда, триста тысяч человек?

Конечно, вопрос неправильно поставлен. Потому что ни во Флоренции, ни в Венеции, где было республиканское управление, никогда не собирали всех жителей. Дело в равенстве шансов занимать ключевые должности во власти. В классической истории — от Греции, Афин, Рима до Венеции и Флоренции, включая Новгород, были механизмы, которые обеспечивали

Сезар. Компрессия «Рикар». 1962

равный доступ граждан к местам в исполнительной, судебной и законодательной власти. Нам это кажется невозможным. Однако это происходило, в частности, во дворце дожей в Венеции. Там заседали две с половиной тысячи патрициев, у которых в результате сложных процедур с жребием и голосованием были равные шансы занять положение во власти. Надо сказать, выборы в классической республиканской традиции рассматриваются не как высшее достижение, а как проблема. Выборы — обычный механизм либерального равенства — республиканцы считают несовер-

шенной процедурой по той простой причине, что если вы знакомы с классическими республиканскими трактатами от Цицерона до Руссо, то знаете, что главный уравниватель, главный демократический механизм равного доступа к власти — это жребий. А если это выборы, то можно вспомнить о Перикле в Афинах, которого избирали стратегом больше десяти раз подряд, а полководца Фокиона — 45 раз! Это то, что называется использованием или славы, или административного ресурса: гораздо легче избраться на одно и то же место, если ты уже снискал славу у народа.

Когда же формируются не классические республики, а так называемые представительные или парламентские республики, то есть основанные на выборном представительстве и делегировании власти избранным в парламент, как это происходило во Франции и в Америке в конце XVIII века, то возникает два типа аргументов. Четвертый президент США, один из авторов Конституции США, Джеймс Мэдисон, и влиятельный послереволюционный политик аббат Сийес во Франции соглашались в это время, что настоящее равенство — это жребий, но предлагают другие средства обеспечения демократии.

Мэдисон, правда, не называет структуру, которую он предлагает, демократией, поскольку знает, что это ругательное слово, подобно власти толпы. И предлагает сформировать корпус выборной аристократии (*elective aristocracy*): «мы выберем лучших, которые облагородят наши дебаты». А теперь представьте наше обычное собрание. Люди собрались, их охватывает массовое возбуждение, и вот они уже бегут что-то реализовывать...

Чтобы умирить страсти, которые охватывают разъяренный народ, настаивает Мэдисон, нужна не наследственная, а выборная аристократия. Собравшись в «говорильне» (по-русски это слово означает «парламент»), избранные представители ограничат с помощью рациональных аргументов желание повесить ближнего своего. Но для этого нужны парламенты, и тогда лучшие люди страны станут принимать разумные решения.

Второй аргумент, аббата Сийеса, несколько более известен. Он сводится к тому, что кухарка, вопреки тому, что говорил Ленин, управлять государством не может, ее дело — готовить, и к власти ее лучше не допускать. Доверять управление политической машиной можно только профессионалам. Профессионализация политики начинается с конца XVIII века. И здесь опять та же проблема, как жребием избирать людей на посты в исполнительной власти? Что тут наделают горлопаны, если они придут к власти? Аргумент достаточно рациональный, если относиться к политике, как к машине.

Но в политике есть и другой аспект — это управление равных самими собой. Если относиться к другим, как к винтикам машины, то тогда к рычагам власти надо сажать особо искусных операторов. А если исходить из того, что группа людей с более или менее равными способностями собралась, чтобы решить общее дело, то зачем выбирать главного оператора машины?

В результате этих размышлений мы приходим к определению третьего типа равенства, а именно о разнице между социалистической, либеральной и республиканской моделями. Республиканское равенство — это не равенство либеральное, то есть не равенство социальной гонки, когда все якобы

имеют равные стартовые возможности, а добежавший до финиша первым справедливо получает больше. И это не равенство социалистическое, которое отрицает саму возможность честной гонки, а основывается на дележе общественного блага по справедливости. Республиканское равенство не связывается с исходными условиями гонки и с механическим распределением общественного продукта, это равенство, адекватное общественному признанию вклада в общее дело. Это равенство возможностей занять место в законодательной, исполнительной и судебной системах.

Опять же пример из далекой истории Афин, где только 10% должностных лиц назначались с помощью выборов, а 90% — по жребию. Как писал Марк: детский сад в истории человечества. Так что давайте избирать во власть с помощью совершенных выборных механизмов.

Если формулировать очень коротко все элементы республиканской системы, то это равенство тех, кому не все равно. Это образ жизни людей, которым есть дело до того, как они живут, и которые хотят жить в сообществе равных.

Почему же эти сообщества развалились? Обычный ответ историков: они проиграли в военном соревновании с нарождавшейся автократией в Европе XVII, XVIII, XIX веков. Регулярные армии европейских монархий легко подавляли республиканские временные формирования: ополчение, то есть милицию, наемников, которые разбежались.

Венеция, самая известная республика, дожившая до конца XVIII века, вопреки времени без всяких парламентов, с помощью своих обычных жеребьевок, ротаций, номинаций и так далее, пала в 1797 году и была оккупирована армией Наполеона.

Последняя классическая республика, которая исчезла с лица Европы, — город Дубровник, или Рагуза, в нынешней Хорватии. В 1806 году она сдавалась наполеоновским войскам, чтобы не сдаться русско-черногорским. Это был конец истории классических республик.

Постепенно в Европе монархии преобразовались в современные республики с всеобщим избирательным правом. Они выиграли по сравнению с классическими демократическими республиками тем, что те очень часто имели определенный слой с правами полноценных граждан, не допуская к управлению широкие слои населения, что, надо признать, отчасти обеспечивало их работоспособность. Но если учитывать проблемы современной демократии, когда люди не ходят голосовать или считают, что выбираемые делегаты не представляют их интересы, то в принципе один вид дисфункции сменился другим. По крайней мере надо понимать, что система, существовавшая до представительной демократии, тоже гарантировала свободы, хотя иначе, чем сегодня. Возможно, элементы ее применимы и сейчас, просто мы не отдаем себе в этом отчет.

Почему через двадцать лет после череды антимарксистских революций республиканские идеи стали снова популярными? Потому что марксизм задвинут на задний план как основная альтернатива либерализму и появился республиканизм как целостное представление о том, что можно устроить свободную жизнь по-другому. И еще потому, мы это видим, что элементы республиканской жизни проявляются на двух уровнях. На уров-

не национального государства они всегда проигрывают в военном и полицейском соревнованиях. Но они развиваются на донациональном или наднациональном уровне. То есть на том уровне, где национальное государство проигрывает.

На наднациональном уровне республиканские механизмы важны, потому что нет одного всемирного государства, которое как полицейский стояло бы и указывало всем, что нужно делать. Когда двадцати восьми странам ЕС нужно договариваться по какому-либо значимому вопросу, в какой-то момент становится понят-

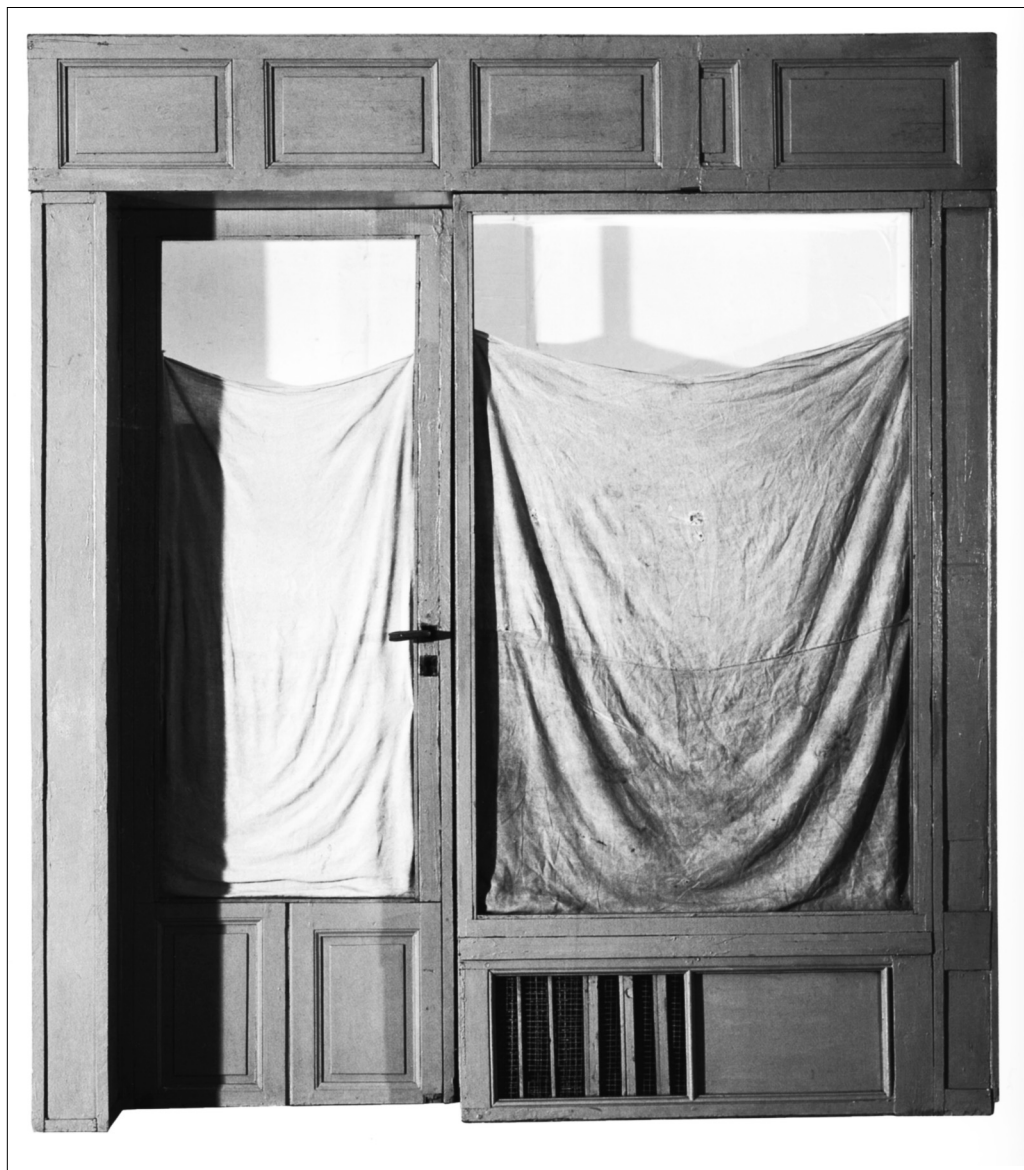
но, что система назначения на полгода страны в качестве председателя Евросоюза не очень работает и нужен кто-то наподобие дожа. Почему нужен дож? Потому что когда случается кризис, скажем, 2008 года, и в этот момент в Евросоюзе председа-

тельствует страна без особого влияния, то оказывается, что президент США звонит премьеру председательствующей страны, а говорит с кем-то более значимым. Выходит, что в республиканском устройстве неплохо бы работали как элементы монархии, так и аристократии и демократии. Этакое смешанное правление...

В выявлении пятой особенности республиканской традиции есть, как мне кажется, российский вклад. Когда мы занимались исследованием правовых систем Великого Новгорода и Венеции, то оказалось, что сравнивать их почти невозможно, потому что сохранились новгородские документы, относящиеся к частному праву, а вот вечевых решений, как и вообще публичного архива, или не было вовсе, или их сжег Иван III или Иван Грозный. Документы, которые в какой-то степени сохранились, это в основном хроники, а хроники и летописи почти всегда писались с определенной целью — обоснования притязаний на власть или на землю определенного княжеского рода или архиепископского престола. Есть, конечно, берестяные грамоты, то есть в каком-то смысле документы частного права. Содержание их примерно таково: я дал тебе бочку огурцов, ты мне ее не вернул, а посему я приду и набью тебе рожу. Как их сравнивать с изощренными публичными документами о выборах магистратов Венецианской республики, было непонятно. Мы, однако, придумали, как это сделать, сравнив два строительных проекта средневековой Европы после того, как были обнаружены остатки многосезонного моста через Волхов в Новгороде, который назывался Великий мост*. Это был единственный многосезонный мост на всю Россию до 1692 года, когда окончательно был достроен Большой каменный мост в Москве. До этого мосты

Если формулировать очень коротко все элементы республиканской системы, то это равенство тех, кому не все равно. Это образ жизни людей, которым есть дело до того, как они живут, и которые хотят жить в сообществе равных

* Достоверное упоминание о нем относится к 1133 году. Сделан из дерева, длина около 350 метров. Части его опор были обнаружены в 2005–2006 годах. — Прим. ред.

Христо. Дверная занавесь. 1964

были наплавные летом и ледяные дороги зимой. По расходам, объему работ это был гигантский по тем временам строительный проект. И мы начали сравнивать жизнь двух республик, изучая экономику новгородского моста и каменного моста Риальто в Венеции, который связывает две части города. Это была тоже самая дорогая стройка в Венеции XVI века, когда окончательно разрушился прежний деревянный мост. Мы попытались сравнить эти два инфраструктурных проекта, чтобы выяснить, как публичные цели связывают людей воедино.

И когда начали исследовать особенности современного российского города, чтобы выяснить, чего в нем не хватает для классического республикан-

ского устройства, то стало очевидно, что связи, объединяющие гражданскую энергию в классическом республиканском городе, у нас отсутствуют. То есть у нас есть какие-то общие интересы, которые собирают людей вместе. Это становится очевидно, когда, например, замерзает водопровод. Или когда в Тихвине в Ленинградской области в январе 2003 года разморозило систему отопления. Тогда на следующий же день собрался народ, чтобы высказать все, что думает о мэре. Эту энергию не остановишь, она заполняет коридоры и кабинеты мэрий, ее трудно остановить. В итоге через три дня «Росстрой» привез трубы и батареи и все быстро поменяли. Когда все закончилось, порыв затух.

Ясно, что если бы люди так же реагировали на другие проблемы везде, где они возникают, то отсутствие гражданского участия в решении вопросов собственной судьбы чувствовалось бы так же, как отсутствие в доме горячей воды или электричества.

Вопрос, как интегрировать этот механизм в нашу современную общественно-политическую систему. Наверное, рецепт здесь выглядит так: нужна инфраструктура свободы и ее надо расширять так же, как водопроводы или газопроводы, ставшие сетью новой идентичности России. Нужны некие каналы, по которым движется энергия граждан.

Сейчас гражданские активисты иногда достигают поставленных целей с помощью мобильного телефона. Это работающий канал мобилизации, как и Интернет. Когда в Питере группы «Живой город», «Охтинская дуга» и другие поставили перед Матвиенко вопрос о том, что нарушение линии горизонта города Охтинской башней является проблемой не только для горожан, но также и для Матвиенко, и для Владимира Владимировича и Дмитрия Анатольевича, проблема была решена. Но для этого потребовались годы борьбы активистов на улицах, в судах, привлечение экспертов, создание сети людей, телефонные опросы, чтобы показать: да, это серьезная проблема и она дойдет в конце концов до уха нужных людей, даже в Кремле. Протестная инфраструктура по поводу Охта-центра строилась практически на пустом месте, с нуля в течение пяти лет. Если бы механизм гражданской активности был уже встроен в систему, ситуация разрешилась бы гораздо проще. Вопрос в том, кто заплатит за эту инфраструктуру, кто захочет ее построить? Она дорога и на нее чаще всего нет денег.

Однако есть примеры того, как работает система гражданского участия, не связанная с реализацией инфраструктурных фантазий, например в Западной Европе. Один из элементов организации республиканской жизни — партиципаторное бюджетирование. Это когда гражданам предлагают самим распределить часть городского бюджета на какие-то нужды. Есть классическое исследование И. Синтоме, К. Херцберга и А. Рече «Партиципаторное бюджетирование в Европе 2008 года». Когда они его готовили, в Европе уже было 256 городов, которые выделяли часть городского бюджета, чтобы ее делили граждане, отобранные с помощью жребия. Не голосованием, а по жребию, то есть по случайной выборке из горожан. Для начала выдаются от 5 до 10% муниципального бюджета. Обычно желающих участвовать в партиципаторном бюджетировании выбирают из списков случайной выборки, с помощью которых форми-

руют суды присяжных. (В России это запрещено законом о персональных данных.) В результате выбираются люди, которые приходят в мэрию и говорят: «Да, я готов подумать, что наконец сделать в нашем городе, где всегда не хватает воды, чтобы у меня всегда была вода». На юге Испании, например. Ему говорят: «Послушай, это, конечно, хорошо, что ты согласился на наше предложение, но теперь тебе придется потратить восемь выходных этого жаркого лета, чтобы сидеть и слушать про разницу между ультрафиолетовой очисткой воды и ионизацией. Потому что без этого, если просто пойдешь к городскому чиновнику, он тебе скажет, что ты просто горлопан с улицы и с тобой разговаривать бесполезно. Готов восемь выходных потратить? Тогда начинаем!» Обычно рассылаются, скажем, триста приглашений. На них реагируют сто пятьдесят человек. Когда они узнают, что надо ходить и слушать скучные лекции, остаются восемьдесят. Из восьмидесяти к восьмой лекции остается двадцать. Из двадцати жребием выбирают десять. Из десяти пять не могут участвовать по разным причинам. Остаются пять человек, которые начинают в конце концов работать. И есть еще пять в резерве. То, что движет европейскими муниципалитетами, это всегда очень приземленные, можно сказать, эгоистические рациональные цели. В них нет благостной наивности в стиле «давайте жить дружно и свободно». Есть конкретные проблемы, которые можно вместе решать.

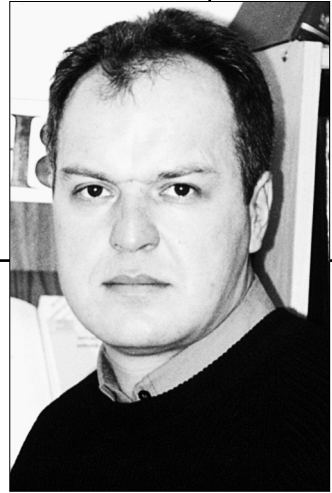
Мы решили попробовать сделать то же самое в России: в Череповце и Сосновом бору. А именно — очень небольшую часть их городских бюджетов предложили поделить по европейскому стандарту группе горожан на городские проекты. Мы тоже попытались набрать жителей с помощью списков, которые используются при формировании судов присяжных, но это, как я уже сказал выше, оказалось невозможным. Поэтому через СМИ, Интернет мы обратились к горожанам с предложением поучаствовать в городском управлении. Группа граждан, которые согласились (сто двадцать в одном городе, восемьдесят в другом), после отсева существенно сократилась. Дальше были встречи с муниципальными чиновниками и несколько лекций о принципах работы городского хозяйства. В результате в Череповце участники проекта поделили всего четверть процента городского бюджета. В Сосновом бору полтора процента. Можно, конечно, сказать: суммы не впечатляют. Но надо с чего-то начинать. Сейчас предстоит второй и главный этап: члены комиссии должны набрать из публики заинтересованных горожан, чтобы проследить за реализацией решений комиссии, которые включены в городские бюджеты Череповца и Соснового бора. Главное — преемственность и продолжение начатого. Есть естественная энергия гражданской жизни. Всегда найдутся люди, которым не все равно, и у них должна быть возможность участвовать в принятии решений по поводу того, что им не все равно.

Если кто-то хочет узнать детали по партиципаторному бюджетированию в России, то вот e-mail человека, который ведет этот проект, его зовут Лев Шилов: lshilov@eu.spb.ru

Если наберете его в Google, то найдете все детали. Напишите ему, и он все расскажет.

«Священная корова» губернаторов

Медиаресурсы власти и коррупционные риски

*Сергей Мошкин,
главный научный сотрудник
Института философии
и права уральского отделения
РАН (г. Екатеринбург),
доктор политических наук,
выпускник Школы 1996 года*

В нашем политическом лексиконе давно и надежно прижилось понятие «административный ресурс». Сущностно размытое и весьма публицистичное, оно употребляется, как правило, в негативной коннотации и описывает случаи злоупотребления ресурсами, имеющимися в распоряжении органов публичной власти и их должностных лиц, в целях приобретения (сохранения) политических выгод и преимуществ.

Вместе с тем ответ на вопрос, что является злоупотреблением при распоряжении ресурсами власти тем или иным должностным лицом, далеко не очевидный, поскольку и само обладание ресурсами, и возможность дискреционного (то есть нерегламентированного, по собственному усмотрению) распоряжения ими являются естественными атрибутами должностного лица в административной иерархии, необходимыми инструментами выполнения им должностных обязанностей. Более того, как заметил Ю. Нисневич, «чем выше положение должностного лица в иерархии публичной власти, тем большими властно-распорядительными полномочиями и правами это лицо обладает и тем большим объемом ресурсов власти может распоряжаться и использовать по своему усмотрению, то есть тем большей дискреционной властью такое лицо обладает» и, естественно, тем шире пространство коррупционного риска*.

При этом само обладание ресурсами публичной власти и даже возможность дискреционного распоряжения ими сами по себе не порождают коррупцию, а лишь создают институциональные условия для нее; коррупция же возникает при неправомерном использовании таких ресурсов для получения личной (или групповой) выгоды как материального, так и нематериального характера.

* Нисневич Ю.А. *Электоральная коррупция и модель участия в выборах в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. — № 4 (28). — С. 53.*

Одной из разновидностей такой выгоды нематериального характера является приобретение (или попытка приобретения) позитивной политической репутации должностного лица при помощи медийных и информационных ресурсов публичной власти в целях достижения политического, в том числе электорального, преимущества над своими реальными или потенциальными конкурентами. По сути, речь идет о частном случае политической коррупции, ресурсной базой которой являются финансово зависимые от властей массмедиа.

Примечательно, что при относительно равном объеме ежегодной работы, выполняемой органами публичной власти, расходы на информирование населения о результатах такой работы из года в год увеличиваются. Так, по подсчетам эксперта Центра фискальной политики Д. Андреевой, средний рост расходов на СМИ в органах власти российских регионов в 2013 году по сравнению с 2012-м составил 110,7%. При этом, к примеру, в Оренбургской области расходы увеличились за этот период на 129%, в Архангельской — на 142,6%, в Ямало-Ненецком автономном округе — 158%, Кабардино-Балкарии — 208,2%, на Камчатке — на 209%, но больше всего расходы на СМИ выросли в Свердловской (264,2%) и Астраханской (528,1%) областях*.

Причем увеличение расходов на информационное обслуживание региональных властей происходит на фоне повсеместного роста дефицита региональных бюджетов. По данным Минфина на 1 апреля 2014 года, суммарный долг российских регио-

нов по сравнению с началом декабря 2013 года, то есть за четыре месяца, вырос более чем на 246 млрд рублей и составил, в частности, в той же Оренбургской области — 24,3 млрд рублей (на начало декабря 2013 года — 20,5 млрд рублей), в Архангельской области — 28,6 млрд рублей (21,7 млрд), в Ямало-Ненецком автономном округе — 27,5 млрд рублей (18,3 млрд), в Астраханской области — 18,8 млрд рублей (15,9 млрд), в Свердловской — 33,8 млрд рублей (в начале декабря 2013 года — 22 млрд)**. Саратовская область и вовсе вышла за критическую черту госдолга, разрешенную законом, и находится на грани дефолта***.

В абсолютных значениях больше всего на СМИ тратят московские власти — 11 млрд 611 млн рублей в 2013 году; меньше всего — в Еврейском автономном округе — 26,49 млн рублей. Руководство Свердловской области в 2012 году потратило на массмедиа 529,66 млн рублей, а в 2013 году — порядка миллиарда трехсот миллионов****. На этом фоне намерения сахалинского губернатора А. Хорошавина потратить на СМИ 680 млн рублей в течение трех лет (это известие вызвало широкий общественный резонанс в конце 2013 года) выглядят более чем скромными, даже с учетом того, что Сахалинская область — один из самых малонаселенных регионов России*****. По крайней мере медийные расходы региональных властей на Сахалине не выходят за пределы среднероссийских значений.

В целом на работу со СМИ из региональных бюджетов в 2014 году будет потраче-

* Тагаева Л. Сколько в России тратят бюджетных денег на «имидж губернатора» // URL: http://slon.ru/russia/skolko_v_rossii_tratyat_byudzhetykh_deneg_na_imidzh_gubernatora-1032166.xhtml.

** Башилькова Н. С начала года долги регионов выросли на 246 млрд рублей. Ситуация с долгами региональных бюджетов продолжает ухудшаться // URL: <http://izvestia.ru/news/569839>

*** Алябьева Е. Каким регионам уже грозит дефолт // URL: http://slon.ru/economics/kakim_regionam_uzhe_grozit_defolt-1097521.xhtml

**** Тагаева Л. Указ. соч.

***** Кротов С. Почему нынче имидж губернатора и сколько стоит его испортить? // URL: <http://www.gosrf.ru/news/12559/>.

но более 33 млрд рублей*. На что же конкретно тратятся бюджетные деньги? Статья регионального бюджета, по которой финансируются расходы на СМИ, как правило, содержит несколько разделов. Первый и, пожалуй, самый затратный из них — расходы на электронные СМИ, то есть на телевидение и радио. Поскольку телевидение имеет самое мощное воздействие на аудиторию, именно финансированию «голубых экранов» уделяется первостепенное внимание со стороны властей субъектов Федерации. К примеру, расходы на содержание государственных телеканалов Челябинской области ОТВ и «Восточный экспресс» в 2013 году выросли на 175% по сравнению с предыдущим годом и составили 136,6 млн рублей. Рост бюджетных расходов на те же нужды за тот же период в Свердловской области был чуть меньше — 163,5%, однако в абсолютных значениях достиг куда более значительной суммы, нежели у соседей-челябинцев — 193,9 млн рублей в год. В Ямало-Ненецком автономном округе расходы на электронные СМИ выросли и того меньше — на 142,3%, однако в абсолютном выражении составили 1 млрд 690 млн 580 тысяч рублей в 2013 году**.

Второй традиционный раздел бюджетных расходов на региональные медиа посвящен, как правило, печатным средствам массовой информации. Здесь речь идет о финансировании газет, учредителями которых являются органы государственной власти, а также о финансовой поддержке муниципальных изданий, наших традиционных «районок». Существование подобных изданий вызвано как минимум необходимостью публикации в них региональных и муниципальных нормативных актов. Эти же газеты

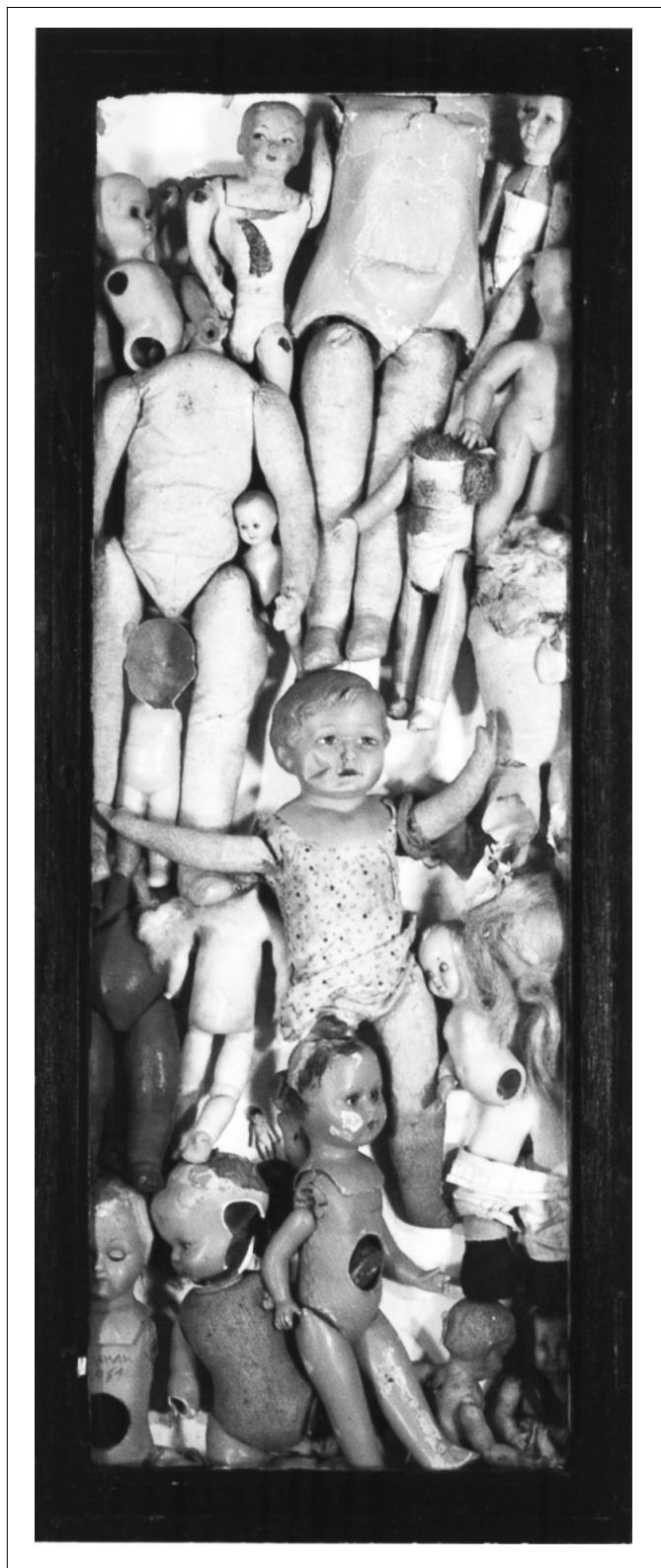
активно используются властями для информирования населения о своей деятельности. Среди регионов УрФО лидером расходов на печатные СМИ в 2013 году стал все тот же Ямало-Ненецкий автономный округ — 522,55 млн рублей. Рост расходов по сравнению с 2012 годом здесь составил 134,4%. В Свердловской области расходы на «печатное слово» в 2013 году составили 285,85 млн рублей (рост на 140,9%). Абсолютным лидером в этой номинации стала Челябинская область. Здесь рост бюджетных выплат региональным государственным и муниципальным изданиям составил 190,9% по сравнению с 2012 годом при относительно умеренной сумме, 57,43 млн рублей, в 2013 году. Значительная часть этих денег, как свидетельствуют эксперты, была направлена на финансирование губернаторской многополосной газеты «Южноуральская панорама».

Но, пожалуй, самый интересный в контексте нашего исследования раздел бюджетных расходов на СМИ именуется весьма расплывчато и неопределенно — «Другие вопросы в области СМИ». В этот раздел, как правило, «зашиваются» все средства, предназначенные для оплаты услуг сторонних (негосударственных и немунципальных) СМИ, и именно он, в силу своей неконкретности, предоставляет широчайшую возможность должностным лицам органов публичной власти использовать бюджетные ресурсы дискреционно, по своему усмотрению и прихоти.

При этом руководство отдельных субъектов намеренно оповещает о своих достижениях не только жителей региона, но и России, а также зарубежье — как ближнее, так и дальнее. Так, в Республике Адыгея на улучшение имиджа республиканской власти в 2014 году планируется

* Минфин покусился на «священную корову» губернаторов // URL: <http://flb.ru/infoprint/57021.html>.

** Джулмаев К. Они тратят на это миллиарды // URL: <http://ura.ru/content/svrd/29-01-2014/articles/1036261191.html>

Арман. Избиение невинных. 1961

потратить почти 36 млн рублей — треть годового бюджета на СМИ. Адресатами, кроме территории РФ, станут государства Европы, Средней Азии и Закавказья, в том числе Турция и страны Ближнего Востока*.

А в Свердловской области уже сегодня решили продвигать участие Екатеринбурга в проведении чемпионата мира по футболу 2018 года: информационные материалы планируется размещать на английском, итальянском и португальском языках, притом что состав участников группового турнира чемпионата, который пройдет на Урале, пока неизвестен**.

Вообще, в 2013 году Свердловская область не имела себе равных по увеличению расходов на «другие вопросы СМИ». По сравнению с 2012 годом они выросли более чем в десять раз, точнее — на 1190%, что в денежном выражении составило 824,4 млн рублей. Чтобы освоить столь значительную сумму, в Свердловской области было специально создано государственное автономное учреждение «Информационно-аналитический центр» (ИАЦ), выполняющий роль посредника между областным правительством и массмедиа по оказанию информационных услуг для органов региональной власти, организующий торги на подобные услуги, а то и просто направляющий казенные средства избранным СМИ в виде субсидий, минуя конкурсные процедуры. Через ИАЦ в 2013 году на нужды СМИ было перечислено 547 млн рублей, из них лишь 60 млн, судя по открытой информации на сайте госзакупок, было перечислено исполнителям на основе конкурсных контрактов, большая

же часть оставшейся суммы пришлось на государственные медиа «Областное телевидение» и «Областная газета» без всякого конкурса***.

Кроме того, вне рамок ИАЦ тендер на информационное обслуживание объявляло также министерство по управлению госимуществом Свердловской области, перечислившее на счет единственного участника — «Областной газеты» — 9,7 млн рублей, и государственное бюджетное учреждение Свердловской области «Центр развития туризма», разместивший на сайте госзакупок заказ на информобслуживание на сумму 5,8 млн рублей****.

Последнее обстоятельство, помимо прочего, доказывает, что общие расходы на информационное обслуживание власти куда больше суммы, указанной непосредственно в соответствующей статье бюджета, поскольку выплаты средствам массовой информации и отдельным журналистам нередко осуществляются и через другие статьи бюджета, не имеющие прямого отношения к СМИ, такие как «формирование благоприятного инвестиционного климата в регионе», «развитие въездного туризма», «осуществление выставочной деятельности» и пр. В этом смысле отличился Санкт-Петербург. Деятельность органов госвласти на федеральном уровне в 2014 году здесь решили не освещать, зато в бюджет города заложена беспрецедентно большая сумма на формирование положительного имиджа городского водоканала — 50 млн рублей*****.

Пробелы в бюджетном законодательстве, параллелизм в работе и дублирование

* Экспертиза ОНФ: как губернаторы сдержали обещания урезать бюджетные расходы на самопиар // URL: <http://onf.ru/2014/04/08/e-kspertiza-onf-kak-gubernatory-sderzhali-obeshhaniya-urezat-byudzhetny-e-rashody-na-samopiar/>

** Там же.

*** Джултаев К. Указ. соч.

**** Там же.

***** Экспертиза ОНФ..

функций позволяют практически любому ведомству в структуре органов власти вести самостоятельную работу с массмедиа, увеличивая и без того немалые общие расходы на СМИ и оплачивая их порой по самым необычным статьям. Так, в случае с сахалинским губернатором освещение его работы в СМИ проводилось по бюджетной статье «совершенствование системы государственного управления»**. А для оплаты статьи о теперь уже бывшем губернаторе Челябинской области М. Юревиче в американской «Вашингтон пост» сумма 755 тысяч рублей была проведена по статье «Обстоятельства непреодолимой силы»**! Конечно, в современных условиях развитие регионального туризма или, скажем, формирование инвестиционной привлекательности региона невозможны без привлечения дополнительных усилий со стороны СМИ, но именно дисперсность бюджетных расходов на массмедиа, распыление их по многочисленным бюджетным статьям создают условия для непрозрачного распоряжения бюджетными средствами органами публичной власти и ее должностными лицами в целях достижения личных и корпоративных интересов. «По общему тренду совершенно очевидно, что там, где вроде как поддерживают прессу, на самом деле пиарят губернатора», — заметил на этот счет руководитель региональных программ Фонда развития информационной политики А. Кынев***.

Зачастую даже в тех случаях, когда бюджетные средства распределяются между СМИ на основе конкурентных торгов, реальные контракты с органами власти получают лишь аффилированные и под-

контрольные им печатные издания и телерадиоканалы. Так, весной 2014 года президент Союза производителей телепрограмм Свердловской области Е. Губко обратился к заместителю главы администрации Екатеринбурга В. Тунгусову с запросом, почему «из запланированных 59 млн рублей в бюджете Екатеринбурга на 2014 год, предназначенных для оплаты СМИ по освещению работы городской администрации, условия конкурсов подгоняются под аффилированные СМИ, которые являются аутсайдерами рейтингов»****? По мнению Е. Губко, конкурсная документация составлена таким образом, что принять участие в тендере могут лишь близкие к администрации СМИ: телекомпания «Студия-41» (ссылаясь на Gallup Media, Губко утверждает, что «из восьми местных каналов «Студия-41 занимает последнее место»), радио «Город FM» («из 39 станций Екатеринбурга занимает 38-е место»), газета «Вечерний Екатеринбург», подписка на которую осуществляется принудительно. Да и сами конкурсы устраиваются так, что сторонние СМИ просто физически не успевают в них участвовать: «Вечером появляется информация о конкурсе, а наутро он уже проводится», — пишет Губко. Не оттого ли в декабре 2013 года аффилированный с администрацией города медиахолдинг «Уральский рабочий» выиграл 39-миллионный конкурс на «оказание услуг по публикации официальной и социально значимой информации администрации города Екатеринбурга», притом что, судя по опубликованному протоколу, никто кроме «Уральского рабочего» на конкурс не заявлялся*****.

* Попов А. Губернатору это не нужно // URL: <http://expert.ru/2013/12/6/gubernatoru-eto-ne-nuzhno/>

** Джултаев К. Указ. соч.

*** Любовь не купишь // URL: <http://ura.ru/content/svrd/11-12-2013/news/1052170774.html>

**** Колезев Д. Свердловские телевизионщики написали гневное письмо Владимиру Тунгусову // URL: <http://www.znak.com/svrdl/news/22-04-14/1021597.html>

***** Там же.

В тех же случаях, когда аффилированные СМИ, получавшие ранее изрядные доли «бюджетного пирога», по той или иной причине выходят из-под контроля власти, их в первую очередь отсекают от бюджетного финансирования, а если преподанный журналистам урок не будет усвоен, то их и вовсе могут подвергнуть административному и уголовному преследованию. Так было, к примеру, в случае с екатеринбургским информационным агентством URA.RU и его шеф-редактором А. Пановой*.

Таким образом, непрозрачность расходования бюджетных средств на медиа-обслуживание власти при их возрастающих объемах, усиленная финансовая подпитка приближенных, с одной стороны, и дискриминация сторонних СМИ, с другой стороны, — все это ведет к установлению значительных информационных преимуществ тех или иных должностных лиц и целых политико-административных корпораций, их доминированию в местном информационном пространстве и, как следствие, — информационному подавлению политической конкуренции.

Стоит ли говорить, что достигнутые таким образом преимущества правящей в регионе политической группы обеспечивают информационное и агитационно-пропагандистское превосходство провластных кандидатов над своими оппонентами в ходе избирательного процесса. Неслучайно значительное увеличение региональных бюджетных расходов на СМИ четко коррелирует с региональными электоральными циклами. На средства массовой информации начинают тратить больше там, где готовятся к предстоящим выборам дума административного центра региона, региональный пар-

ламент или глава региона (как правило, за год-два до даты голосования); в год проведения таких выборов; а также в течение как минимум года после выборов, независимо от результатов голосования. В последнем случае, если правящая группа остается у власти, она через СМИ усиленно демонстрирует свои намерения исполнить предвыборные обещания, если же на смену старой приходит новая политическая команда, она в еще большей степени заинтересована при помощи СМИ укрепить свое положение и завоевать лояльность жителей территории.

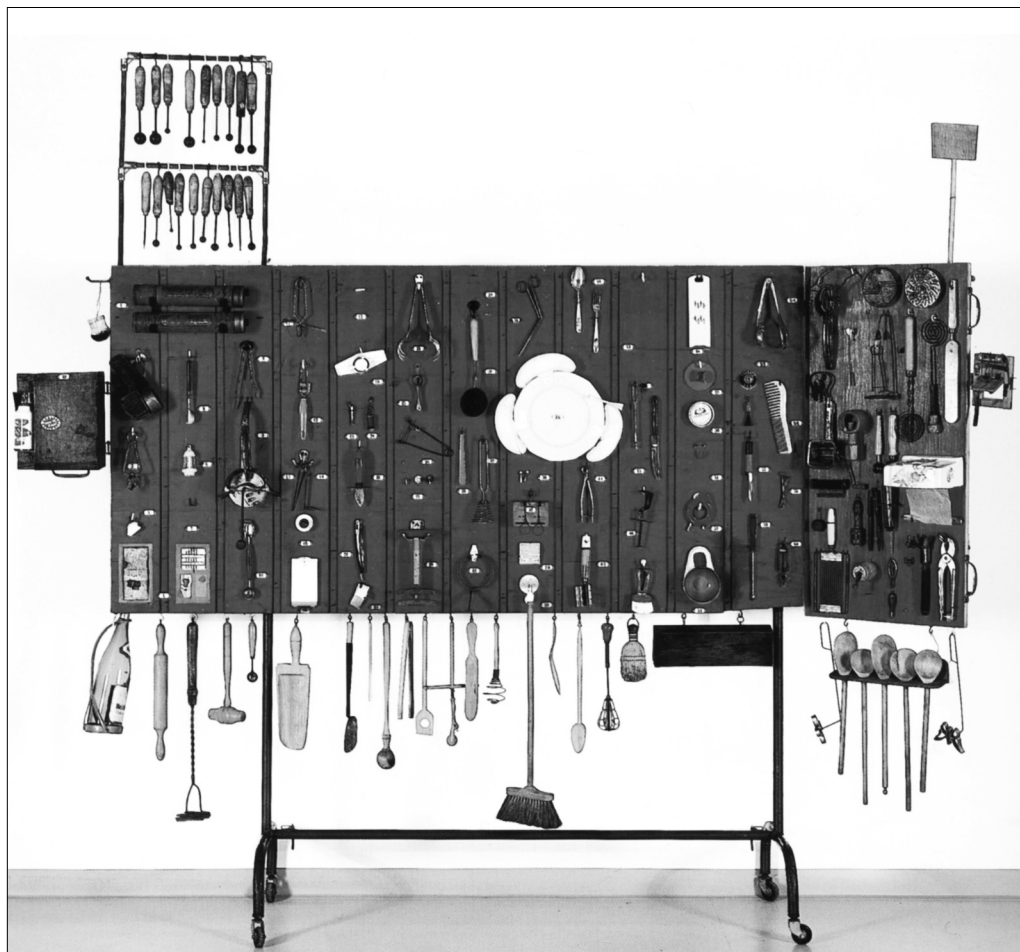
Подтверждением жесткой связки региональных расходов на СМИ с политическими выборами является пример Ярославской области, где в 2012 году прошли выборы мэра и городского совета Ярославля, а в 2013-м — областного совета. Динамика региональных бюджетных расходов на СМИ: в 2011 году — 51,47 млн рублей, в 2012 году — уже 123 млн рублей, в 2013-м — 205 млн рублей**.

Аналогичная ситуация просматривается во всех без исключения российских регионах.

Именно состояние перманентной подготовки к выборам различного уровня в регионах, а также стремление политико-административных корпораций и их лидеров всеми силами удержаться на вершине власти раскручивают маховик роста бюджетных расходов на СМИ, нередко в ущерб социальной сфере и реальному сектору экономики. Так, по сообщению информагентства «Высота 102.0», на заседании Волгоградской облдумы при обсуждении бюджета на 2014 год депутат А. Якунин предложил увеличить статью расходов на сельское хозяйство за счет урезания расходов на СМИ и облизбирком. В ответ министр печати и информа-

* Панова А. Как я зарабатываю деньги. И что важнее денег // URL: <http://www.znak.com/urfo/articles/2013-06-26/100871.html>

** Тагаева Л. Указ. соч.

Споэрри. Выставка кухонной утвари. 1964

ции Волгоградской области А. Воробьев выступил категорически против, заявив, что «отъем» 100 млн рублей у СМИ «парализует работу министерства, а впереди выборный год»*. Тут же один из депутатов едко заметил: «У министра — оговорка по Фрейду. Какое имеет отношение министерство печати к выборам? Кого они собираются выбирать? Ну мы-то, конечно, знаем, кого они будут пиарить... У нас только три головы дракона финансируются по полной — губернатор, СМИ и избирком».

Волгоградские депутаты озвучили то, что давно известно многим: финансово зависимые СМИ выполняют задачу по трансляции исключительно положительных материалов о деятельности органов публичной власти и их должностных лиц. По сути, речь идет об использовании властных ресурсов для информационного манипулирования общественным мнением, внедрением в массовое сознание выхолощенной, необъективной картины социально-экономических и политических процессов, происходящих в регио-

* В бюджете 2014 года Волгоградской области две «священные коровы» — СМИ и избирком // URL: <http://v102.ru/news/42330.html>

не, в целях заведомо выгодного облика правящего режима и его отдельных представителей в глазах аудитории СМИ и достижения таким образом массовой поддержки режима со стороны населения. Иными словами, можно это считать политической коррупцией с целью приобретения нематериальных благ в виде положительной политической репутации, создаваемой массмедиа за казенный счет. В этом случае СМИ из источника разносторонней информации превращаются в средства политической пропаганды, а работа властей по информированию населения о своей деятельности нацеливается на установление монополии в медиапространстве и информационное подавление реальных и потенциальных политических конкурентов. Как противостоять подобным проявлениям политической коррупции и минимизировать зоны коррупционных рисков в информационном обслуживании власти? Наиболее радикальные предложения по этому поводу в начале 2014 года высказало министерство финансов: субъекты Федерации не должны тратить бюджетные средства на оплату материалов в коммерческих СМИ, тем более если на балансе регионов и без того находятся массмедиа, работающие на власть*. Справедливости ради отметим, что это предложение было высказано не в логике противодействия коррупции, а в пакете предложений по оптимизации бюджетных расходов. Но и оно не дает ответа на вопрос: как регулировать бюджетные расходы на СМИ в случае, если в регионе, как, например, в Пермском крае, отсутствуют государственные СМИ как таковые?

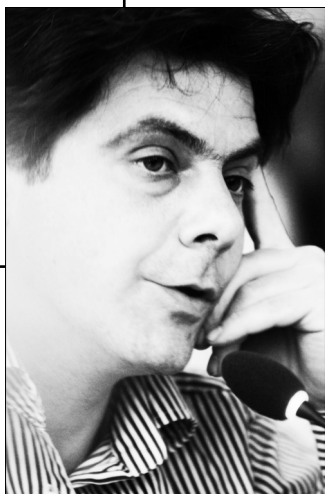
Руководство Общероссийского народного фронта (ОНФ), в свою очередь, предлагает выделить главам регионов финансово-информационные квоты и «прописать четкие формулировки — сколько может тот или иной субъект Российской Федерации потратить на поддержку региональных СМИ»**. Развивая эту идею, можно предположить, что речь может идти об установлении предельной доли расходов на СМИ в общем объеме бюджетных расходов региона.

Естественно, напрашивается и необходимость при бюджетном планировании максимально детализировать пресловутый раздел «другие вопросы в области СМИ», о котором шла речь выше, дабы минимизировать и без того дискреционный характер этих расходов. Кроме того, при определении общих расходов власти на СМИ следует учитывать не только прямые бюджетные назначения, закрепленные за профильными подразделениями органов публичной власти, но и расходы на медиа, осуществляемые смежными структурными подразделениями, так или иначе использующими СМИ для выполнения своих ведомственных задач.

Тем не менее, пока существует институциональная возможность дискреционного распоряжения ресурсами публичной власти, в том числе информационными, сохраняется и вероятность злоупотреблений ими в пользу конкретных должностных лиц или целых политико-административных корпораций. И это обстоятельство, безусловно, надо учитывать при реализации любых антикоррупционных мероприятий.

* Сивкова А. Минфин запретит губернаторам тратить деньги на самопиар // URL: <http://izvestia.ru/news/564711>.

** Джултаев К. Указ. соч.

*Кирилл Рогов,
политический обозреватель,
аналитик Института
экономической политики им.
Е. Гайдара*

*Ресурсы электорального авторитаризма**

Внесенная в заглавие тема связана с глубоким комплексом проблем, имеющих отношение к режимам, где, с одной стороны, население вроде бы поддерживает власть, а с другой стороны, эта власть является достаточно авторитарной, то есть преследует своих политических оппонентов, ограничивает свободу СМИ и т.д. Политологи всегда испытывают трудности при интерпретации этого феномена. Мы хорошо представляем себе дихотомию «демократия и деспотия». При демократии люди голосуют за власть или за оппозицию, выбирают правительство и, соответственно, большинство поддерживает это правительство. Потом они могут разочаровываться в нем, начинают поддерживать оппозицию, голосуют за нее, оппозиция приходит к власти и т.д. Политические процессы и общественное мнение здесь в постоянном взаимодействии, влияют друг на друга. В основе представления о другой форме режима — государстве-деспотии — сильная власть, которая опирается на насилие и не спрашивает у населения его мнения, а тех, кто его высказывает, — репрессируют. Таковы две полярные и понятные модели. Но в жизни есть еще очень широкая промежуточная зона. Тут проходят выборы, и вроде бы люди выбирают более-менее свободно начальство, по социологическим опросам даже получается, что они поддерживают это начальство, его политику, но почему-то начальство все время что-то вынуждено ограничивать, кого-то репрессировать. Это никак нельзя назвать демократией, потому что, с одной стороны, дело выглядит так, что начальство выбрали законно, а его поведение таково, будто оно здесь незаконно и должно с кем-то бороться, подавлять часть общественного мнения и политических настроений. Такие режимы часто определяют как электораль-

** Статья подготовлена на основе выступления автора на семинаре Московской школы гражданского просвещения в Голицыно 12 декабря 2013 года.*

ный авторитаризм. Они ставят перед исследователями много вопросов, связанных с устройством механизмов их поддержки, почему поддержка вдруг прекращается, как начинают себя вести власти и население в этой ситуации и пр. Это одна из больших тем, которой занимается сравнительная политология последние десятилетия.

Вот такие гибридные режимы, которые и не демократия, и не очевидная деспотия. Именно этой проблематике были посвящены мои скорее не публицистические, а академические работы последнего времени*. Попробую обозначить спектр вопросов, связанных с этой темой; начну с простых злободневных вещей.

Те, кто следит за средствами массовой информации, не могли не заметить, что в последнее время в них широко обсуждались социологические опросы. В частности, обсуждался феномен поддержки населением России репрессивных и недружественных к обществу законов, которые были приняты Государственной думой в течение 2012–2013 годов. Понятно, что элита и люди просвещенные эти законы не поддерживают, считают их направленными против общества и против духа толерантности. А большинство населения демонстрирует консерватизм, поддерживая эти законы. Это заставляет многих считать, что население России в принципе не толерантно и не готово к демократии, она ему не нужна, как и свободы, что оно готово мириться с авторитарными практиками управления. Например, закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений поддерживают 67% населения, правда, 26% ничего о нем не слышали. Закон об ограничениях в Интернете поддерживают не так уж активно — всего 44% опрошенных, а 40% ничего не слышали о них. Закон о защите чувств верующих, ограничивающий права неверующих на выражение своих мыслей, поддерживают 55% опрошенных, 35% о нем не слышали. Закон о повышении штрафа за нарушения на митингах поддерживают 33% респондентов, 24% не поддерживают, 44% ничего не слышали о нем. И, наконец, закон об НКО поддерживают 35% опрошенных, а 57% ничего о нем не слышали. Возникает ощущение, что в принципе Дума выражает мнение большинства и наступление на гражданское общество, сокращение пространства свободы в обществе, которое было предпринято на протяжении последних полутора лет, соответствуют настроениям населения. И когда результаты опросов публикуются в прессе, люди, у которых иное мнение, чувствуют себя подавленно, так как оно не совпадает с мнением большинства. Эти опросы являются одним из важнейших механизмов поддержки равновесия, которые используются режимом электорального авторитаризма.

Итак, об опросах общественного мнения. Главными я считаю две ведущие российские службы — Левада-Центр и Фонд общественного мнения. Для меня их опросы очень важный источник, без которого невозможно заниматься аналитической работой, исследовать современные политические

* См.: Кирилл Рогов. *Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra*, № 4–5 (56), 2012. — С. 6–32; *Гипотеза третьего цикла*. — В кн.: *Россия-2020: Сценарии развития / под ред. М. Липман и Н. Петрова*. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 129–150. — Прим. ред.

тренды. И второй аналитический ресурс — результаты выборов. Надо отметить, что в ходе парламентских выборов 2011 года, отчасти — выборов президентских 2012 года и выборов московского мэра в 2013 году произошел своеобразный переворот, обусловленный тем, что для контроля хода и результатов выборов разными организациями было привлечено большое количество людей. В итоге на достаточно большом количестве участков мы знаем точно, как люди голосовали. Кроме того, мы знаем теперь точно, в частности благодаря информации, которую получили, что до этого итоги выборов довольно значительно фальсифицировались. Где-то на 8%, где-то на 12, где-то на 18%. В среднем результаты в пользу нужного претендента были завышены на 10–12%. По всей видимости, на выборах 2011 года «Единая Россия» получила не 49%, как было объявлено, а все же меньше 40. На президентских выборах 2012 года Путин получил не больше 54–55%, а не 63 с лишним. Кроме этого, при сопоставлении проконтролированных результатов выборов с прогнозами социологов выяснилось, что эти прогнозы очень близки к официально объявленным результатам, которые содержат значительную долю фальсификации. То есть социологи странным образом предсказали сфальсифицированные итоги выборов, а не те, которые были получены на контролируемых участках.

В чем причина? В каком-то умысле или под чьим-то давлением? Разберемся в этом на примере выборов в 2013 году мэра Москвы. Тогда социологи уверенно говорили, что примерно 45% москвичей пойдут голосовать и из них не менее 60% проголосуют за Собянина. В результате пошли голосовать меньше 30%; за Собянина проголосовали около 50%, а за Навального вместо 17–18%, которые прогнозировали социологи, — около 30%. Дело в том, что значительная часть тех, кто говорил, что пойдет на выборы и проголосует за Собянина, на выборы не пошел. А те, кто говорил, что пойдет и проголосует за Навального, так и сделал. Поэтому, когда явка на выборах оказалась ниже, были потеряны именно «собянинские» голоса, а процент голосов за Навального соответственно оказался выше прогнозного значения. Есть основания предполагать, что подобное искажение происходило и на президентских выборах, и на парламентских 2011 года.

При этом подчеркну, что социологи не фальсифицируют результаты опросов, виноваты сами люди, среди которых очень трудно найти «качественных» респондентов, готовых общаться с социологами. Это не те, кто говорит «затрудняюсь ответить», а те, кто, когда слышат звонок и им говорят, что пришли с опросом, отвечают, что заняты, не открывают дверь, кладут трубку, говорят, что не будут ничего отвечать. Соответствуют критериям социологов и соглашаются участвовать в социологических исследованиях от 20 до 50% человек от количества тех, кому это предлагают.

Есть несколько причин отказа людей откровенно общаться с социологами, но самая главная была замечена сотрудниками Левада-Центра (тогда это еще был ВЦИОМ) в середине 90-х. Они отметили, что после политического кризиса в России 1993 года люди гораздо хуже стали относиться к социологам, неохотнее идти с ними на контакт. Этот феномен — возрастающее недоверие к публичной сфере, частью которой являются социологи, отмечен не только в России.

Особенность его в том, что вопреки нашему представлению об общественном мнении в большинстве своем люди не формируют собственного мнения по поводу текущих политических событий, по поводу того, что они хотели бы поддерживать, а что — нет. В демократической стране люди смотрят телевизор, слушают радио, читают газеты и узнают то или иное мнение, какие-то аргументы участников политического процесса, активистов, экспертов и т.д. То есть население формирует свои представления о происходящем и получает сигналы для определения своих действий в отношении каких-либо событий, решений власти и т.д. на основе довольно широкого спектра информации. Затем социологи выявляют картину состояния общества. Но что происходит, когда, например, на теле-

Люди, которые ощущают себя принадлежащими к меньшинству, знают, что большинство поддерживает доминирующую партию, что хорошо видно по опросам, и не идут голосовать, потому что знают, что их кандидат не победит

видении представлены не несколько мнений, а одно? Это заведомо ставит людей в затруднительное положение. Легко ответят на вопросы социологов те, кто смотрит телевизор и согласен с доминирующими точками зрения. А тем, кто либо не смотрит, либо смотрит, но не согласен с ними, ответить будет нелегко, потому что они не знают толком, против они какой-то позиции или за. У них нет альтернативы или вообще не хватает информации, чтобы сформулировать свою позицию. Поэтому в этой ситуации социологический опрос превращается в своего рода отражение отражения. Те люди, которые выслушали некую точку зрения по телевизору, не имея собственного мнения, как правило, ее повторяют. А те, кому она не очень нравится, скорее всего, будут уклоняться от общения с социологом, так как для них является проблемой то, что они не согласны внутренне с чем-то, но не в состоянии ответить, почему не согласны. Это и есть принцип механизма электорального авторитаризма и установления электорального авторитарного равновесия.

Этот же механизм действует и в отношении рейтингов партий или политиков. Когда есть, например, два политика, и вы знаете позиции обоих, слышите аргументы в пользу одного и другого, вы можете выбрать того, кто вам нравится больше. Когда же основная часть разных ресурсов работает на одного, а других политиков как будто нет, их точка зрения слабо представлена, большинство людей такого политика не поддержат. Разве что «за» будут небольшие политически активные группы.

Есть группы населения, в жизни которых политика занимает совсем небольшую часть времени. Для них отсутствие артикулированных позиций, которые они могли бы услышать и сделать осмысленный выбор, становится острой проблемой. Но еще более сложной она является для тех, кто попал так или иначе в сверхбольшинство поддержки какого-либо политика. Сегодня, когда человека в России спрашивают, поддерживает он или не поддерживает Путина, он отвечает часто не на этот вопрос. Ведь он знает,

Ричард Станкевич. Погружение на дно океана. 1958

что большинство поддерживает, что у Путина высокий рейтинг. И очень может быть, что, отвечая на него, обычный человек отвечает совсем на другой вопрос. Для него, внутренне, этот вопрос может звучать так: «Поддерживаете ли вы, как большинство россиян, Владимира Путина или вы отличаетесь от большинства россиян?». То есть такой человек решает для себя не вопрос отношения к Путину, а принадлежит ли он к большинству или отличается от большинства? И этот вопрос ставит перед ним серьезную психологическую и социальную дилемму, так как отрицательный ответ означает признание, что он отличается от большинства, что он — не

как большинство. Такой человек с большей вероятностью будет уклоняться от разговора с социологами или, отвечая, приближать свою позицию к мнению большинства как источника авторитета. Все наши публичные политические мнения формируются следующим образом: у нас есть свои ощущения, но мы ищем поддержку каких-то авторитетов для этих ощущений — оценок экспертов, политиков, СМИ, их аргументы. Чем меньше этой внешней поддержки, тем труднее обывателю превратить свое ощущение в политическое представление, в политическую позицию. Этот механизм довлеет над социологическими опросами. Чем меньше людей из протестной группы способны сформулировать свое мнение и чем реже они участвуют в социологических опросах, тем больше в опросах доля тех, кто получает из СМИ «правильные» ответы и сообщает их социологам. А затем результаты этих опросов попадают в СМИ, и люди узнают, что большинство «поддерживает», а меньшинство вынуждено считать свои политические ощущения нерелевантными либо уходит от общения с социологами. Эта машина воспроизводит себя и в выборном процессе.

На выборах, в условиях электорального авторитаризма, где всегда есть большинство, которое поддерживает одну партию, одного лидера, действует примерно такой же механизм. Люди, которые ощущают себя принадлежащими к меньшинству, знают, что большинство поддерживает доминирующую партию, что хорошо видно по опросам. И обреченные на проигрыш не идут голосовать, потому что знают, что их кандидат не победит.

Можно вспомнить в этой связи притчу из советских времен. Человек приходит в магазин и видит, что там лежит мясо только одного сорта. Он спрашивает: «Почему у вас нет другого мяса, почему нет рыбы?» Ему говорят: «Какой рыбы?» — «Ну, красной рыбы почему у вас нет?» Ему отвечают: «Да ее никто и не спрашивает!». Он говорит: «Как не спрашивает?» — «Ну, встаньте здесь, посмотрим, сколько человек спросят про рыбу». Он встает и действительно видит, никто не спрашивает. Причина понятна: поскольку люди знают, что красной рыбы не будет, то чего об этом спрашивать.

Согласитесь, что это очень похоже на то, как работает механизм создания сверхбольшинства в избирательный период. Представим себе тот же магазин в наше время: рыба есть, но качество ее плохое. Что происходит? Естественно, люди меньше ее покупают, зная, что в этом магазине лучше ее не покупать. Затем руководство магазина проводит опрос и выясняет, что люди, живущие в районе, едят рыбу меньше, чем в среднем по городу, и заявляет: это особенность нашего района. Наши люди не хотят есть рыбу, они ее не любят. Поэтому руководство магазина принимает решение — рыбу продавать два дня в неделю. Через какое-то время проводится еще один опрос, и, не поверите, выясняется, что потребление рыбы среди жителей района еще больше упало. Значит, решает руководство, мы правильно сделали, что продаем рыбу только два раза в неделю. В принципе можно и один раз...

А как себя чувствуют люди, которые любят рыбу? Перед ними стоит классическая дилемма демократии — *voice strategy* (стратегия борьбы за голоса, волеизъявление) — *exit strategy* (стратегия, способ ухода от проблемы). В соответствии с второй стратегией они решают: ладно, будем ездить в

другой район за рыбой. Не будем ходить в магазин и возмущаться. Нам же сказали, что большинство не ест рыбу! Это exit strategy: все, я не участвую, потому что знаю, я — меньшинство. А теперь представим себе, что этот любитель рыбы и есть оппозиция. Даже самые умные люди в оппозиции знают, что люди не едят рыбу и не спрашивают про нее потому, что она плохая. Следовательно, нужно бороться за то, чтобы торговали хорошей рыбой. Но как им почувствовать, что их достаточно много, чтобы перейти к voice strategy? То есть убедить своих сторонников бороться за то, чтобы в магазине была хорошая рыба? Вот в этом и заключается главный эффект механизма большинства: он заставляет людей думать, что раз они меньшинство, то ничего не смогут, что у них нет шансов, они не представлены в общенациональной повестке и бороться им здесь не за что. Мы видим, что этот механизм убеждает людей. И чем больше убеждает, тем меньше они участвуют, тем лучше работает сам механизм, тем лучше воспроизводится большинство и сверхбольшинство.

Есть еще один феномен действия механизма сверхбольшинства. Если задать избирателям вопрос: «Честно ли были проведены выборы?», то многие наверняка ответят — нечестно. А когда их спрашивают: «Отражает ли результат выборов действительность?», они отвечают утвердительно. Люди прощают электоральному авторитаризму его явно нелегитимные поступки, приемы, которые он использует, фальсифицируя выборы, не допуская кандидатов к конкуренции. Люди считают это все несущественным, потому что большинство все равно обеспечивается и без махинаций. И тогда меньшинство, которое уверено, что его лишили 15% голосов, перестает бороться еще и за итоги выборов. То есть представление о том, что есть большинство, которое все равно поддерживает своего кандидата, в их сознании легитимизирует неправомерные действия власти. Таким образом, на выборах люди выбирают exit strategy вместо voice strategy. Опять-таки в силу самовоспроизводящегося механизма.

Политическая жизнь устроена так, что для победы оппозиция должна опираться на поддержку в элитах, иметь средства, организационные возможности. Но если вы — оппозиция и не можете отстоять свои голоса, то с точки зрения элитных групп, которые обладают ресурсами, это совершенно бессмысленная инвестиция, потому что она неэффективна.

Равновесие сверхбольшинства в электоральном авторитаризме обладает несколькими эффектами. Оппозиция, осознавая, что она в меньшинстве, что ее повестка не является частью общенациональной повестки и у нее нет шансов, что снижает ее стимулы к консолидации и активности, становится перманентным проигрывающим.

Второй эффект состоит в воздействии сверхбольшинства на элитные группы. Элитные группы, в свою очередь, понимают, что единственная выигрышная стратегия — это лояльность к тем, кто опирается на большинство, поэтому вкладываться в оппозицию нет смысла. Вполне разумная стратегия: выигрывает тот, кто проявляет лояльность.

И третий эффект — население, которое тоже знает, что большинство поддерживает «своего», сегрегируя «чужаков» и оказывая мощное влияние на общественное мнение. Все это позволяет власти устанавливать и менять

правила, которые тем самым лишь усиливают и закрепляют большинство. Обычно устойчивый механизм сверхбольшинства формируется таким образом: сначала возникает некоторое большинство вокруг некоего лидера. Оно может возникнуть стихийно, под влиянием какого-то конфликта, когда люди очень хотят, чтобы кто-то их вывел из состояния фрустрации или беспорядка. Затем происходит мобилизация большинства и его использование: человек, который располагает большинством, а то и сверхбольшинством, когда поддержка переваливает за 65–66%, начинает менять правила игры в свою пользу. В представлении большинства он действует легитимно, потому что является выразителем его чаяний.

Этот процесс словно футбольный матч, в котором команда, забившая гол, может потребовать удалить одного игрока соперников. После чего шанс забить второй гол возрастает. После второго гола команда соперника теряет еще одного игрока. А после третьего гола у ослабленной команды уже не остается никаких шансов. И тут социологи спрашивают у болельщиков: как вам кажется, кто победит? 90%, естественно, не сомневаются, что это будет команда, у которой численное преимущество на поле. Для других прогнозов разумных объяснений мало.

Итак, доминирующий игрок ограничил альтернативное политическое предложение и получил сверхбольшинство. Тут и возникает ситуация, как в рыбном магазине, когда ограничение предложения начинает восприниматься как реальное отражение спроса. Таков механизм и на политическом поле: когда занижен потенциал оппозиции, население склонно к завышению оценки доминирующего игрока.

Собственно говоря, описанием этого механизма можно было бы поставить точку, если бы не одно реальное обстоятельство: наступление момента, когда механизм начинает работать в обратную сторону. А именно — под влиянием каких-то обстоятельств люди обнаруживают, что вопреки социологическим опросам доминирующего игрока поддерживают не так много избирателей, как они думали раньше. И тогда они начинают корректировать свое отношение к лидеру, занижать существующие оценки. То есть механизм самовоспроизводства начинает давать сбои, так как люди очень медленно, но переосмысливают свое отношение к доминирующему игроку и к действиям власти. В большинстве вдруг возникают трещины. Иначе говоря, то, что произошло в 2011 году, и было одним из тех моментов, которые часто оказываются спусковым крючком для включения обратной динамики и появления возможности для альтернативной консолидации. Но, разумеется, есть пара способов этому противостоять, потому что доминирующий игрок хочет этому противостоять. Можно усилить репрессивные действия, например наказывать людей за выражение неугодного мнения. Таким образом, для них поднимается цена перехода в другой лагерь. Поднимая цену, замедляем этот переход. И второе — стараться консолидировать людей на какой-то повестке, которая тоже будет осложнять переход.

Это очень важно понять, когда большинство людей не за полную диктатуру или полную демократию, а за баланс между ними, понимая, что у нас такое общество, которому необходим баланс, — чтобы и людей не очень давили, и не было полного либерального разгула.

*Дмитрий Горин,
профессор Российской
академии народного
хозяйства
и государственной службы
(РАНХиГС)*

Как мы мыслим историю

Есть старый анекдот о рабочем, который постоянно воровал с завода. Каждый день охранники на проходной особо тщательно досматривали его тележку, но безрезультатно — она каждый раз оказывалась пустой. И лишь спустя много лет они поняли, что наш рабочий просто таскал с завода тележки. Очевидные, казалось бы, вещи являются очевидными далеко не всегда. Мы можем сосредоточиться на содержимом тележки, но тогда высока вероятность, что сама тележка становится как бы невидимой.

Так же и в наших спорах об истории. Внимание в них притягивают исторические факты, образы и сюжеты. Но сама ментальная конструкция, внутри которой существуют эти факты, образы и сюжеты, часто выпадает из поля нашего внимания. Между тем именно эта ментальная конструкция — некая форма сознания, внутри которой мы мыслим и чувствуем историю, ответственна за то, что одни исторические смыслы у нас оказываются устойчивыми, даже если они противоречат, казалось бы, очевидным фактам, а другие смыслы мы постоянно теряем. Поэтому, чтобы понять, как устроено наше историческое самосознание, надо обратить внимание не только на содержимое тележки, но и на саму тележку — на эту форму, внутри которой историческое знание как бы «транспортируется» из науки в массовую культуру или, например, в политические дискурсы. Очевидно, что эта форма является частью культуры, она существует согласно своей внутренней логике, весьма далекой от логики исторической науки.

Как устроена российская ментальная форма, я попытаюсь раскрыть в семи тезисах.

Первый касается ключевого, на мой взгляд, парадокса российского чувства истории. Для культуры России характерно стремление догматизировать историю. История часто рассматривается не как результат усилий человека, а как воплощение предначертанной свыше судьбы. Эта судьба связывалась то с провидением, то с могущественными законами диалектики, то с иррацио-

нальной верой в некую глубинную уникальность России. В любом случае не человек создает историю, а история делает человека.

Иллюстрацией может служить особенность использования в нашем кино популярного сюжета о путешествиях во времени. Последние примеры — это фильмы «Туман», «Мы из будущего» и др. В этих фильмах наши современники попадают в 1941 год (или в другом фильме — в 1942-й). И это сакральное прошлое меняет героев, открывает что-то самое важное про них самих. Авторы «Тумана» говорят нам, что в тумане у нас не прошлое. Оно вполне определенное и никуда не исчезает. В тумане — настоящее и мы сами. И перед лицом прошлого вся наша современность рассеивается как туман. Аналогичный сюжет в Голливуде выглядит совсем иначе. Например, известная трилогия Роберта Земекиса «Назад в будущее». Герои там активны в отношениях с прошлым. Это они его меняют. Это они меняют свою жизнь и даже жизнь своих родителей. И еще одно важное отличие. Чтобы попасть в прошлое, герои Голливуда изобретают машину времени. В наших фильмах ничего изобретать не нужно: прошлое возвращается само. Помимо нашей воли и часто неожиданно.

А если это так, то история обретает сакральный смысл. Этот смысл перестает быть предметом научных споров и жестко фиксирует историческую память. И сама история у нас часто воплощалась в «канонических» текстах — всевозможных «кратких курсах», которые не подлежали вольным толкованиям. Сегодня эта практика догматизации и сакрализации истории возвращается. Примеров множество. Это и попытка создания единого учебника истории, и криминализация отдельных вариантов интерпретации не-

которых исторических тем. В массмедиа уже появился термин «сакральные темы истории». И в этой связи показательна история с телеканалом «Дождь».

Но парадокс не в этом. Это обычное дело для авторитарных режимов. Тоталитарные режимы контролируют всю историческую память. А авторитарные режимы на это не претендуют, им важно сохранять монополию в интерпретации только ключевых тем.

Парадокс в том, что эта догматизация истории каким-то удивительным образом сосуществует с потрясающей исторической амнезией. Хорошо известно, что наше прошлое непредсказуемо. Еще Петр Чаадаев писал: «Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно»*

Как догматизация и даже сакрализация прошлого соединяется с таким беспамятством? И почему? Этот парадокс вполне объясним: либо наша память будет воспроизводить сложную и противоречивую картину истории, либо мы ее упрощаем и обосновываем то, что нам выгодно. Но все неудобное при этом придется «забыть». И тогда наша амнезия позволит конструировать любые так называемые «традиции» задним числом. Так было еще со времен Карамзина. Или еще раньше — со времен Ломоносова, может быть.

Это как раз та точка, в которой соединяются историческое знание и власть. Формула этого соединения была выведена Джорджем Оруэллом: «Кто управляет прошлым... тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». А как управлять? Оруэлл отвечает: «Нужна всего-навсего непрерывная цепь побед над собственной памятью»**.

* Чаадаев П. Я. *Избранные сочинения и письма*. — М.: Правда, 1991. С. 28.

** Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. — М.: Прогресс, 1989. С. 41.

Второй тезис касается соотношения истории и мифа. В годы Первой мировой войны, столетие начала которой отмечается в этом году, Николай Бердяев доказывал любопытный тезис о том, что «история есть миф». С той точки зрения, что в массовой культуре интерпретация истории недолго сопротивляется мифологизации, это, конечно же, так. И сегодня в книжных магазинах мы видим многочисленные книги, например, нынешнего министра культуры, которые имеют характерное название «Мифы о России». Автор борется с одними мифами и одновременно создает другие. Одна из его книг называется саморазоблачающе: «Особенности национального пиара (PРавдивая история Руси от Рюрика до Петра)». Хороша «правда», если это PР и мифотворчество. Автор весьма любопытно рассуждает об историческом факте: он говорит, что в спорах об истории факт не имеет значения. Значение имеет то, в какую мифическую модель этот факт встроен.

Но если рассуждать терминологически строго, история и миф подразумевают принципиально разные формы мышления. Время истории линейно разворачивается из прошлого через настоящее к будущему. Время мифа циклично, оно основано на «вечном возвращении» к истокам. История проходит, а миф постоянно повторяется.

Это, кстати, известно еще со времен Апостола Петра. В своем Первом Соборном послании Апостол Петр специально говорит: «...и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши» (3:18). Это означает, что жизнь, смерть и воскресение Христа произошли *однажды* (т.е. один раз!) и не повторяются, как, например, повторяется смерть и воскресение Осириса — как весна после зимы. Жизнь Христа — это не миф. Это история. Для христианства эта историчность настолько важна, что отражена даже в символе веры.

Почему же мы постоянно путаем историю и миф? Одна из причин, видимо, в том, что у нас в культуре более устойчивым является цикличное чувство времени, а не линейное. Как в одном советском анекдоте: «Каждый съезд КПСС у нас поворотный — вот и закутились». Кстати, этимология русского слова «время» связана со словом «вертеть». И символика времени соотносится с «веретеном», «кругом», «поворотом».

В этом есть и экономический смысл. Производящая экономика, ориентированная на наращивание потенциала, осознает себя в семантике прогресса. Это естественно. Так же естественно, что моноресурсная сырьевая экономика легче выражает себя в семантике циклического времени. Это семантика невозобновляемости природных ресурсов в закрытом жизненном пространстве. Их нельзя приумножать. Их можно только «сберегать» или «растрачивать». Главной ценностью здесь являются не люди и даже не капитал, который может «притекать» или «утекать», а земля с ее недрами. Это одновременно истоки, начало и конец культуры. Время как бы совершает цикл от начала к концу истории, а в конце — то же самое вечное возвращение к началу. Как в известной песне Юрия Шевчука «Когда закончится нефть» — разорятся все банки и закончатся все деньги, мы перестанем врать и воровать, «наши помыслы станут чисты». И мы снова будем друг друга любить и «летать без огня за своей спиной». Культура как бы завершит цикл, в конце которого снова наступит «рай в шалаше» — то чудесное время, в котором мы как бы заново рождаемся и начинаем все с начала.

Насколько я помню, Борис Ельцин много раз публично говорил, что главное для него сделать перемены необратимыми. Ключевые слова: «обратимость» — «необратимость»... Вообще-то у истории другого выхода нет: история — это доро-

га в одну сторону. Но у нас колесо истории раскручивается в разные стороны.

Третий тезис касается нашего особого отношения к хронологии. Помните, как начинается роман Дюма «Три мушкетера»: «В первый понедельник апреля 1625 года все население городка...». Это характерная деталь: вымышленные события вписываются в историческую хронологию. Не то чтобы таких примеров нет в русской литературе («Война и мир» тоже начинается с указания точной даты). Но у нас, особенно в XX веке, появляется немало примеров прямо противоположных — примеров слома хронологии.

У Михаила Булгакова в «Роковых яйцах» есть строчка «был очень солнечный августовский день»... А через пару страниц мы узнаем, что «надвигались июльские сумерки». Как это?

Говорят, гении не ошибаются. Может быть, и ошибаются, но это не ошибка. Это намеренный слом хронологии. Он свидетельствует о том, что ход времени не задает логику событий. А если время не главное, то главным становится пространство. Слово «развитие», например, понимается скорее как разворачивание (или распространение, как в слове «пространство»). Кстати, и в мифе правит не время, а пространство: цикличное время — это время, подчиненное пространству.

Поэтому наш образ истории скорее похож не на ленту исторической хронологии, которую рисуют в школьных учебниках и на которую, как шашлык, нанизываются события. Наша картина истории похожа скорее на пазлы. Какие-то части можно изымать или заменять другими. Или что-то можно даже переставлять местами.

Например, перестройка вместе с «лихими девяностыми». Это время в массовом сознании воспринимается как травматич-

ное. А если оно травматично, значит надо разобраться в причинах, извлечь уроки и что-то серьезно менять в своем сознании и своей жизни. Но можно поступить проще и не извлекать никаких уроков, ничего не менять, а просто назвать весь этот период большой слу-

Человек сложен и противоречив.

Поэтому и история сложна и противоречива. Ее невозможно вписать ни в одну схему. Поэтому в истории нет и не может быть «сакральных тем».

Все темы открыты и сложны

чайностью. Если это случайность, то ее можно просто изъять из истории. Это как пазл, который для этой картинки не подходит. Он из другого набора. И в результате современная Россия после пятнадцати лет будет напрямую вытекать из брежневского застоя.

В этом нет ничего нового. Почти каждый руководитель Советского государства поступал так же. Он представлял предшествующий период как ошибочное отклонение от верного курса. И поэтому он должен был не продолжать линию своего предшественника, а как бы начинать ее с начала (началом тогда был мифологизированный «октябрь 17 года»). И при Брежневе, например, дело представляли так, что от «Ильича до Ильича» никаких вождей у советского народа как бы не было. А Сталин и Хрущев — это историческое недоразумение. Ведь в период правления Брежнева много лет эти имена публично даже не произносились.

Такой стиль мышления логичен, только если история разворачивается не во времени, а в пространстве. И Михаил Булгаков, у которого августовский день заканчивается июльскими сумерками, абсолютно точен.

Мартиал Райсс. Предметы гигиены зрения. 1960

Четвертый тезис касается связи между историей и общественным идеалом. В своей книге «Смысл истории» Николай Бердяев пишет: «Для того чтобы разрешить задачу истории, неразрывно связанную с природой времени, нужно всю перспективу истории обратить внутрь и от попытки разрешить ее, вытянув во временном историческом свершении, перейти к разрешению ее через выход за пределы истории, через прорыв истории в сверхисторию, через допущение в замкнутый круг истории сил надисторических»*. О чем здесь речь? Первый смысл очевиден: чтобы преодолеть время истории, предлагается набор пространственных манипуляций. Это неизбежная победа пространства над временем, о чем речь уже шла. Но здесь есть и другой смысл. Бердяев пишет о необходимости выйти за пределы истории. Это зачем?

С этим надо разобраться, потому что это не прихоть Бердяева. Это тоже типично для нашего чувства истории: у нас постоянно находятся люди, которые хотят или остановить историю, или выскочить из нее.

Чтобы понять эту особенность, надо сказать о том, как вообще изобретается история. По большому счету история в современном ее понимании — это продукт модерна. Именно в эпоху модерна возникают национальные государства со своим национальным самосознанием. И именно в эпоху модерна общество начинает не просто само себя осознавать, но и определять себя из себя самого.

И здесь возникает логическая трудность: мышление о самом себе без выхода за пределы самого себя в некотором смысле ненадежно. Чтобы о чем-то мыслить, нужно на этот объект посмотреть со стороны. А как посмотреть на общество со стороны? Как выйти за его пределы? За пределы общества — это куда? И культу-

ра модерна находит решение. Это решение состоит в изобретении общественного идеала. Идеал — это внешняя точка, с позиций которой мы смотрим на наше общество (как бы со стороны). На этом основана любая идеология эпохи модерна. Немецкий социолог Никлас Луман об этом говорил так: «...присутствующее обязано собой отсутствующему, которое делает возможным его явление».

И в этом смещении между обществом и его идеалом на помощь приходит история. История вообще-то про различия. История — это такая мыслительная форма дистанцирования общества от себя самого. В культуре западного модерна чувство истории определяется напряженностью между тем, что существует, и тем, что должно быть. И напряженность эта снимается в идее прогресса: история — это продвижение к идеалу, который таким образом помещается внутрь истории. В этом смысле в культуре модерна история — это не роскошь, а средство передвижения.

Разумеется, после трагедии Второй мировой войны западный оптимизм, связанный с верой в прогресс, пошатнулся, но это другая тема.

А что с идеалом у нас? Наши идеалы и наше чувство истории — это тоже продукт модерна. Но модерна другого. Это модерн, который прорастал в условиях «закрытого общества» и вытеснения активности личности. Экономическая модернизация совмещалась с закрепощением человека. Но когда экономика в одну сторону, а общество и политика — в другую, культура оказывается в ситуации лыжника, у которого лыжи разъезжаются в противоположные стороны. И наша культура в этой ситуации ведет себя вполне адекватно: она, как лыжник, всеми силами блокирует движение. Поэтому в нашем «другом модерне» очень трудно

* Бердяев Н. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990. С. 154.

создавать устойчивые связи, необходимые для обоснования эволюционного прогрессивного процесса.

У нас неплохо развиты альтернативные представления о должном. Каждый знает, как должно быть. Но при этом нет институтов, которые могли бы соединить идеалы с устойчивой деятельностью по их достижению. А если идеал невозможно поместить внутрь исторической эволюции, то он помещается за ее пределами — как бы в «параллельной» реальности.

Один из неумирающих примеров — маниловщина. Гоголевский герой во всех деталях знал, какой нужно построить мост, кто и чем там будет торговать и как замечательно заживут люди с появлением этого моста. Но подобным маниловским проектам изначально присуще вполне четкое, хотя и неартикулируемое понимание того, что они осуществляются, как принято говорить в подобных случаях, не в этой жизни.

Повторюсь, если история не ведет к идеалу, то она не нужна. Более того, она мешает. И в политике у нас постоянно побеждают силы, предлагающие прорваться к идеалу путем «отмены» истории.

В российской культуре были изобретены два главных способа «отмены» истории. Первый способ — это русский вариант консерватизма. Идеал уже воплощен. Это как в анекдоте про Золотую рыбку («Хочу, чтоб у меня все было». — «Все у тебя уже было!»). История движется от золотого века к апокалипсису. Поэтому надо вернуться к нашей изначальной гармонии. Это означает, что время истории надо остановить (или лучше обратить назад). А общество, естественно, надо «заморозить», потому что любые изменения — только к худшему. И тогда все будет спокойно. Только остается проблема несоответствия между уже воплощенным идеалом и тем, что мы видим каж-

дый день. Эта проблема решается просто: все болезни приходят извне (вокруг нас враги, а у этих врагов — внутренние агенты, которые постоянно вредят и разрушают нашу изначальную гармонию).

Вот, например, что писал один из основоположников русской версии консерватизма Константин Леонтьев: «Да! В России еще много безграмотных людей; в России много еще того, что зовут «варварством». И это наше счастье, а не горе. Не ужасайтесь, прошу вас; я хочу сказать только, что наш безграмотный народ более, чем мы, хранитель народной физиономии, без которой не может создаваться своеобразная цивилизация». Автор предлагает весьма забавный способ «создания своеобразной цивилизации» на основе сохранения «варварства». Или еще цитата: «... в России большинство до сих пор еще наивно верит, что все наши бедствия происходят от отсталости, а не от прогресса»*. В отсталости спасение, там гармония.

Остановить историю — это первый способ созидания невиданной цивилизации. Второй способ — еще более остроумный. Из истории, оказывается, можно просто выпрыгнуть. Слова Фридриха Энгельса о «скачке из царства необходимости в царство свободы» в России были поняты буквально. Коммунизм — это рай на земле, который будет установлен после революционного апокалипсиса и после «конца истории». В программе КПСС так и говорилось, что коммунизм — это общество, в котором разрешены все исторические противоречия, а богатства льются полным потоком. То есть история там заканчивается. А история заканчивается, как известно, апокалипсисом. Поэтому, как писал Александр Блок, «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

В любом случае идеал радикально оторван от исторической эволюции. Поэтому

* Леонтьев К.Н. *Записки отшельника*. — М.: Русская книга, 1992. С. 360, 329.

так велико желание обмануть историю: остановить ее, повернуть обратно, или, наоборот, загнать до смерти, как у Маяковского («клячу истории загоним»).

Пятый тезис состоит в том, что описанное чувство истории просто не может обойтись без противопоставления России всему миру. Это логически неизбежно. Если чувство времени циклично, то есть замкнуто в определенном пространстве, то это ведет к жесткому противопоставлению по линии «мы» — «они» (в духе советских пропагандистских колонок «Два мира — два образа жизни»). Так устроено мифологическое мышление вообще.

Пространство своего — понятно, непротиворечиво и безопасно, а все страхи и все остатки иррационального вытесняются в пространство чужого, которое непонятно. Но и понимать его не надо, от него надо защищаться. Все зло оттуда. Такова природа теорий заговора, которые мы особенно любим. Это довольно архаичная схема мышления, но она у нас работает, к сожалению. Для нас это такая панацея от свободы.

Но в этом случае чувство истории неизбежно будет колебаться между двумя полюсами. На одном из них — идея избранности России, которая не просто останется «тихой гаванью» среди бушующих катаклизмов, но и вообще станет местом притяжения и спасения разных народов от грядущих катастроф. А на другом — чаадаевское чувство «выпадения» России из мировой истории. Чувство отверженности ее в ряду других культур — привлекательных, но чуждых и чужих. Это две стороны одного явления. И это обязательное следствие всей этой ментальной конструкции.

Шестой тезис. Он касается того, что мы добавили к этой конструкции в последние годы. Сегодня на смену большим сюжетам приходят смонтированные иногда случайным образом фрагменты.

Причем «модели для сборки» истории могут содержать в себе несовместимые части, которые существуют в принципиально разных смысловых плоскостях.

В массовом сознании картина истории создается не путем воспроизведения сложного и противоречивого процесса, а путем создания пригодных для потребления ярких исторических образов. Исторические образы и сюжеты превращаются в объекты потребления и подчиняются уже не научной логике и даже не идеологическим конструкциям, а логике потребительских рейтингов и примитивной пропаганды. Если помните, несколько лет назад был проект «Имя России» с потрясающим слоганом: «Россия выбрала себе будущее (это было после президентских выборов 2008 года), настало время выбирать прошлое». И страна играла в эту игру. У нас главные кандидаты в президенты в дебатах не участвуют, а здесь были бесконечные дебаты между Сталиным, Пушкиным, Александром Невским, Петром Первым. О чем они могут говорить друг с другом? Это разные эпохи!

Сегодня происходит «втягивание» прошлого в актуальные контексты, его «осовременивание». А если история совпадает с современностью, то она уже не нужна, вся ее структура разрушается.

Такой презентизм характерен для общества потребления. Но у нас это то свойство, которое легко соединяется с привычной нам пространственной парадигмой истории. Мы привыкли игнорировать различия между прошлым, настоящим и будущим. Поэтому мы так легко втягиваемся в потребительский постмодерн. И особенность нашего постмодерна в том, что он так же, как и наш родной антимодерн, часто обращен против модернизации общества.

И последний, *седьмой, тезис.* Он об альтернативном чувстве истории в российской культуре.

Любой тип мышления всегда подвластен некоей внутренней логике. И законы этой логики очень жесткие. Если вы делаете один шаг в каком-то направлении, это означает, что вы уже встали на некий путь и дальше перепрыгнуть на другую дорогу очень трудно. Это как в книге Фридриха Хайека «Дорога к рабству». На этой дороге вы оказываетесь ровно в тот момент, когда делаете первый шаг.

Поэтому надо очень внимательно относиться к развилкам.

А где развилка в чувстве истории? Эта развилка задается законами мышления. Если вы создаете логически непротиворечивую систему мысли, то она не может быть полной и закрытой. И наоборот, если вы создаете закрытую герметичную систему мысли, то она будет внутренне противоречива.

Это хорошо знают математики. У них есть теорема Геделя — как раз об этом. Математика — логически непротиворечивая система, но она открыта (там есть дыра, которая прикрыта аксиомами, а аксиомы — это предмет веры). Об этой особенности мышления знал и Гилберт Честертон, например. Он писал, что мистик допускает одну непонятную вещь, но все остальное с помощью этой вещи становится абсолютно логичным и понятным.

Вот альтернатива.

Первый путь: нашу историю можно рационализировать и представить в виде простой логичной схемы. Но тогда она обязательно будет иметь некую «мистическую тайну», прикрывающую внутренние нестыковки. Например, это мистика нашего «особого пути». Или мистика какой-то судьбы, которая вместо нас делает нашу историю. Или это зако-

ны исторического материализма, которые помимо нашей воли ведут нас в «светлое будущее». Или это таинственный мировой антироссийский заговор. Все наши внутренние противоречия в этом случае прикрываются и объясняются такой мистической тайной, отражающей вселенную борьбу добра и зла. Причем зло всегда проникает к нам извне.

Второй путь. Историю делаем мы сами. Это наша ответственность. И нет никакой таинственной силы, на которую мы эту ответственность могли бы свалить. И на Бога эту ответственность тоже не переложить. Потому что история — это и есть человеческое пространство, пространство между двумя точками, где божественное и человеческое разъединяются и соединяются: грехопадение и апокалипсис. Между ними — ответственность человека, а не Бога. Европейский модерн это пространство перепределяет в терминах времени. Но это время остается временем человеческим. А человек сложен и противоречив. Поэтому и история сложна и противоречива. Ее невозможно вписать ни в одну схему. Поэтому в истории нет и не может быть «сакральных тем». Все темы открыты и сложны.

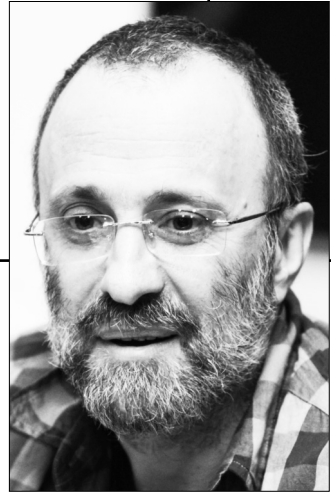
Иными словами, или все понятно, но мы несвободны, или мы свободны, но тогда ничего не определено окончательно.

Выше речь шла в основном о первом пути. Потому, что у нас этот путь часто предпочитают второму. И дело здесь не в менталитете, о котором сегодня много говорят. И не в культурных особенностях. Это важно, но это вторично. Первично другое. Способны ли мы признать тот факт, что мы свободны? Или не способны?

Гражданское образование и патриотизм

Я, конечно, презираю отечество мое
с головы до ног — но мне досадно,
если иностранец разделяет со мной
это чувство.

А.С. Пушкин

*Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
и политологического
образования
Института социологии РАН*

С недавних пор они не дружат. Впрочем, я не уверен, дружили ли они вообще когда-либо в мировой истории сколько-нибудь длительное время. Патриотизм всегда воспринимался любым государством, особенно национальным государством в Новое время, как его важнейшая идеологическая ценность и неотъемлемый компонент общественного сознания. Правда, с полными правами «собственности» на этот культурный капитал со стороны власти. Гражданское же образование нацелено на формирование граждан, скорее склонных оппонировать государству, чем следовать его политическим инструкциям и идеологическим наставлениям. Без опоры на них любая власть слаба и неэффективна, и весь европейский опыт последних двух столетий подтверждает это. Получается своего рода замкнутый круг. Как опереться на них одновременно? Как не пренебречь одним в угоду другому?

Во всех передовых странах мира и сегодня продолжаются дебаты относительно того, насколько формальные цели гражданского образования (в деле воспитания гражданина, если по-простому) совпадают или не совпадают с намерениями тех политических субъектов, кто играет на патриотических чувствах. Непримируемые участники споров либо отказывают в разумной рациональности патриотизму, обвиняя его в консерватизме в отношении традиций, режима и политического порядка, либо отвергают гражданское образование как пагубный путь к космополитизму и бунтарству. Но в тех редких случаях, когда участникам дебатов удастся заключить перемирие, оно часто оказывается хрупким и не выдерживает проверку временем. Идеологический ковчег национального государства опять начинает штормить.

Патриотизм, разумеется, качество, крайне необходимое для культурного воспроизводства в любой нормальной современной стране. Он не просто несет в себе чувство уважения к *своему* — истории, культуре и символам страны, но и в известном смысле обеспечивает их преемственность. Без него крайне затруднителен процесс формирования идентичности подрастающих поколений, фиксации в их сознании субъективного переживания принадлежности к некоему целому, закреплённой не только в паспорте и нотариальных актах.

Патриотизм, с одной стороны, эмоция (чувство гордости), с другой — особая линия поведения (готовность к самопожертвованию во имя отчизны, например), на которое, возможно, способны немногие.

Патриотизм — очень тонкая духовная материя. Он может быть глубоко запрятан в человеке, а может быть на виду, показным. Чаще он проявляется лишь на вербальном уровне, но иногда способен подвигнуть большие коллективы людей к серьезным поступкам, причем не всегда позитивным. В самом деле, патриотизм легко перерождается в национализм, этноцентризм, ксенофобию, расизм и прочие разновидности нетерпимости. И примеров тому немало даже в наше время. Всегда следует помнить об этом, занимаясь патриотическим воспитанием подрастающего поколения или патриотической пропагандой среди взрослого населения.

Гражданское образование как раз наоборот пытается помочь молодому человеку не сотворить себе кумиров, привить навык рационального восприятия общественной реальности и тем самым приобщает подрастающее поколение к критическому мышлению, толерантности, ответственности, умению аналитически взвешивать, различать мнимое и подлинное и т.д. И, возможно, поэтому между ними откровенно *напряженные* отношения (но не враждебные при правильно поставленной дидактической работе!). В любом случае многое в объективных стратегиях патриотизма и гражданственности внутренне конфликтно. Но самое опасное, когда гражданское образование ошибочно трактуется как патриотическое воспитание или когда одно незаметно растворяется в другом. Такая подмена тем более недопустима в век глобализации, когда весьма серьезно переформулируются понятия «гражданин» и «патриот». Когда слово «космополит» не может быть ругательным*. Когда патриотизм, восходящий от уровня малой родины до уровня всей планеты, все меньше контролируется национальными властями. А мировые потоки людей, информации, разных видов деятельности в конечном итоге перемешиваются в обширном ценностном пространстве.

В этом нормальном культурном хаосе патриотизм и гражданственность продолжают играть на собственных полях, но, вероятно, впервые в истории совместного существования уже с хорошими перспективами позитивного сотрудничества. Хотя, конечно же, всегда найдутся желающие помешать человечеству выстроить новый гражданско-патриотический мир.

* Последовательно этот феномен проанализирован немецким социологом У. Беком. См.: Beck U. *Der kosmopolitische Blick*. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004.

Этот разный патриотизм. Говоря про кого-то или про самих себя «патриот», имеем ли мы в виду одно и то же? Разумеется, нет. Однако нам все же кажется, что это понятие не нуждается в прояснении, как будто бы его универсальный смысл и едва различимые оттенки значений однозначно понимаются и разделяются всеми. А разница в восприятии зависит от сугубо личностных особенностей человека.

О патриотизме написано и сказано слишком много, чтобы пытаться воспроизвести хотя бы малую толику общего спектра мнений. Обычно его определяют как чувство родства, которое испытывает человек к своей отчизне, которое провоцирует глубокое психологическое переживание и порождает гордость. Чувство это, в свою очередь, выражается самыми различными способами, среди которых главное сводится к убеждению, что родина — это лучшее место (в сравнении со всеми остальными), где хочется жить и строить свою биографию. Идентификация себя с местом и историей — стержень патриотизма, выраженный через язык, культуру и ценности.

А вот далее включается фильтр. Опирается ли человек на собственный ум или полностью доверяется тем конструктам, которые для него подготовлены и предложены властью в тесном сотрудничестве с интеллектуалами, разумеется. Так, в самом общем виде различают *критический* и *некритический* патриотизм.

Некритический патриотизм оперирует образами и ассоциациями, фетишными конструктами, невыверенными фактами. Его миссия — не дать человеку возможности самостоятельно думать, но предложить готовый «продукт» для массового культурного потребления — аксиомы, не подвергающиеся сомнению. Ясные и прозрачные символы и знаки, логические цепочки и утверждения без доказательств и объяснения. Словом, любой материал, подтверждающий тезис «это место — благословенное на земле», таковым оно было раньше, есть сейчас и останется на века. Главное только верить в это.

Державность и некритический патриотизм — родственные явления. Одно поддерживает другое. Крайними проявлениями этого феномена являются *нарциссический* патриотизм — бездумное и благостное самолюбование самими собой вопреки любым рациональным доводам и фактам — и *слепой* патриотизм, исключающий всякие сомнения.

Некритический патриотизм всегда кем-то сфабрикован, ибо служит интересам групп или власти в целом. Он лежит в основании многих образовательных философий, особенно тех, которые делают акцент на *изложение* культурного материала (будь то история, обществознание, филология или краеведение), а не на его проблемный анализ или дискуссию. Исторические герои назначаются, историческая канва выверяется, а любые сомнения в исторической «истине» объявляются «фальсификацией» или «недопустимым» пересмотром истории.

Нередко некритический патриотизм напрямую вытекает из государственной идеологии, если таковая вообще имеется. В таком случае его корректнее именовать *лояльным* патриотизмом, ибо он уже напрямую нацелен на легитимацию существующего общественно-политического порядка. И по-

Ники де Сен-Фалль. Гвендолин. 1966

этому в буквальном смысле — консервативен. Лояльный патриотизм распространен повсеместно, однако, конечно же, гораздо чаще культивируется в условиях авторитарных режимов.

Критический патриотизм может на первый взгляд показаться сочетанием несочетаемого (оксюмороном), однако он не только смысловая, но и методологическая противоположность некритическому патриотизму. В глобальном мире естественным образом ослабевает притяжение человека к одному месту и соответственно присутствие патриотизма сокращается в нашей культурной жизни. Либо же мы отчетливо видим, как он перерождается в национализм и этноцентризм. Мировая сеть и интернетизация образования, в свою очередь, интернационализируют молодых людей. Уже не так важно, где ты находишься и что чувствуешь по отношению к родному месту. А мобильность и глобальные информационные потоки делают идентификацию виртуальной игрой (одной из тех, в которые играют на компьютере дети).

Некритический патриотизм сегодня все больше напоминает простое ролевое разыгрывание. И все чаще остается пустыми словами, мало кто готов идти на жертвы ради идеологических фетишей государств. В результате современные образовательные институты оказываются перед лицом нового вызова: может ли патриотизм основываться не на простой чувственности, а на свободном выборе разума? Иными словами, стать эпистемологической, а не психологической, как раньше, задачей. Ответ — не очевиден. Теоретически — да, но как только эту задачу мы делаем практической, то сталкиваемся с необходимостью радикального отказа от патриотического воспитания в пользу гражданского образования.

Этот непростой гражданин. На заре Нового времени патриотом считался тот, кто выступал в защиту короля или другого феодала (вассалитет). Гражданин же национального государства не обременен никакими личными обязательствами по отношению к тем, кто находится у власти. В начале XVI века в правление Генриха VIII в Англии после отмежевания от Ватикана и учреждения англиканской церкви патриотическим гражданином становился тот, кто выражал верность главе государства и одновременно главе англиканской церкви в лице монарха. Католики же подозревались в непатриотичности, так как подчинялись римскому папе, и поэтому на протяжении XVI–XVIII веков не допускались к гражданской службе. Во время Французской революции конца XVIII века эти два понятия (патриот и гражданин) вновь на какое-то время сошлись воедино в формуле преданности идеалам революции и республики. Тот же, кто подозревался в обратном, объявлялся непатриотом и, бывало, подвергался казни на гильотине.

В целом же после эпохи Просвещения и на протяжении почти всего Нового времени гражданин проявлял верность только институтам — общественным и государственным, а не тем, кто их персонально возглавлял. Так патриот и гражданин разошлись по своим аутентичным историческим тропам. Для гражданина государство — не более чем правительство на день сегодняшний, пройдет время, и оно будет сменено. В этом смысле у граждани-

на и правительства в современном демократическом и правовом государстве отношения очень сложные и весьма проблематичные.

Главный навык хорошего гражданина — умение распознать общее благо и встать на его защиту. Его главный инструмент — дискуссия. Его главная общественная ценность — плюрализм. Его главный мотиватор — недоверие к чиновнику и человеку власти вообще. И не столько потому, что ему повсюду мерещатся «враги демократии», просто это, подчас априорное, недоверие заставляет институты становиться эффективнее.

Гражданин и государство оказываются расположенными лицом к лицу без малейших перспектив на соподчинение. Уже в самой своей философской природе гражданин кажется апатриотичным. Но это ошибочное представление о хорошем гражданстве. Его миссия в оппонировании государству и гарантировании всему гражданскому корпусу «права» на права человека. Что может быть еще патриотичнее?!

Это странное гражданское образование. Понимание общества, в котором ты живешь, политических институтов, которые ему служат, и общественных практик, способных мобилизовать граждан на участие в позитивных изменениях, — возможно, это не исчерпывающий, но все же достаточно репрезентативный список задач, которые гражданское образование *само себе определяет*. Именно само!

Классическое толкование миссии образования: государство ставит перед образовательными институтами две равноценные задачи — как сохранить и воспроизвести культуру и как сделать подрастающее поколение современным, соответствующим требованиям времени. Из этого понимания неявно следует, что образование — несамостоятельный и консервативный институт, поскольку плетется в хвосте перемен и следует тем задачам (в том числе и стандартам), которые ему определены сверху. Возможно, в сфере основ научного образования это — естественное положение дел, хотя и здесь намечаются перемены. Но никак не в сфере гражданского образования, которое само по себе способно инициировать общественные изменения, а посему вправе само ставить себе задачи и определять свое содержание. Независимость и фундаментальная ориентированность на гражданское общество — вот, пожалуй, что делает современное гражданское образование принципиально *иным* в сравнении со всеми остальными образовательными моделями в истории мировой педагогики.

Входит ли в задачи гражданского образования формирование «патриота»? Безусловно, да, но принципиально по-иному и для совершенно других целей. Критический патриотизм — не просто желаемый идеал для гражданского образования, но его главный дидактический инструмент. Недогматическое мышление, педагогически истолкованное как способность мыслить самостоятельно, уважать точку зрения другого, делает молодого человека *патриотом по разуму*, а не по принципу принадлежности к месту и времени. Его отныне уже не учат любить родину, тем более гордиться ею. В глобализованном XXI веке, чтобы стать патриотом, необходимо прежде всего научиться собственную страну не просто знать, но и понимать. И это, увы, не одно и то же. Можно быть хорошо информированным

рованным, но плохо чувствовать свой социокультурный контекст. И, напротив, хорошо его чувствовать, но не понимать (и поэтому не принимать!) ценностей и идеалов общественного блага.

Гражданское образование определяет для себя достаточно узкую предметную нишу: знания, добродетели и навыки для позитивного партнерства и общественного взаимодействия. В предметном поле знаний оно пересекается с философским образованием, но в отличие от него не ищет истины — в гражданском обществе нет

истины в научном смысле слова. В предметном поле добродетелей оно пересекается с нравственным воспитанием, но обучает детей не категорическому императиву или «золотому правилу» морали, а гражданской этике, ориентирующей человека на согласие, гибкость, компромиссы, диалог и сотрудничество.

В предметном поле общественных навыков гражданское образование вытесняет старую модель патриотического воспитания, основанную на аффектах, фетишах и коллективных образцах поведения, предлагая другую модель — рациональный патриотизм, цель которого понимание родины во имя того, чтобы сделать ее более открытой и эффективной в конкурентном содружестве с другими передовыми странами глобального мира.

Таким образом, критический патриотизм позволяет нам вырастить более или менее единую модель общего блага в среде плюрализма мнений. А это значит, что именно критический (но никак не лояльный!) патриотизм готовит ребенка к взрослой жизни в плюралистическом обществе, где разнообразие идей, публичных и частных, воспринимается как позитивная ценность, а не общественное зло.

Эта неповоротливая школа. В современном мире патриотизм любых видов активно вытесняется из политической жизни. Мультикультурность и Интернет функционально заменили собой наставника жизни былых времен (родители, классный руководитель, куратор, старший в группе и т.п.). Человек сегодня может сам выбирать и делает это буквально ежеминутно: какую пищу съесть, какую одежду надеть, в какие игры играть, какую музыку слушать, какие сайты посещать. И в каждом акте выбора присутствует какая-то этнонациональная культурная составляющая. Рутинизация культурного выбора сделала нашего современника менее приверженным к рациональному обоснованию своего поведения и культурного вкуса. Конечно, он не становится абсолютно всеядным, но все реже задумывается, «патриотично» ли он поступает, когда потребляет продукты чужой культуры. Таким образом, из-под патриотизма старого образца естественным образом вымывается подпитывающая его почва.

Главный навык хорошего гражданина – умение распознать общее благо и встать на его защиту. Его главный инструмент – дискуссия. Его главная общественная ценность – плюрализм. Его главный мотиватор – недоверие к чиновнику и человеку власти

Жан Тэнгли. Спираль. 1965

Не следует поэтому удивляться, что и школа уделяет этой теме все меньше внимания. Исследователи повсеместно фиксируют «патриотический закат» в школах, что, очевидно, свидетельствует о наметившейся тенденции деидеологизации среднего образования. Впрочем, до определенной поры, пока государство не потребует вновь патриотической мобилизации. В нашей новейшей истории это происходило неоднократно, вспомним хотя бы патриотические всплески последнего десятилетия в качестве иллюстрации того, что школа по-прежнему рассматривается в качестве важнейшего института патриотической пропаганды.

И тем не менее со «слепым» патриотизмом в школах происходит вполне ожидаемая метаморфоза — властный запрос вроде бы не ослабевает, а вот учительское прилежание явно поутихло. В условиях открытой информации (прежде всего в мировой Сети) учителю крайне сложно донести до детей «полуправду», приукрашенную реальность или просто околонучные мифы. Еще сложнее удержать молодых людей в нише одной точки зрения, сколь бы правдоподобной она ни казалась. Информационное общество неизбежно выносит принцип плюрализма мнений в число самых ценностно окрашенных преимуществ свободы. И поскольку монополия на знание (и информацию) невозможна практически, то носители не критического патриотизма становятся попросту неэффективными воспитателями и, более того — неинтересными и неубедительными для подрастающего поколения.

Школа вынуждена апеллировать не к эмоциям, а к уму ребенка, если, конечно же, она хочет решить стоящие перед ней задачи. А кто в таком случае ставит эти задачи, если не государство? Время. В этом ответе содержится вердикт всякому ретроградному мышлению, скрывающемуся зачастую под маской «государственничества». Необходимость быть современным и отвечать «духу времени» — это не чья-то прихоть, а условия выживания любой страны в высококонкурентной мировой среде. Насколько поспевает обычная школа за скоростью перемен, судить каждому из нас на основании нашего же опыта. Но похоже, что «время жизни» и «время школы» сверены с разными часами. Медленная поступь современной школы, ее замерший внутренний ритм, настороженность в отношении любых изменений, боязнь самостоятельности и молчаливое согласие на подчинительный статус — все это делает ее малопригодной к тому, чтобы стать ресурсом общественных перемен. Школа, возможно, не хочет функционировать по-старому, но и новая гражданская роль ей дается с большим трудом*.

А между тем гражданское образование может развиваться в общественную практику вначале только внутри школьных стен. И выражено это прежде всего в постановке новых задач и ценностных ориентиров для среднего образования. Среди целевых инноваций «делиберативность» (delibera-

* А между тем радикальная амбиция школы стать во главе общественных перемен — вовсе никакая не иллюзия и, очевидно, никакая не утопия. И доказать это удалось не только в развитых, но и развивающихся странах (к примеру, в Бразилии). См. подробнее: Apple M.W. *Can Education Change Society?* — New York-London: Routledge, 2013.

tion), то есть свободное и аргументированное обсуждение живых тем, проблем во имя укрепления демократических основ общества и свободного вовлечения граждан в общественную и политическую жизнь, становится важнейшим дидактическим приоритетом*.

Гражданское образование органично включается в любые школьные дисциплины, и не только гуманитарного свойства. Ни один предмет не преподается догматически, все подвергается сомнению и равноправному обсуждению. Даже математика и та раскрывается как культурно детерминированная наука. А на уроках гуманитарного цикла, разумеется, проблематика гражданско-патриотического содержания раскрывается с наибольшей полнотой.

Эта непатриотическая история. История любой современной страны состоит из взлетов и падений, успехов и неудач, позорных и славных страниц. Следует ли из этого, что мы (если следуем логике некритического патриотизма) должны гордиться своей национальной историей избирательно? Замалчивать одни сюжеты и выносить в публичное пространство только те, где наши предки выглядят наиболее безупречно?

Многие сегодняшние дискуссии по поводу преподавания истории в школе со стороны смотрятся именно в таком карикатурном свете. Причина этого — весьма распространенное заблуждение о том, что ребенку в школе необходимо дать сухой остаток истории «для взрослых», выжимку из современной исторической науки. И поскольку дидактическое правило «политика — это сегодняшняя история, а история — это политика в прошлом» пока еще признается валидным, то, следовательно, у истории как школьном предмете якобы есть большой воспитательный потенциал. На каких тогда еще уроках развивать патриотическое воспитание, как не на уроках истории? Одно ложное суждение, как видим, порождает другие. А изменить ведь необходимо лишь исходную методологическую позицию: школьная история не учит любить (или гордиться), *история учит думать*. И поскольку в истории нет прописных истин, «думание» не простое занятие. Тем более что современным историкам, по словам британского историка-марксиста Э. Хобсбаума, никак не удается привить ответственность за настоящее и будущее своих наций; они по-прежнему резервируют за собой интеллектуальную ответственность *только* за прошлое.

Гражданское образование исходит из того, что школьная история есть прежде всего *интеллектуальное упражнение*, которое одновременно служит нескольким целям: 1) расширению горизонта сознания, 2) пониманию мировых культурных смыслов, 3) развитию навыков самостоятельного аналитического рассуждения, дискуссии, аргументированного спора и т.д., 4) обретению первичного политического опыта, 5) обучению социальному

* См.: Elstub S. *Towards Deliberative and Associational Democracy*. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008; Rosenberg S.W. (Ed.) *Deliberation, Participation and Democracy*. — New York: Palgrave-Macmillan, 2007; Steiner J. *The Foundations of Deliberative Democracy*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

мышлению, б) извлечению моральных уроков. Только на первый взгляд может показаться, что это сложная и многовекторная дидактика. По сути, речь идет о формировании в ребенке гражданской субъектности: научении «быть лицом» в гражданском обществе. А для осуществления этой фундаментальной воспитательной цели достаточно понимания школьной истории как простого культурного конструкта, который является не более чем предметом для постоянного публичного обсуждения. Школьная история — главный ресурс в партнерстве учителя и школьников в процессе обретения последними навыков независимости мышления и самостоятельности суждений.

Такой подход как будто бы игнорирует патриотическую составляющую в преподавании истории. Если речь идет о «слепом» патриотизме, то — да. Но если мы говорим о критическом патриотизме, то, напротив, мировая и отечественная история предоставляют прекрасные возможности для эпистемологического наполнения концепции гражданского патриотизма как предмета свободного и рационального выбора молодого человека. И поэтому нельзя рассматривать школьные пособия по истории сквозь призму содержащейся в них правды/неправды. Корректнее их оценивать как предоставляющие большие или меньшие возможности для осуществления искомых интеллектуальных упражнений: в такой логике разговор о едином национальном учебнике истории просто теряет смысл*. Важна свободная гражданская дидактика, а не идеологическая зацементированность отсортированных фактов, которые часто историческими фактами не являются.

И все-таки предполагает ли преподавание истории в школе патриотический настрой? Повсюду идут жаркие дискуссии на эту тему. И складывается впечатление, что все чаще на этот вопрос следует негативный ответ**. Гражданское образование не приемлет морализирующей истории, то есть такой школьной дидактики, которая задает ученику однозначную героизацию и трактовку. Сторонники такого подхода по-прежнему полагают, что каждое подрастающее поколение нуждается в доверии к национальной политике и ее лидерам, а для этого ему следует «помочь» в извлечении морального урока по крайней мере из родной истории. Но как избежать подобной морализаторской заданности?

* Другое дело — «содержание курса» (*curriculum*), которое вполне может быть «национально» регламентированным, подобно тому как это осуществляется во многих европейских странах. Но эта регламентация не предполагает указаний, что и как должно интерпретироваться на уроках истории. В качестве примера см. анализ актуального британского опыта в книге: Hoodless P. *Teaching History in Primary Schools*. — Tavistock: Learning Matters, 2008.

** Тональность дискуссии задал более десяти лет назад британский философ Гарри Бригхаус в своей полемической статье, озаглавленной «Должны ли мы преподавать патриотическую историю?». Его отрицательный ответ и последовательная аргументация в то время обескуражили многих европейских экспертов и интеллектуалов. См.: Brighouse H. *Should We Teach Patriotic History?* // McDonough K., Feinberg W. (Eds.) *Citizenship and Education in Liberal-Democratic Societies*. — Oxford: Oxford University Press, 2003.

Разные страны поступают по-разному. В США, например, где публичная критика содержания образования чрезвычайно высоко развита*, предпочитают коммерциализировать издание учебников. Издатель, ориентированный на рыночный успех, обязательно постарается избежать доктринерства и морализаторства. Возможно, именно поэтому американские школьные хрестоматии по истории по сравнению с европейскими достигают громадных объемов и охватывают самый широкий круг тем и подходов. В Австралии в ряде школ практикуют преподавание так называемой структурированной истории. Ученикам часто предлагается не общепринятый нарратив всемирной истории, а микроисторические циклы — история труда, социальная история, история женщин, «исторические вехи и их герои»**, и т.д. Опыт продвинутых стран убедительно демонстрирует, возможно, в несколько парадоксальной форме, что свободный гражданин свободного общества вправе *сам выбирать себе историю*. И в этом утверждении нет ни толики эпатажа. Отвергая нормативный подход к истории или тем более «единственно» правильный взгляд на исторический процесс, свободный гражданин, по сути, резервирует за собой право на такую историческую оптику, которая позволяет ему видеть альтернативы — в сценариях, трактовках и даже в фактах.

Патриотизм как ошибка. Именно в такой неожиданной постановке предлагает обсуждать эту тему американский философ Джордж Катеб***. Для него всякая защита патриотизма есть одновременно нападение на ценности и идеалы Просвещения. Ведь, по существу, интеллектуальное оправдание патриотизма означает одобрение группового партикуляризма на основе религии, этничности, расы, территориальности или языка. То есть такого включения или исключения людей из групповой идентичности, которое представляет собой упрощение жизни и сосредоточенность на заданных и определенных кем-то помимо нас самих вопросах и ответов, правил, обычаев, ритуалов и тщательно отцензурированных фантазмов. Казалось бы, подобный образ жизни и мысли характеризует неинтеллектуальную публику, но парадоксальным образом именно среди современных интеллектуалов мы наблюдаем устойчивую тягу к атакам на Просвещение и отказ от самостоятельности мышления. Причем отказ вполне осознанный, поскольку современным разумом защищается архаичный социальный феномен. Нежелание пользоваться собственным умом неизбежно делает интеллектуальных «защитников» патриотизма теоретиками фундаментализма и сепаратизма. А это в наш глобальный век — глубокое и опасное заблуждение. Так неужели же для жителей планеты Земля в XXI веке остается лишь одна альтернатива — стать и быть «космополитическим патриотом»? Пожалуй, да, но это уже тема отдельного разговора.

* Американские учителя обращаются на уроках в качестве вспомогательных пособий к книгам с явно нелояльным к официальной версии истории «духом». В них авторы придерживаются либо «народной» доктрины, либо исповедуют «непатриотический» подход. См., к примеру: Heartfield J. *Unpatriotic History of the Second World War*. — Zero Books, 2012; Zinn H. *A People's History of the United States*. — New York: Harper & Row, 2004.

** Подробнее об опыте «критико-патриотического» преподавания истории в разных странах см.: Haynes B. (Ed.) *Patriotism and Citizenship Education*. — Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

*** Kateb G. *Patriotism and Other Mistakes*. — New Haven: Yale University Press, 2006.

Заметки о гражданском образовании

Единственный человек, с которым вы должны сравнивать себя, это вы в прошлом.
И единственный человек, лучше которого вы должны быть, это тот, кто вы есть сейчас.

Зигмунд Фрейд

*Вадим Карастелев,
эксперт Московской
Хельсинкской группы*

Для команды, к которой принадлежит автор, тема гражданского образования (ГО) важна из следующих предпосылок. Во-первых, существующие в настоящее время в школах курсы обществознания и, главное, истории России не удовлетворяют в полной мере запросу общества на гражданское образование. Основное внимание в них уделяется успехам государства и замалчиваются драматические события.

Во-вторых, федеральный центр и региональные власти, уделяя пристальное внимание патриотической и просвещенческой работе, называют ее гражданским образованием.

В-третьих, общероссийские объединения с опорой на неправительственные (общественные) организации и институт уполномоченных по правам человека, а также религиозные объединения выстраивают собственные стратегии влияния на наполнение гражданского образования.

В-четвертых, очевидна необходимость соотнести направления развития гражданского образования с международным опытом и контекстом*.

При этом ГО нужно рассматривать не само по себе (типичная ошибка!), но делать акцент на той роли, которую оно играет (должно играть!) в таких странах, как сегодняшняя Россия. В этой публикации предпринята попытка постановки проблематики ГО на современном этапе.

* См.: Алтинай Х. *Глобальная гражданственность*. — М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014; Пилон Д. *Глобальная революция и потребность в гражданском образовании в бывшем советском блоке* http://www.democracy.ru/library/articles/rus_1995-6.html

Государство и человек

Гражданское образование зависит от представлений о человеке, государстве и их взаимоотношениях*. Наиболее ярко отличия в представлениях на данную тему проявляются в подходах Германии и России.

В предисловии президента ФРГ (1999–2004) Йоханнеса Рау к Основному закону Федеративной Республики Германия говорится: «Важнейшим положением Основного закона является и остается статья 1 о неприкосновенности достоинства человека. Создатели Основного закона в первой фразе сознательно не говорят ни о государстве, ни о государственной власти, ни о народе, а говорят о человеке, об индивидууме и его достоинстве. Это означает отказ от всех идеологий, приносящих жизнь или жизненные шансы человека в жертву якобы высшим целям. Это также отказ от любых форм дискриминации людей по их происхождению, цвету кожи, убеждениям или вероисповеданию»**.

Статья 20, п. 4 Конституции ФРГ наделяет гражданина Германии правом на сопротивление «всякому, кто попытается устранить этот строй, все немцы имеют право оказывать сопротивление, если не могут быть приняты иные меры», то есть каждому чиновнику, в частности, и даже государству в целом.

Ситуация в Германии характеризуется тем, что дух и буква конституции сопря-

жены с практикой гражданского образования, что поддерживается ведущими политическими силами.

В России наблюдается серьезное рассогласование между Основным законом и практикой. Становится обычным делом безоговорочная подчиненность человека государству, а на практике чиновнику, часто нарушающему закон. Понятно, что это наследство досталось нам из прошлого и глубоко укоренено в массовом сознании.

Терминологические ряды и практика***

Пожалуй, пик интереса к гражданскому образованию в России пришелся на середину нулевых годов**** Тогда в документах Совета Европы была сформулирована концепция гражданского образования, под которым понимается «деятельность по воспитанию, обучению и просвещению, направленная на формирование у человека знаний, умений, ценностей и навыков, необходимых ему как гражданину своей страны». Гражданское образование как термин включает в себя такие понятия, как «образование в области прав человека», «правовое образование», «патриотическое воспитание», «демократическое образование», «воспитание в духе толерантности и культуры мира», а также «воспитание демократи-

* См.: Александр Согомонов. *Гражданское образование в истории западной философии* // *Общая тетрадь*, 2011, № 3; 2012, № 4; 2013, № 2.

** Закон Федеративной Республики Германия на русском языке [http://www.bpb.de/publikationen/GMLHII,,0,Grundgesetz_fbr_die_Bundesrepublik_Deutschland_\(deutschrussisch\).html](http://www.bpb.de/publikationen/GMLHII,,0,Grundgesetz_fbr_die_Bundesrepublik_Deutschland_(deutschrussisch).html)

* Обзор подходов и терминов хорошо показан в проекте Концепции гражданско-правового образования <http://www.ripc.redline.ru/~cse/prokgo.html>

** См.: Пронькин В.В. *Роль гражданского образования в развитии гражданского общества // Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодействия / Практическое пособие. Под ред. А. Е. Шадрина. — М.: Агентство социальной информации, 2008. — С. 257–274. URL: <http://cdrom01.economy.gov.ru/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA.pdf>*

ческой гражданственности на основе приоритета прав человека». Понимаемое таким образом, оно «охватывает школьников, студентов, взрослых, пенсионеров, лиц различных профессий и родов занятий»*.

Остановимся на определении термина «гражданское образование». Он традиционно используется в большинстве стран, хотя в Австрии, например, чаще употребляют понятие «политическое образование». А известный американский социолог Т. Калтсоунис предлагает использовать термин «демократическое гражданское образование», аргументируя это тем, что речь идет не о всевозможных ценностях, умениях и знаниях гражданина, а только о тех, которые принципиально важны для воспроизводства и развития демократических механизмов.

Наше понимание состоит в том, что, во-первых, гражданское образование — **понятие формирующееся** и является элементом постиндустриального образования. Следовательно, содержание понятия все время будет меняться, и определять его однозначно и жестко неоправданно. Во-вторых, смысл ГО в том, чтобы человек имел возможность как минимум быть соразмерным государственным и мировым институтам в области соблюдения прав человека.

Несмотря на то что в ближайшие годы не ожидается широкого использования постиндустриального представления о гражданском образовании, тем не менее представляет интерес небольшая панорама его прототипов в развитых странах.

В Австрии акцент сделан на «воспитании у австрийцев демократического сознания, общеевропейского мышления и открытости миру, в основе которой лежит понимание насущных проблем человечества».

В Нидерландах гражданское образование нацелено на «наделение учащихся историческими и политико-управленческими знаниями, представлениями и навыками, благодаря которым они сейчас и позднее, выступая в качестве членов различных жизненных систем, в качестве потребителей и производителей и в качестве граждан государства и всего мира, смогут принимать участие в исторически сложившихся структурах».

В Англии учебные заведения предлагают учащимся хорошо организованные интересные курсы, в основном это школы, которые сделали гражданское образование центральной темой всех учебных предметов. В английских школах межпредметный подход является доминирующим. Педагоги объясняют это тем, что школьному предмету «граждановедение» не соответствует никакая научная дисциплина, а такой подход препятствует изоляции и политической нейтральности других предметов.

Гражданское образование с позиции инструментального подхода — это не только знание, но в большей степени умения и навыки, которые являются основой любого социального действия и необходимы для гражданской жизни в демократическом обществе: в школьные программы включаются специальные занятия по развитию мышления, методологии научного исследования, коммуникации. В частности, группа исследователей из Висконсинского университета разработала специальный вариант программы по гражданскому образованию с акцентом на формирование навыков. В качестве стержневого умения они выбрали способность влиять на общественные дела.

Развитие гражданского образования в западных странах в настоящее время претерпевает значительные изменения.

* Из Меморандума общественного Совета по гражданскому образованию 2004 года. URL: <http://www.dialogvn.ru/ja/Junior/Continuation/Memorandum.htm>

Даниэль Спозэри. *Счастье этого мира. 1960–1971*

Кроме перехода от прямого преподавания к межпредметному, инструментальному подходу происходят еще некоторые изменения. Педагоги истории и обще-

ствознания Голландии, США, Германии заявляют, что они ориентированы не столько на передачу знаний, сколько на обучение способам дискуссии и инфор-

мации. Это подтверждает и разработка некоторыми европейскими странами и США «мыслительной учебной программы». Реализация такой программы требует не только добавления нового объема знаний, но и соединения описательного и рефлексивного знания. Во многих странах появились специальные программы по обучению школьников разрешению конфликтов и ведению переговоров. Важное направление — развитие навыков социальной коммуникации в рамках разных предметов. Особое место занимают также навыки организации социального действия и взаимодействия. При организации гражданского образования остается востребованным и эффективным проблемно-поисковый подход, преимущества которого очевидны: он обеспечивает условия активизации учения, вводит школьников в реальный жизненный контекст, отражает принципы открытого общества*.

В рамках граждановедческих курсов американские школьники пишут письма директору школы, например о качестве питания. Международная Амнистия побуждает школьников и студентов к активным действиям в защиту прав человека, например посылать письма поддержки в адрес правозащитных организаций, подвергающихся преследованиям властей. Российские учителя были удивлены, когда в Германии директор начал экскурсию по своей школе с кустов роз, которые посажены школьниками, помогающими потомкам жителей уничтоженной нацистами чешской деревни во время Второй мировой войны. Если в стране и мире происходит очень важное событие и ученики хотят обсудить его на уроке математики, то это приветствуется и поощряется.

От «Кубановедения» к «чинопреклонению»?

Однако постиндустриальное понимание ГО входит в конфликт с действиями власти в российских регионах с высоким уровнем нарушения прав человека. Например, власти Краснодарского края пытаются насильно воспитать любовь к кубанской земле, введя в середине 2003–2004 учебного года обязательное преподавание так называемого губернаторского курса «Кубановедение», который построен исключительно на славной истории казачества и СССР. В то же время при поддержке краевого Департамента образования и науки совместно с Русской православной церковью в этот 30-часовой курс планируется ввести историю распространения православия (с апостола Андрея до наших дней), историю храмостроительства на Кубани, жития кубанских новомучеников. Краевые власти беззастенчиво используют систему образования в политических целях: перед президентскими и губернаторскими выборами всех школьников обязали написать сочинение «Как я ходил на выборы вместе с родителями»**. Сочинения дети должны были сдать на следующий день после выборов, то есть через задание ребенку власть мотивировала родителей для участия в выборах.

Опыт противопоставления и проповедования неких традиционных ценностей, уже на федеральном уровне, осуществлен в виде государственно-исторической политики (сакрализация власти; безгрешность государства; массовый террор как эксцесс; цена победы и достижений не имеет значения). Кроме того, в 2014 году осуществляется попытка закрепить

* См.: Чуркина Н. Сравнительный анализ подходов в организации гражданского образования Австрии, Германии, Великобритании, Нидерландов, США // Гражданином быть обязан! Методический портал <http://www.smolpedagog.ru/index.html>

** Урок гражданственности <http://admkrain.kuban.ru/news/press/11766.html>

ния новой государственной идеологии в проекте Концепции «Основ государственной культурной политики».

Поскольку в России основной угрозой для человеческого достоинства являются так называемые правоохранительные органы (прокуратура, суды, полиция), нам необходимо такое гражданское образование, которое выращивало бы индивидуальные и коллективные методы его защиты.

Основная проблема — в выращивании потенциальных заказчиков на ГО и разработка специальных программ для детей и особенно взрослых из групп «риска» — людей со смуглым цветом кожи, африканцев, выходцев с Кавказа и Азии, заключенных, правозащитных групп. Наш опыт, например, показывает востребованность тренингов «Как не бояться полиции при проверках документов в общественном месте?» для уязвимых этнических меньшинств. Акции против произвола правоохранителей также дают свои положительные результаты. В итоге растет желание и, главное, умение сохранять человеческое достоинство в сложных социально-психологических ситуациях.

Можно найти много «точек роста» для развития гражданского образования; например, мы включаем в мониторинг соблюдения прав детей подготовленных и активных подростков, а наши коллеги при мониторинге тюрем, по согласованию с администрацией, вовлекают в мониторинг самих заключенных.

Нет уверенности в эффективности отдельных предметов типа «граждановедение», более полезным в наших условиях представляется использование материала других предметов и наук для

построения проектно-ориентированных курсов и акций. Таких, например, когда в курсе толерантного плаката или антифашистских граффити используется потенциал коллективного изобразительного творчества, а акция «футбол за толерантность» проводится при поддержке учителей физкультуры и психологов*. Длительность каждого мероприятия при этом занимает около четырех часов. Таким образом, школьный актив может стать союзником при разворачивании ГО с оговоркой, что, в отличие от других учебных предметов, ключевым компонентом гражданского образования являются личный пример и ценности педагога, учителя.

Кто станет «мотором» перемен?*

Любая самая прекрасная и перспективная идея должна получить сторонников и проводников, поэтому важно понять, в каком направлении вести поиск инициаторов и исполнителей. Некоторые роль «мотора» перемен связывают с преподавателями права, юристами, уполномоченными по правам человека. Однако, с нашей точки зрения, «мотором» должны стать продвинутые общественные организации, ставящие задачу создания и воспроизводства системы гражданского (общественного) контроля и ненасильственных социальных изменений. Но этого недостаточно, нужно ориентироваться на сетевые сообщества и начать процесс выращивания отзывчивой сетевой образовательной системы, которую государство в принципе построить не сможет, да и делегировать ему эту функцию не хочется.

* Более подробно о методиках проведения курса толерантного плаката и акции «футбол за толерантность» см. на сайте <http://kpd.nvrsk.ru/news/np/index.htm>

** См.: Болотина Т.В., Мишина И.А. Аналитический доклад «О состоянии гражданско-патриотического образования в субъектах Российской Федерации», 2011.

Образование и демократическая гражданственность

Европейский проект Совета по культурному сотрудничеству, получивший название «Образование, направленное на воспитание демократической гражданственности», явился в нулевые годы ответом на многочисленные запросы стран-членов и имел своей целью переосмысление значения активной демократии и статуса гражданина в свете изменений, вызванных глобализацией, объединением Европы и технологическим прогрессом.

Решение Страсбургской встречи в верхах «организовать движение за демократическую гражданственность» предполагает привлечение соответствующих заинтересованных групп (политиков, борцов за права человека, молодежь и т.д.).

В этой связи представляют интерес рекомендации международной неправительственной организации — Ассоциации по обучению в области прав человека (Human Rights Education Associates, HREA): 1) соответствующие программы должны содержать интерактивные, экспериментальные и трансформируемые методики обучения взрослых; 2) в программах должно быть сказано о том, что предстоит делать после окончания курса обучения; 3) а также содержаться информация о партнерских организациях и проведенных исследованиях и порядке их документирования, или, другими словами об оценке влияния процесса обучения на участников*.

В отличие от развитых стран России как демократической стране рано или поздно придется осуществить разгосударствление общества, постановку государства на службу обществу. И здесь, возможно, следует сосредоточиться на вовлечении граждан (учащихся) в различные формы организации общественного контроля.

Общественный контроль за деятельностью государства — не дань моде, а жизненная необходимость для стабильного развития любой демократической страны, а опасность его устранения, как утверждает известный британский философ и социолог Зигмунт Бауман, становится причиной массового уничтожения людей**. Как отмечают аналитики, «в отсутствие внешнего контроля любое ведомство склонно к безграничной экспансии, погоне за статистическими показателями, которые надуваются за счет незначительных и типовых, “валовых” дел, простых в преследовании нарушений»***.

Гражданское образование трансформируется в том числе в деятельность по общественному контролю за действиями государства, каким бы хорошим оно ни было. И на этом пути ценностный ориентир можно сформулировать словами Зигмунда Фрейда, вынесенными в начало статьи. Полагаем, такой императив позволит человеку ощущать свое достоинство, придать смысл своему существованию и не быть щепкой в бурном потоке истории.

* См., в частности: *Образование в области прав человека в школьной системе Европы, Центральной Азии и Северной Америки: сборник примеров успешных практик*. — Варшава: Совет Европы, БДИПЧ ОБСЕ, ЮНЕСКО, УВКПЧ ООН, 2009. Сборник материалов предназначен для поддержки обучения и усвоения материала, касающегося прав человека и правовых компетенций.

** «Холокост стал итогом уникального столкновения факторов, которые сами по себе были совершенно банальными и обычными... вину за такое столкновение в значительной степени следует возложить на освободившееся от общественного контроля политическое государство с его монополией на средства насилия и его дерзкой инженерией, завершивших демонтаж всех неполитических ресурсов власти и институтов общественного самоуправления». Бауман З. *Актуальность холокоста*. — М.: Изд-во «Европа», 2012. — С. 14.

*** Панях Э. «Extra jus: Хоршее плохое ведомство» // *Ведомости*, 16.05.2013.

*Сергей Пономарев,
эксперт Центра
гражданского анализа
и независимых исследований
«ГРАНИ», г. Пермь*

Российский неполитический активизм

Размышляя о судьбах гражданского общества в современной России, хотел бы вынести за скобки столь привычные слуху клише о политическом давлении на НКО и нарушении прав человека. Закон об НКО — иностранных агентах, цензура в Интернете, урезание политических свобод и т.д. — все это присутствует в публичной повестке дня, однако не исчерпывает ее полностью. Гораздо интереснее взглянуть на другую сторону медали.

В 2012 году Центр гражданского анализа и независимых исследований (Центр «ГРАНИ»), провел исследование российского неполитического активизма (нам удалось охватить 20 регионов и взять около 100 интервью)*. Надо отметить, что аналогичные исследования параллельно проходили еще в пяти странах Восточной Европы, но там под активизмом понималась преимущественно политизированная деятельность: протестные митинги, демонстрации и шествия. Нам же были интересны продуктивная гражданская культура и социальное созидание.

Коротко о терминах. Под активизмом в нашем исследовании подразумевалась добровольная коллективная деятельность, основанная на общих интересах и ценностях, реализуемая публично, в центре которой стоит гражданский поступок (публичное, активное, осознанное действие). Идентифицирующими признаками активизма, отличающими его от иных проявлений общественной активности, являются: гражданский поступок, групповая самоорганизация, публичное поведение, способность к ситуативной мобилизации при наличии острого повода, а также нацеленность на решение конкретной проблемы.

Мы фиксировали самые разнообразные проявления гражданского участия, в частности такие, как социаль-

** См.: Российский неполитический активизм. Отчет о результатах исследования. Руководитель проекта С. Маковецкая. — Пермь: ООО «ПК «Астер», 2014. — 158 с.*

ная помощь уязвимым группам, участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, защита «общественных территорий», поиск пропавших детей, работа наблюдателей на выборах, экологический активизм, зоозащита, краеведение и градозащита, сбор средств на помощь больным и детям-сиротам, создание интернет-платформ, движения автомобилистов, социальное предпринимательство и др.

Появились и стали заметны в информационном пространстве движения, сообщества, группы, клубы, творческие объединения и др., деятельность которых направлена на обеспечение общественных или групповых интересов. В большинстве случаев это незарегистрированные, но устойчивые объединения граждан, решающие локальные проблемы и нацеленные на конкретный результат.

Их много. Никогда еще в современной России не было такого количества разнообразных публичных (в противовес привычным «кухонным») оценок, мотивов, причин и результатов активистской деятельности, такой готовности граждан выходить из «частного состояния» в публичное пространство.

Распространенность гражданского активизма в России много шире, чем это принято считать. В ряде случаев мы не видим активистов, потому что ищем «под фонарем», в привычных местах, тогда как подобная деятельность не фиксируется в качестве активистской. Людей, называющих себя активистами, много меньше, чем людей, реально занимающихся таким типом деятельности. Самоидентифицируются как активисты в основном организаторы протестных и идейно-художественных акций (Pussy Riot, Навальный и пр.). Политическая оппозиция фактически приватизировала этот термин.

При этом в России параллельно сосуществует несколько поколений, слоев и стилей публичной общественной деятельности. Это явление многоуровневое, тематически разнообразное и сложно организованное, имеющее региональную и территориальную специфику. Особенно проявляются различия между так называемыми темными и светлыми стратами гражданского общества: активистами, выступающими за власть или против власти, за церковь и против нее, за свободную любовь и за семейные ценности, за модернизацию и за традиционализм, за глобализацию или за национальные интересы и др. Это низовое гражданское общество не всегда оказывается приятным явлением, выступающим за все хорошее против всего плохого. Фундаменталисты всех мастей активно перенимают методы традиционных либеральных НКО. Гражданское пространство оказывается куда более дифференцированным и разнообразным, чем это принято считать.

В нем формируются и тиражируются новые явления:

- а) широкое распространение городского гражданского творчества, добровольчества и благотворительности;
- б) рост самостоятельной роли интернет-активизма — движения за открытые данные;
- в) развитие гражданского активизма художественных субкультур;
- г) появление самовозбуждающихся антикризисных сетей (активисты на пожарах, наводнениях, поиск пропавших детей и т.д.).

Мартиал Райсс. Дерево. 1960

Активистская среда в России серьезно дополнилась практикой интернет-активизма. Интернет сделал более сложным социальное пространство всех уровней, предоставил большую свободу и гибкость, обеспечил доступ к новым аудиториям, стал эффективным каналом получения и распространения информации. В центре активистской деятельности оказались феномены «электронной демократии», «открытого государства», мобильных гражданских приложений, краудсорсинга (общественная экспертиза и генерирование идей) и т.д.

Интернет-активистская среда характеризуется анонимностью, разнородностью, динамизмом и свободой, она обладает лучшей масштабируемостью, то есть приспособляемостью к масштабу цели, задачам и адаптивностью. При этом интернет-активизм также зависит от личной активной позиции инициатора, поскольку часто виртуальное сообщество или группа лишь присоединяется, одобряет инициативу, но не всегда готово разделять и нести организационные издержки по принципу: 1% создает контент, 9% его содержательно дополняют и 90% молча потребляют. Поэтому как бы ни были развиты горизонтальные сети, они не заменяют значимости персональной активности.

В завершение коротко о политическом активизме и последствиях протестной активности. В качестве результатов, которые имеют значение для системной гражданской активности, нами были выделены:

- а) новые люди, вышедшие в публичное пространство;
- б) новые стили публичного автономного действия (в частности, расцвела политическая сагира);
- в) нарастание общероссийского поля публичности;
- г) массовая мобилизация граждан для отдельных видов действия (в частности, наблюдения за процессом выборов).

Чтобы способствовать дальнейшему устойчивому развитию этих низовых гражданских инициатив, необходимы несколько условий:

- Персональная поддержка усилий для достижения результатов вместо традиционной институциональной поддержки (большая часть инициаторов как огня боится Минюста, но может поспорить в плане эффективности с многими зарегистрированными НКО).
- Гранты, ваучеры на оплату труда профессионалов для низовых инициатив (на определенном этапе развития инициатива остро нуждается в помощи профессионалов — юристов, бухгалтеров, дизайнеров и т.д., чей труд должен оплачиваться).
- Программы быстрого реагирования, микрогранты для поддержки локальных инициатив (инициатива рождается по поводу конкретной проблемы, и активисты нуждаются в оперативной помощи и не могут тратить время на поиск донора, написание заявки, ожидание результатов рассмотрения и прочие процедуры, которые занимают недели и месяцы).
- Предоставление инфраструктуры НКО для возникающих инициатив (локальные инициативы, как правило, нуждаются в материально-технической базе (офис, факс, принтер и т.д.), которая есть у традиционных НКО и которая может предоставляться активистам в пользование).

Екатерина Жилиякова,
главный редактор журнала
«Муниципальная власть»

Между романтическим самоуправлением и финансовой вертикалью, или Почему отмена выборов мэров логична?

В следующем году Россия отметит 25 лет постсоветской децентрализации: первый закон о местном самоуправлении (МСУ) был принят еще в 1990 году. Мы придем к этому рубежу с отменой прямых выборов мэров в крупных городах.

К лету Госдума, скорее всего, примет поправки, по которым мэров будут утверждать городские советы. При этом и сами городские советы будут не выбираться напрямую, а формироваться из депутатов советов внутригородских районов.

Почему через четверть века децентрализация фактически оборачивается своей противоположностью? На самом деле это — закономерный итог прошедших 25 лет.

Вместо предисловия

Несмотря на то что у России был неплохой опыт самоуправления (земство и т.п.), сегодня главная проблема — низкая активность граждан. Видный российский ученый-урбанист Вячеслав Глазычев как-то сказал, что подлинное самоуправление начнется, когда вырастет первое поколение собственников. Логика такая: наладили свой быт, облагородили подъезд и двор, взялись за микрорайон, город и т.д. Это представление лежит в основе американского выражения *Grass roots* (корни травы), когда низовые потребности граждан формируют политику.

Другой авторитетный эксперт, Андрей Замотаев, в 1990-е и в начале нулевых годов курировавший самоуправление в администрации президента, незадолго до смерти пришел к неожиданному выводу. Он опубликовал в нашем журнале статью о том, что «мы... неправильно перевели Европейскую хартию МСУ, когда подписывали ее в 1997 году». Конечно же, дело не в том, что переводчики не знали английского языка. Но они вложили в базовые понятия хартии — в частности, *Local authorities* — совершенно иной смысл, чем вкладывают в них на Западе.

Если для европейцев главные действующие лица хартии — муниципальные образования (общины), то в переводе на русский язык ими стали «органы власти». А это большая разница: органы власти могут превратиться в вещь в себе, оторваться от «корней травы» и работать ради похвалы руководства.

Вот эти отправные точки — низы не хотят, а верхи, в том числе местные, склонны «вариться в собственном соку» — и стали фундаментом нашей децентрализации.

Романтический период: 1995–2003 годы
Широкое муниципальное строительство началось в 1995 году после принятия Федерального закона № 154-ФЗ. Многие эксперты до сих пор считают его одним из лучших в Европе. Помните, как в 1990-е Ельцин сказал регионам: берите суверенитета столько, сколько унесете? Примерно то же самое Москва провозгласила 154-м законом в отношении самоуправления. Закон дал субъектам РФ право самим решать, на каком уровне выбирать глав, где создавать муниципальные образования, какие полномочия за ними закреплять и какую часть налогов передавать в местные бюджеты.

В результате картина муниципальной России получилась очень разнообразной, с огромными провалами и яркими удачами. В одних областях выбирали глав сел, а районами руководили назначенные главы. В других, наоборот, в селах сидели назначенные чиновники, а глав районов выбирали. В Татарстане и Башкирии ввели систему, похожую на предлагаемую сегодня: жители выбирали городские советы, а горсоветы утверждали мэров, предложенных президентами республик. Справедливости ради скажу, что муниципалы, ездившие перенимать опыт в Казань или Уфу, вернувшись, говорили: никакого самоуправления там нет, но живут неплохо.

Самые дальновидные губернаторы тогда дали городам относительную свободу и

оставили им до 30% налогов, собираемых на территории. Это стало серьезным стимулом для развития. Несколько крупных городов дали льготы бизнесу и спустя год-два резко увеличили доходы бюджета. В Псковской области главы приграничных муниципалитетов развивали сотрудничество с Прибалтикой. Никому не известный Ступинский район на окраине Московской области открыл у себя филиалы нескольких транснациональных компаний. В Перми ввели гранты для территориальных общественных органов самоуправления (ТОСов), и на каждый вложенный мэрией рубль жители создавали продукт на 6 рублей.

Хрестоматийным стал пример города Мышкина Ярославской области. На основе идей активистов из местного музея мэрия разработала стратегию, с которой вошла в программу «Малые города» фонда «Открытое общество» (Фонд Сороса). На грант построили причал для маршрута «Золотого кольца», для туристов открыли пять музеев и четыре гостиницы (в городе около 7 тысяч жителей). За пару лет поток туристов вырос в 30 раз, а доходы бюджета — в 10 раз. Результат — сегодня немыслимый.

Многие муниципалитеты увеличивали доходы через суд, отсуживая у регионов долю налогов от расположенных на своей территории предприятий. Например, село Черноречье Оренбургской области отвоевало налоги и стало платить стипендии студентам-односельчанам. Но большинство мэров в битве с регионами за налоги терпели фиаско. Тем более что губернаторы быстро сообразили, что с помощью налогового повода можно управлять мэрами (особенно потенциальными конкурентами). Доходило до анекдотов: тогдашний губернатор Московской области как-то попытался оставить подмосковным городам 1% подоходного налога. По стране началась война: мэры и губернаторы воевали в Краснодаре,

Екатеринбурге, Волгограде... В Тюменской области новый губернатор вообще перекроил границы муниципальных образований, проголосовавших за его конкурента. И т.д. и т.п. Надо сказать, Кремль в этой войне поддерживал и мэров тоже: чтобы создать противовес губернаторам. В общем, было весело.

Бухгалтерский период: 2003–2013 годы

К началу нулевых стало понятно, что эту чересполосицу надо загнать хоть в какие-то рамки. Для разработки административной реформы была создана правительственная комиссия Дмитрия Козака. И тут мы оказались перед развилкой. Большинство экспертов (в том числе Глазычев) считали, что нужно просто установить рамки для списка полномочий и размеров налогов, зачисляемых в местные бюджеты. Кремль же решил систему самоуправления унифицировать по всей стране. (Несколько экспертов после этого вышли из комиссии в знак протеста.)

Первоначальная идея унификации смотрелась вполне логично: разбить всю страну на базовые единицы — поселения, а поселения объединить в районы. В поселениях власть в шаговой доступности, в районах — в транспортной (можно дойти или доехать до муниципалитета и вернуться за один день). Сначала девиз был такой: «Поселения — для населения, районы — для поселений». То есть все основные вопросы решают жители, депутаты и главы поселений, а районы нужны только для решения вопросов, с которыми поселения в одиночку не справятся. Например, для строительства дорог. В новом законе № 131-ФЗ прописали единые полномочия для сел, городов, районов и городских округов (крупных городов), списки имущества, которыми они могут распоряжаться, и т.п.

Дальше возник вопрос: какие налоги отдать в бюджеты унифицированных муниципалитетов? Но бюджетной реформой занимался Минфин России. И вот тут муниципальная реформа споткнулась так, что до сих пор не может прийти в себя. Минфин исходил из того, что налогооблагаемая база в стране распределена крайне неоднородно: почти 75% всех налогов собирались примерно в 20 регионах. То есть если отдать всем поселениям одни и те же налоги, то территории, где сохранилась созданная в СССР промышленность, будут «жировать», а те, где ее нет, бедствовать. Кроме того, именно тогда, как сейчас рассказывает экс-глава Минфина Алексей Кудрин, началось увеличение некоторых статей расходов госбюджета, например оборонных. Поэтому было решено собирать все деньги со всей страны наверх и затем всех внизу тотально выравнивать. То есть Москва выравнивает бюджеты субъектов РФ, а те, в свою очередь, размазывают деньги тонким слоем по своим муниципалитетам. У богатых городов стали изымать лишнее и возвращать им сверху примерно столько же, сколько и нищим соседям (на душу населения). То есть еще и богатые города-доноры стали дотационными.

Что вышло из этой уравнильно-распределительной системы? Сейчас у местных бюджетов в среднем лишь 3–4% собственных налогов, у самых богатых — около 10%. Это доходы. После тотального выравнивания через трансферты расходы выглядят так: в консолидированном бюджете страны через местные бюджеты тратится около 10% средств, остальное делится между региональным и федеральным бюджетами. Такой пропорции не было никогда. Как утверждает экс-президент Союза российских городов Валерий Кирпичников, даже в царской России и даже в СССР расходные полномочия между тремя уровнями бюджетов делились примерно поровну, по 32–33%.

Христо. Упакованная лошадка. 1963

Главная беда, что в такой системе у муниципалитетов нет никаких стимулов к развитию. К чему заманивать туристов, какой смысл развивать бизнес, если задача власти — собрать деньги и сдать их в общую кассу? Глава одного из районов Ростовской области рассказывал, что за год создал восемь новых предприятий через систему бизнес-инкубатора, но местный бюджет не получил ни копейки. Он и подобные ему главы занимаются поддержкой бизнеса буквально «из любви к искусству».

Теперь задача местной власти — не найти интересную идею для роста доходов бюджета, а выстроить хорошие отношения с областью или придумать, как попасть в одну из федеральных целевых программ. Например, сегодня лучшей муниципальной практикой называют опыт Пензы — там строятся и ремонтируются десятки поликлиник, детских садов, дворцов

спорта, бассейнов, здания театров. Все — с участием денег из регионального бюджета. По меткому выражению одного яркого мэра из 1990-х, лучшей муниципальной практикой стала практика государственная.

Такой перенос принятия решений о развитии территорий на региональный уровень — палка о двух концах. Например, всем известен признанный передовым опыт Калужской области, где создано семь технопарков, на которых открылись около 40 предприятий. Для этого региону пришлось взять кредиты, которые уже сегодня в несколько раз превышают доходы областного бюджета. Калуга рассчитывает в довольно далеком будущем получить отдачу в виде налогов. Но что если жители — и это во-вторых — не хотят ждать светлого будущего, а хотят, чтобы у них уже сегодня отремонтировались дороги и благоустроивались улицы?

Если в том же Мышкине от замысла городской стратегии до 10-кратного роста бюджета прошло года три, то сегодня только на подготовку уйдет три-четыре года. Год на разработку стратегии, год на переговоры с областью и конкуренцию с соседними муниципалитетами (только регион, утвердив свою стратегию, может войти в госпрограмму), год — на то, чтобы областную стратегию написать, и т.д. А за это время везде может смениться власть и не исключено, что придется начинать все сначала...

Финансовая вертикаль вообще начала подминать под себя систему самоуправления. После принятия 131-го закона тысячи сельских глав, избранных в новых поселениях, обнаружили, что денег у них нет ни на что: годовой бюджет в 1–2 млн рублей — самая распространенная цифра. Где-то началось массовое бегство сельских глав со своих постов, в одной из национальных республик глава села просто повесился, потому что не знал, как смотреть в глаза выбравшим его соседям...

Из-за этого многие губернаторы начали объединять села в более крупные поселения, сокращая расходы на аппарат. За последние 5 лет количество созданных по 131-му закону поселений сократилось более чем на 1,5 тысячи. Началось объединение администраций районов и районных центров: регионы решили, что содержать в одном городе — райцентре — две администрации накладно. Параллельно нищие сельские администрации начали массово передавать свои полномочия наверх, в районы, где водятся хоть какие-то деньги. Кроме того, районы стали операторами выравнивания муниципалитетов. В результате, вопреки первоначальной идее, роль районов резко выросла.

Другой пример изменения формата в угоду финансовой вертикали: после того как муниципалитеты лишились свободных денег, медицину и образование при-

шлось передать на уровень регионов, поближе к деньгам. Помните, как на последней «Прямой линии» Владимир Путин очень удивился, услышав, что по стране закрывают фельдшерско-акушерские пункты? Правильно, система ФАПов в этих условиях создается так, как это удобно региону. Если бы решение принимал местный глава, он думал бы о соседях, а самый благожелательный региональный чиновник видит общую схему, и мало кто не соблазнится идеей сэкономить на каком-то одном ФАПе где-то там далеко от своей жизни...

Новый муниципальный Госплан: 2014–?

Фактически через 10 лет после принятия 131-го закона мы получили систему, в которой основные рычаги управления любой территорией находятся на федеральном и региональном уровнях. То, что система управления похожа на армейскую вертикаль, первым подметил эксперт Фонда Кудрина и выпускник МШПИ Андрей Максимов: деньги находятся в руках «генералов» в центре, которые решают, как распределять их по стране, «полковники» в регионах перераспределяют спущенные сверху средства... Такой системе внизу нужны «младшие офицеры», которые будут тратить деньги только на цели, указанные сверху.

Вот поэтому система с трудом переваривает приход «незапланированных» мэров вроде Ройзмана в Екатеринбурге или Урлашова в Ярославле. Дело-то не столько в их оппозиционности. В советское время бытовала поговорка «Активный работник — угроза всему предприятию». Несистемный мэр может не принять или не понять правила игры. Даже тот же Урлашов, качества которого как хозяйственника спорны, первым делом стал судиться с областью за увеличение

трансфертов в городской бюджет. Ну и зачем финансовой вертикали непредсказуемые люди?

Именно поэтому более чем в половине региональных столиц уже введена система сити-менеджеров, назначаемых комиссией, треть которой формирует правительство области. Кто платит — тот и контролирует расходы. Довольно часто говорят, что сити-менеджер — это копия европейской системы. Но это верно только на первый взгляд. В Европе сити-менеджеры работают в условиях жесткой партийной конкуренции на выборах в городские парламенты. Скажем, левая партия, идя на выборы в местный совет, предлагает больше тратить на социальные программы, а либеральная партия — вложить деньги в строительство недвижимости, потом ее перепродать и получить на следующем цикле добавку к бюджету. Жители, голосуя за партийный список, выбирают, по чьей программе будут жить в ближайшие годы. Сити-менеджер в этих условиях — это своего рода «бухгалтер», который выполняет решения парламента и следит за преемственностью в отношении решений, принятых предшественниками. А в наших условиях он — фактически присматривающий со стороны региона за мэром — главой горсовета. Новые поправки усилят таких сити-менеджеров, так как квота региона в комиссии по их назначению вырастет до 50%.

На самом деле у разработчиков новой системы есть довольно здравые идеи (обоснование писали президентский Институт социально-экономических и политических исследований и Институт приоритетных региональных проектов — ИСЭПИ и ИПРП). Скажем, ИПРП делает акцент на том, что сегодня власть в городах — это битва между местными элитами, а перенос выборов во внутригородские районы сделает ее ближе к жителям. Но при этом разработчики видят будущее развитие как некую симфонию властей

всех уровней. Федеральный центр и регионы управляют общей картиной с помощью показателей эффективности работы муниципалитетов, города снизу дают свои идеи... При этом существенного роста денег, отдаваемых в местные бюджеты, пока не предвидится.

Фактически эта система — венец заложенной 10 лет назад финансовой вертикали, хотя ее авторы и строят систему обоснований на критике политики Алексея Кудрина. Больше всего это напоминает Госплан в позднем СССР. Тогда Москва спускала план: сколько пар обуви и сколько брюк должны шить предприятия страны в текущем году (те самые, где активный работник — угроза предприятию). Одна беда — граждане почему-то предпочитали копить деньги на то, чтобы купить американские джинсы у спекулянтов...

Критики новой системы говорят, что она закрепит начало конца местного самоуправления. Но в конце концов, даже если мы захотим отменить выборы на всех уровнях, кто нам запретит, если на то будет общественное согласие? К тому же неизвестно, не вызовет ли новая система активность жителей во внутригородских районах. Другой вопрос: насколько эта система окажется устойчивой, если экономический кризис, о котором все говорят, будет серьезным? Как показали 25 лет практики, все-таки наиболее устойчивы территории, где есть яркий лидер, умеющий рисковать, принимать нестандартные решения. Сможет ли предлагаемая система пропустить наверх человека с такими лидерскими качествами? Сомневаюсь, скорее в нее встроится люди, умеющие «договариваться». Поэтому я бы предположила, что новая система просуществует, пока экономическая ситуация останется более-менее стабильной. А вот серьезный кризис может заставить нас обратиться к городам, к «земле» за помощью. Правда, тогда Москве придется с ними делиться...

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах

Пьер Розанваллон

Общество равных. Перевод с франц. яз. (Pierre Rosanvallon. La société des égaux. Editions du Seuil. — Paris, 2011) — М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. — 416 с.

Эта книга известного французского историка, социолога и политического философа подводит итог его трилогии, посвященной анализу кризиса демократии как социальной формы устройства общества. Автор показывает синтетическую картину феномена равенства как ключевой идеи политической культуры современных демократий, фундамента справедливого распределения общественного блага, условия личной свободы. Констатируя рост и объясняя причины разного рода неравенств, он выдвигает свою программу выхода из тупика, предлагая переосмыслить концептуальное поле равенства в терминах индивидуальной уникальности, взаимности и коммунитаризма людей. Другими словами, он расширяет масштаб социополитического измерения в движении к равенству и активной солидарности, когда очевидной стала несостоятельность институциональных механизмов государства-благотелья. Концепция равенства П. Розанваллона позволяет, по его выражению, «рассматривать утопию общества равных как нечто совершенно реалистичное».

КРИЗИС РАВЕНСТВА

(Введение)

Демократия как система заявляет о своей жизнеспособности в тот момент, когда она приходит в упадок как форма организации общества. Пользуясь своими суверенными правами, граждане постоянно наращивали свои возможности участия и расширяли присутствие в общественной жизни. Они уже больше не желают довольствоваться периодическим выражением своей воли через избирательные урны. Теперь они все более активно пользуются своим правом надзора и контроля, представляя интересы какого-то

меньшинства, либо сообщества совместных интересов, или какого-либо распространенного общественного мнения, чтобы оказывать давление на тех, кто ими управляет, и выражать свои ожидания или недовольство. Уже по остроте той критики, которую они высказывают в адрес представительной системы, можно судить, насколько решительно они готовы отстаивать демократический идеал. Это особенность нашей эпохи. Стремление к расширению свобод и установлению власти, служащей общей воле, привело к тому, что позиции деспотов пошатнулись во всем мире и изменился облик нашей планеты. Однако этот политический народ, все увереннее навязывающий свое влияние, становится все менее однородным в социальном плане. Политическая гражданственность растет, в то время как гражданственность социальная снижается. Этот раскол демократии является ключевым фактором нашего времени, в котором заложены опасные угрозы. А если он будет углубляться, то в результате со временем может пошатнуться и сама демократическая система.

Рост разного рода неравенств является одновременно признаком и движущей силой этого раскола. Действуя исподволь, неравенство приводит к незаметному распаду не только социальных связей, но и солидарности. Этому явлению посвящено множество статистических исследований. И все они единодушно подчеркивают роль, которую сыграл в его возникновении сенсационный рост самых высоких зарплат* как крупных руководителей промышленных предприятий, финансовых воротил, так и просто руководящих работников, а также выдающихся спортсменов и звезд шоу-бизнеса. В США в 2010 году на долю 10% лиц с самыми высокими доходами приходилось 50% общих доходов населения, тогда как в 1982 году эта цифра не превышала 35%. Во Франции средняя заработная плата 1% лиц с самыми высокими доходами за период с 1998 по 2006 год выросла на 14%, а заработная плата 0,01% тех, кто находится на самом вершине этой пирамиды, — на 100%, в то время как заработная плата 90% самых низкооплачиваемых наемных работников за тот же период выросла лишь на 4%. В дальнейшем этот разрыв продолжал углубляться очень резкими темпами, что можно проследить по публикациям Национального института статистики и экономических исследований (INSEE)**.

* Основные работы по данной тематике: Thomas Piketty, *Les Hauts Revenus en France au XX siècle: inégalités et redistributions (1901–1998)*, Paris, Hachette, «Pluriel», 2006; T. Piketty et Emmanuel Saez, «Income Inequality in the United States, 1913–1998», *Quarterly Journal of Economics*, vol. 118, № 1, 2003; Antony Atkinson et Thomas Piketty (dir.), *Top Incomes over the 20th Century. A Contrast Between Continental European and English-Speaking Countries*, 2 vol., Oxford, Oxford University Press (бесподобный кладезь статистических данных). По Великобритании см. также углубленное исследование департамента равенства Министерства внутренних дел, *An Anatomy of Economic Inequality in the UK*, London 2010. По странам ОЭСР см. сводный доклад *Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries*, Paris, OCDE, 2008. По недавнему резкому росту высоких зарплат во Франции см. Camille Landais, *Les Hauts Revenus en France (1998–2006): une explosion des inégalités?* Paris School of Economics, июнь 2007. Цифры, приведенные выше, взяты из этих работ.

** Опять же во Франции в 2007 году средний уровень реального дохода (после обязательных платежей и уплаты налогов) 0,01% самых обеспеченных лиц в 75 раз превышал средний уровень доходов 90% наименее обеспеченных лиц.

дах происходит во всем мире. В то же время растет количество людей с самой низкой заработной платой, таких как наемные работники во Франции, получающие минимальную межпрофессиональную заработную плату (SMIC) (сейчас такую зарплату получает каждый пятый работающий). Также стало больше домохозяйств, живущих за чертой бедности в результате безработицы и роста количества краткосрочных или временных рабочих контрактов.

Постоянно увеличивающийся разрыв в доходах сопровождался ростом концентрации имущества. Так, в США на долю 20% жителей приходится 93% всех финансовых активов (исключая недвижимое имущество, стоимость которого, кстати, падает). Во Франции же на долю 1% самых богатых людей приходится 24% национального богатства, а на долю 10% самых обеспеченных — 62%, тогда как на долю 50% наиболее неустроенных приходится всего лишь 6% национального богатства*. Измерить эти виды неравенства, несомненно, не так просто, возникают серьезные методологические проблемы**, к тому же вопрос неравенства, конечно же, не ограничивается проблематикой доходов и имущества. Однако значение этих нескольких показателей можно легко уточнять и обсуждать *ad nauseam* (до тошноты), настолько обширна научная литература на эту тему. Здесь они упомянуты лишь для того, чтобы задать общий тон и подчеркнуть масштаб явления. Ведь самое важное в этой книге — другое. Самое важное — это констатация того, что мы еще никогда столько не говорили об этом неравенстве и в то же время еще никогда не делали так мало для его сокращения. В этом и состоит основное противоречие, которое необходимо изучить. Оно отражает тот разрыв, который возник между прогрессом демократии как политической системы и отступлением демократии как формы устройства общества.

Картина разрыва

В первую очередь бросается в глаза контраст между современным резким ростом неравенства и существовавшей ранее в Америке и Европе столетней тенденцией его сокращения в доходах и имуществе. Во Франции 1% самых богатых граждан, которым принадлежало в 1913 году 53% всего имущества, в 1984 году обладали лишь 20% от общего его объема. В США на долю 10% лиц с самыми высокими доходами накануне кризиса 1929 года приходилось 50% всех доходов, а затем, с начала 1950-х до начала 1980-х годов, эта цифра стабильно составляла около 35%***. Весьма показательным примером является Швеция — в 1980 году на долю 1% лиц с самыми высокими доходами там приходи-

* Т. Piketty, *On the long-run evolution of inheritance: France, 1820–1950*, Paris School of Economics, май 2010.

** См. по данной теме Marc Barbut, *La mesure des inégalités. Ambiguïtés et paradoxes*, Genève, Droz, 2007.

*** Данные из вышеперечисленных работ Т. Piketty.

лось 23% всех доходов, тогда как в начале века эта цифра достигала 46%*. Такое впечатляющее сокращение разрыва в благосостоянии можно объяснить сочетанием целого ряда факторов: быстрым ростом низких доходов, замедлением роста высоких доходов, а также введением социальных выплат и весьма значительным эффектом прогрессивного налогообложения, ставки которого в первой половине XX века резко выросли. Таким образом, сложившуюся на сегодняшний день ситуацию неравенства нельзя объяснить наследием прошлого, напротив, она характеризуется весьма очевидным разрывом с этим наследием, обращая вспять вековую тенденцию.

Изменение тенденции сопровождалось интеллектуальным расколом в понимании сути демократического идеала. Американская и французская революции не отделяли демократию как систему, в которой суверенитетом обладает народ, от демократии как формы организации общества равных. В книге «Дух революции 1789 года» Пьера-Луи Редерера, одного из видных членов Учредительного собрания, можно найти типичные для того времени слова: «Чувством, которое вызвало первую вспышку революции, вдохновило ее самые неистовые порывы, позволило добиться самых серьезных успехов, была приверженность к равенству». «Первейшей движущей силой революции, — резюмирует он, — было отторжение неравенства»**. А ведь Редерер вовсе не был фанатиком. Он был одним из умеренных членов Собрания и исповедовал идеалы демократического либерализма. Следовательно, мы не должны проецировать на эти речи те оговорки и ограничения, которые используем сейчас, чтобы разделить идею равенства на понятия с разной, постепенно нарастающей степенью радикализма и расширением сферы охвата — от республиканского равенства в правах до социалистического подлинного равенства. Равенство было тогда единым и всеобъемлющим; для полной состоятельности ему не требовались дополнительные определения. Кроме того, следует напомнить, что равенство и свобода, сейчас охотно представляемые как антиномические понятия либо как минимум две противоречивые ценности, в эпоху революции осознавались как неделимое целое, причем равенство чаще всего рассматривалось как основополагающее понятие. В 1789 году никто не сомневался, что именно равенство было «главной идеей» текущего процесса, его «лозунгом объединения»***. То же можно сказать и об американской революции. И в этом случае именно идеи равенства, а также независимости стали ключевыми символами политической культуры того времени. С этой точки зрения две революции действительно можно назвать братскими.

* Jasper Roine et Daniel Waldenström, «The evolution of top incomes in an egalitarian society: Sweden, 1902–2004», *Working Paper Series in Economics and Finance*, № 625, Stockholm School of Economics, 2006.

** См. *Oeuvres du comte P.-L. Roederer*, Paris, 1854, t. III, p. 8, 9 (эта книга, написанная в 1815 году, была опубликована лишь в 1830-м).

*** Это выражения Неккера из его книги *Du pouvoir exécutif dans les grands Etats* (1792), in *Oeuvres complètes de M. Necker*, Paris, 1821, t. VIII, p. 285.

Арман. Бытовые отходы. 1959

Согласие на неравенство

Потребность в более действенной демократии отныне, похоже, разошлась с чувством нетерпимости к ее отсутствию. Однако это случилось вовсе не из-за осознания масштаба проблемы. Так, многочисленные опросы общественного мнения показали, что в Европе так же, как, например, в Китае или Бразилии, у большинства граждан, иногда весьма значительного, есть ощущение того, что они живут в несправедливом обществе, однако это не влечет за собой какой-либо борьбы либо поддержки на выборах политических сил, действительно способных кардинально изменить эту ситуацию. Создается ощущение, что сегодня существует некая форма внутренней толерантности к такого рода неравенствам — кроме, разумеется, обличаемых повсюду чрезмерных бонусов или крайне высоких зарплат. Точнее говоря, неясное чувство того, что неравенство достигло «слишком высоких» и даже «неприличных» значений, спокойно сосуществует с несформулированным открыто приятием отдельных многочисленных его проявлений, а также глухим сопротивлением стремлению исправить их в жизни. Поэтому социальное недовольство, которое может быть распространено среди подавляющего большинства, сочетается с фактической пассивностью по отношению к общей ситуации неравенства.

Основательное исследование на тему «Восприятие неравенства и чувство справедливости», проведенное во Франции в 2009 году, лишь подтверждает подобное описание положения. Так, более 90% опрошенных высказались за необходимость сокращения разрыва в доходах, а еще большее количество считает, что справедливое общество должно гарантировать каждому удовлетворение его базовых потребностей (жилье, питание, здравоохранение, образование). То есть речь идет о жестком осуждении неравенства и амбициозном представлении о справедливости. Однако в то же время 57% опрошенных считают, что неравенство в доходах неизбежно, если мы хотим, чтобы экономика развивалась динамично, а 85% полагают, что неравенство доходов является приемлемым, когда оно представляет собой вознаграждение за различные индивидуальные достижения. Таким образом, мы наблюдаем в целом отторжение существующей формы общества, но в то же время приятие механизмов, которые лежат в ее основе. Мы негодуем по поводу неравенства, однако в душе признаем движущие силы этого неравенства легитимными. Предлагаю назвать такую ситуацию *парадоксом Боссюэ*, когда люди осуждают в целом то, на что они соглашаются в частности*. Этот парадокс лежит в основе современной неопределенности. Его существование не объясняется лишь непозволительной непоследовательностью. Прежде всего необходимо отметить его эпистемологическое измерение. Осуждая общие ситуации, мы рассматриваем

* Известно следующее выражение Боссюэ: «Бог насмехается над людьми, которые жалуется на последствия, хотя дорожат причинами». Этот парадокс можно также объяснить с помощью эффекта сложения: недовольство может быть результатом сложения разнородных оценок, притом что цели или причины действия должны определяться положительно.

объективные социальные факты, а частные ситуации скорее объясняем разными типами поведения и индивидуального выбора. Этот парадокс, кроме того, связан с тем, что моральные и социальные суждения формируются на основе самых показательных и самых предельных ситуаций (разрыв между богатыми и бедными), в которых индивиды представляют *абстрактную* массу, тогда как их личное поведение вполне *конкретно* определено и оправдано гораздо более узкой мотивацией. Так, мы часто видим, и это всего лишь один из примеров, как обвинения в несправедливости образовательной системы соседствуют с индивидуальным поведением человека, который нарушает территориальный принцип распределения детей по школам.

В изменении этих представлений сыграла свою роль и трансформация самой природы неравенства. На традиционные виды неравенства между различными категориями населения наложились внутрикатегорийные виды неравенства, которые являются следствием разнообразия индивидуального положения внутри определенной группы (так, существует гораздо больший разрыв внутри клана управленцев, чем между управленцами в целом и рабочими). Такое неравенство, скорее всего, складывается на основании различных индивидуальных качеств, а не социальной предопределенности, таким образом, оно гораздо легче принимается, если его связывают с различными социально признанными заслугами. И здесь мы наблюдаем некоторые искажения социального восприятия. Этим объясняется и то, что, хотя недовольство неравенством в целом может преобладать, отдельные виды неравенства, вызывающие отторжение, не столь многочисленны (когда речь идет о классовом неравенстве, оба типа оценок совпадают).

Кризис равенства: понять, чтобы преодолеть

Исторический разрыв со столетней традицией сокращения неравенства и его косвенное оправдание в форме парадокса Боссюэ являются признаками кризиса равенства. У него есть интеллектуальное измерение: он воплощает в себе и сопровождает ослабление целой совокупности предыдущих представлений о справедливом и несправедливом. Речь также идет о нравственном или антропологическом кризисе, не говоря уже о его наиболее очевидных экономических и социальных аспектах. Следовательно, этот кризис необходимо рассматривать как всеобъемлющий социальный факт. И действительно, он не ограничивается вопросами неравенства в доходах и имуществе. В результате кризиса пошатнулись сами устои общественно-го. Об этом свидетельствуют различные механизмы обособления, сепаратизма и образования гетто, включившиеся повсюду и приведшие к возникновению явления, которое я предлагаю называть *денационализацией* демократии, лежащего в основе такого раскола. Об этом также свидетельствует новое отношение к налогам и перераспределению доходов, которое повсюду ослабило позиции государства всеобщего благоденствия. Однако это потрясение также имеет политическое значение, поскольку из пара-

докса Боссюэ следует эффект бессилия. Все более точное знание о неравенстве не приводит к его устранению. «Все знать и обо всем говорить, но ничего не менять» — похоже, именно таким принципом руководствуется современный Гепард*. В нынешние времена также возникают прискорбные ситуации, но *in fine* (в конце концов) мы ничего не делаем, чтобы им противостоять, даже не осознавая нашего бездействия. Это тревожное чувство, которое заставляет искать козлов отпущения и утешение в волшебных фантазиях. Ситуация носит и политический характер, потому что разрушается идея демократии в том виде, в котором она была сформулирована, чтобы стать основой современной революции, и ускоряется возврат к самым мрачным страницам в ее истории. Она политическая еще и потому, что кризис идеи равенства повсеместно меняет соотношение сил в партийной борьбе. Крупнейшим следствием этого была глубокая дестабилизация левых партий в самом широком смысле этого слова, так как исторически они отождествляли себя с идеями равенства.

Тем не менее в различных речах и программах все еще находится место для призыва к равенству. Однако, хотя этот призыв и опирается на костыли лестных эпитетов, звучащих в призывах к «радикальному» или «реальному» равенству, сейчас он совершенно лишен содержания. Этот лозунг просто-напросто оторвался от реальности, перестав быть очевидным и ощутимым обозначением борьбы, которую необходимо вести, и лишившись внятной перспективы. Идея равенства превратилась в нечто вроде отдаленного божества, рутинный культ которого больше не поддерживает никакую живую веру. Теперь она проявляется лишь в виде отрицательного заклинания «сократить неравенство» и более не рисует перед нами позитивный образ мира, к которому необходимо стремиться. Она потеряла свой всеобъемлющий характер как ценность, которую готов отстаивать каждый, подобно свободе. Часто ее сводят к ограниченному представлению о борьбе с очевидной бедностью. Таким образом, левые в одночасье потеряли то, что исторически составляло их силу и было основой их легитимности. Снижение популярности, с которым они столкнулись по всему миру, вовсе не является временным; оно носит структурный характер и связано как раз с кризисом равенства. Конечно, они еще в состоянии одержать верх на выборах, ведь выборы — это всегда столкновение, в котором слабости противника имеют такое же значение, как реальность собственных сил, однако эти партии более не являются локомотивом понимания мира и побуждения его к действию. Они больше не задают тон эпохе. В этимологическом смысле слова у них больше не осталось революционного потенциала. И от этого, в свою очередь, слабеет сама демократическая жизнь, ее ниспровергают и поглощают зловещие демоны идентичности и однородности. Поэтому нет более срочной задачи, чем воссоздание идеи равенства. Эта книга как раз стремится способствовать ее осуществлению и предлагает использовать для этого двойной подход — исторический и теоретический.

* По-видимому, речь идет о главном герое романа Дж. Лампедузы «Гепард». — Прим. пер.

В первую очередь исторический, поскольку у кризиса равенства долгая история. Мы не можем довольствоваться его толкованием как одномоментного отступления, связанного, например, с проявлением взбесившейся финансовой системы либо с разрушающим воздействием вырвавшейся из-под контроля глобализации. Ни тем более считать его простым следствием «неолиберализма», который коварно завладел нашими умами, диктуя свои приказы правительствам. Все это, конечно, важно. Однако, чтобы оценить нынешние проблемы, необходим иной масштаб. Сейчас превращается страница столетней истории: сложившейся в конце XIX века концепции социальной справедливости, основанной на механизмах перераспределения. В данный момент мы испытываем острые последствия перехода к иным принципам и достижениям равенства. Однако для правильного понимания предыдущей эпохи перераспределения ее нужно воссоздать с целью анализа разрешения первого затянувшегося кризиса равенства, начавшегося в 1830-х годах с развития капитализма, разрушившего революционные достижения и пережившего в своем апогее последствия первой волны глобализации в 1880–1900-е годы. Первый кризис в тот момент проявился в распространении национализма и протекционизма, а также ксенофобских настроений, предлагавших в качестве средства решения социального вопроса принципы идентичности и однородности. Именно в ответ на эти порочные действия стали создаваться социальные государства перераспределения, предлагая эффективную форму решения социальных проблем того времени. Чтобы лучше понимать современную ситуацию, нужно иметь в виду все эти метания, как раз об этом я и собираюсь подробно рассказать на страницах этой книги. При новом прочтении этой долгой истории не дает покоя ощущение, что сегодня мы как будто вернулись к тем болезням, которыми был отмечен первый кризис равенства. Национализм, протекционизм, ксенофобия: все эти явления мы наблюдаем снова. Чтобы преодолеть этот второй кризис, необходимо найти ответ на главный социальный вопрос сегодняшнего дня. Но этого нельзя сделать, просто вернувшись к счастливым временам эпохи перераспределения. И хотя многие из механизмов, благодаря которым оно сформировалось, можно модернизировать и запустить вновь, нужно пойти еще дальше и переосмыслить саму суть понятия равенства во всем его объеме. Именно это сделали, на свой манер, социал-демократы и социал-республиканцы в условиях 1900-х годов. Однако они создавали его основы в эпоху, когда общество воспринималось как единое целое, и сделали институты солидарности простым продолжением целостного представления о социальной сфере. Сегодня же переосмысливать эти понятия придется в эпоху индивида.

Для успешного выполнения задачи мы предлагаем в этой книге снова оттолкнуться от представления о равенстве в том виде, в каком оно сложилось в ходе французской и американской революций. Тогда равенство воспринималось в первую очередь как отношение, как некий способ формирования общества, создания и поддержания публичной сферы. Оно было демократическим качеством, а не просто мерой распределения богатств. **Такое равенство-отношение** выстраивалось вокруг трех символов: подо-

бия, независимости и гражданственности. Подобие можно поставить в один ряд с *равенством-равноценностью*; быть похожим — значит обладать одними и теми же основными качествами, при этом другие различия не влияют на качество отношений. Независимость — это *равенство-автономия*; оно определяется от обратного как отсутствие подчиненности, а в позитивном смысле — как симметричное взаимодействие. Что же касается гражданственности, то она представляет собой *равенство-участие*; ее сущность составляет принадлежность к сообществу гражданского действия. Равенство-отношение, таким образом, представлялось как *мир* подобных, *общество* автономных индивидов и *сообщество* граждан. Равенство в целом рассматривалось как относительное жизненное положение индивидов, правила их взаимодействия между собой и принцип создания публичной сферы, что соответствовало трем областям социальных отношений. В тот момент их основами были права человека, рынок и всеобщее избирательное право. Экономические виды неравенства в этих условиях были приемлемы только в том случае, если они не угрожали развитию этих различных проявлений *равенства-отношения*, составлявших основу общества равных. Однако промышленная революция ниспровергла эти представления, сформулированные в докапиталистическом мире. Как следствие, разразился первый серьезный кризис равенства. Чтобы выйти из второго, нам нужно вернуться к первоначальному представлению о равенстве, придав ему подходящую для сегодняшнего времени форму. В этой книге мы хотим показать, как можно вдохнуть новый смысл в состояние равенства и заложить новое основание проекта создания общества равных с помощью принципов своеобразия, взаимности и общинности. Именно с их помощью можно обосновать новые политики перераспределения.

При работе над этой книгой я более чем когда-либо старался не отделять научную работу от гражданской озабоченности, открывая горизонты возможного, проясняя и организуя при этом пространство вероятного. В этом и состоит глубинный смысл этой работы, относящейся к сфере деятельности историка и политического философа. Ее политическая задача — объяснить читателю, что будущее социалистической идеи в XXI веке будет зависеть от более глубокого изучения социальной природы демократического идеала. Пришло время борьбы *за цельную демократию* как следствие взаимопроникновения долгое время разделявшихся идеалов социализма и демократии. Серьезные интеллектуальные и политические дискуссии будущего сосредоточатся на уточнении ее движущих сил и очертаний. Задача книги — лишь заложить первый камень в фундамент этих радикальных преобразований.

Региональное книжное обозрение

Вадим Штепа. *Interregnum. 100 вопросов и ответов о регионализме.* — Издательство: ИП Цыкарев Алексей Васильевич, 2012. — 112 с.

Известный в Карелии публицист и философ Вадим Штепа издал свою книгу в виде справочника, отвечая на вопрос, что такое современный регионализм, и полагая, что это новый стиль с геокulturой (сетью уникальных, но взаимодействующих региональных культур), геоблогингом (открытием и описанием новых пространств), гиперлокальными медиа-проектами.

«Регионализм — это движение за культурную идентичность и социальное самоуправление», — пишет он. Для возвращения федерализма необходимо возникновение «региональных уровней» демократического самоуправления. Поэтому в первую очередь он говорит именно о регионализме, вспоминая о древнерусских республиках — Новгородской, Тверской, Рязанской, которые являлись прототипами современного регионализма. Затем вводит тему исторических циклов, когда на смену империям пришли национальные государства, стремившиеся к авторитарному унитаризму. Ссылаясь при этом на Францию, где в ходе Великой французской революции появилось понятие *Etat-Nation* (национальное государство) и были отменены региональные идентичности. Следующий исторический цикл — регионализм, где вертикально-иерархические отношения заменяются сетевыми отношениями. Эту сетевую модель разработали философы Жиль Делёз и Феликс Гваттари, введя термин «ризом», который в ботанике означает строение корневой системы, состоящей из переплетающихся и непредсказуемых в своем развитии побегов при отсутствии «центра». В книге объясняется, что страны, не желающие иметь дело с культурно-экономическим регионализмом, сами создают предпосыл-

ки для его перерастания в политический сепаратизм, приводя в пример ошибки британского правительства в отношении Ольстера и испанского — в отношении басков. А также успешный пример Финляндии, где в 2010 году вместо института назначаемых губернаторов появились региональные союзы избираемых муниципалитетов.

Если исторические регионалистские движения могли быть как «правыми» (боровшимися за культурную идентичность региона), так и «левыми» (добивавшимися в первую очередь гражданского самоуправления), то в современной политике эта грань стирается. Сегодня регионализм являет собой единое движение в борьбе за гражданское самоуправление региона и его культурную специфику. Автор опровергает мнение о том, что регионализм является синонимом национализма, выделяя главным отличием то, что первый характеризуется многообразием этнических общностей. Регионалисты — сторонники мультикультурализма с его самобытным развитием этнокультурных общностей, представители которых вправе быть самими собой, не затрагивая интересы других. Более того, регионализм — это светское движение, которое выступает за свободу вероисповеданий; и локальные разновидности мировых религий интереснее с точки зрения регионального брендинга. Исторически оба эти движения исходят из борьбы за гражданское самоуправление, но в национализме декларативное «самоуправление» перерастает в реальное делегирование властных полномочий неким «вождем», выступающим от имени «всей нации». Тогда как регионалисты всегда настаивают на электоральной конкретике и стремятся к прямому гражданскому самоуправлению.

Вадим Штепа рассматривает очень интересный вопрос — может ли регионализм противостоять крупным корпорациям,

приводя в пример Аляску, ресурсы которой считаются собственностью жителей и доходы от добычи полезных ископаемых делятся между штатом и центром в отношении 90:10. При низкой ставке налоговых отчислений на федеральный уровень появляется высокая конкуренция среди добывающих корпораций в этом штате. Автор поддерживает идею бывшего губернатора Аляски Уолтера Хикла о рассредоточении крупных предприятий по разным регионам, где они платят налоги в местный бюджет (примером здесь являются крупные американские корпорации), что приводит к децентрализации экономики. Сетевая структура экономики с прямыми связями между региональными предприятиями исключает многоуровневое посредничество и побуждает все регионы становиться равноправными центрами. Например, в Европе введение евро открыло возможности прямого и взаимовыгодного сотрудничества многих регионов.

Фундаментом регионостроительства является принцип субсидиарности, согласно которому задачи решаются на минимальном уровне. Поэтому автор книги поддерживает идею *Global Village*, означающую новое сближение людей при помощи технических коммуникаций, ссылаясь на автора этой идеи Маршалла МакЛюэна, уверенного, что именно в условиях малых поселений граница между властью и гражданами стирается, а лучшей площадкой для такого сближения являются муниципалитеты. Последовательная субсидиарность вовсе не приводит к замыканию в «малых пространствах», так как регион заинтересован в максимально широкой популярности своих брендов.

Автор рассматривает вопросы регионализма и с точки зрения культуры, заявляя, что именно она лежит в основе различных типов экономики и политики. По его мнению, регионализм выходит за пределы политической борьбы и затрагивает информационные, экономические, исследовательские и культурные идеи. Инновационно-креативные проекты и разработка новых брендов оказываются более

эффективными, чем политические партии. Идентичность регионов — самая обсуждаемая тема в последнее время среди «креативного класса». Еще недавно для этого использовалась геральдика, оперирующая образами прошлого. Сегодня ее место занимает брендинг, который создает открытый, дружелюбный образ города. Именно бренд города является в наше время инструментом самореализации: самый известный пример такого брендинга — лапландская столица Рованиemi в Финляндии, жители которой объявили свой город родиной Санта-Клауса и ежегодно погружают туристов в рождественскую сказку. И в России есть похожий успешный пример — город Великий Устюг, известный как «родина Деда Мороза». Конечно, автор говорит и о своем родном регионе — Карелии, опровергая известный стереотип о желании местного населения присоединиться к Финляндии. Но предупреждает, что если региональное сообщество будет делать ставку на консервативное «сохранение» своей этнической особенности, оно не достигнет политических успехов. В сетевой модели региональные идентичности вступают в прямой диалог и образуют экономические, культурные и человеческие связи, стремясь к глобальному продвижению собственных уникальных брендов и создавая синтез глобальных интересов и локальных идентичностей.

Отвечая на вопрос, каким образом регионализм может реализоваться в политике, автор приходит к выводу, что только «новое пришествие» демократических принципов в российскую политику будет способствовать дезинтеграции. Он уверен, что сейчас тормозом для подобной эволюции является не столько бюрократическая «вертикаль», сколько имперский менталитет населения, насаждавшийся веками.

Демократия, заключает он, возможна только на основе культурной и социальной общности, когда граждане принимают ответственность за историю своего региона.

Мария Потехина

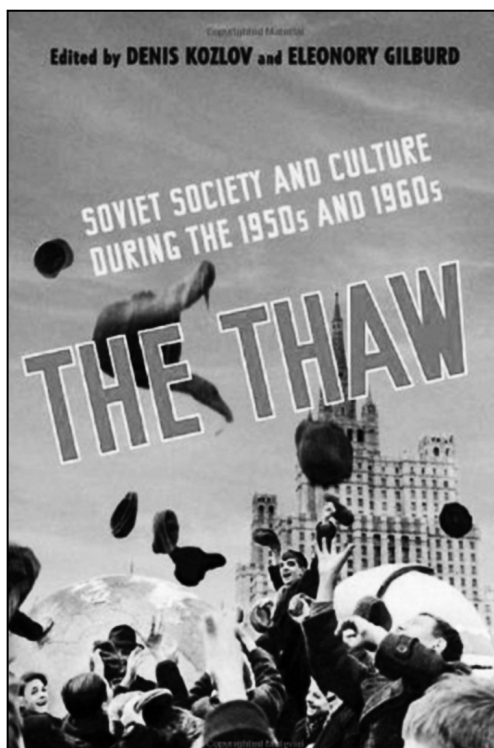
Новый взгляд на оттепель

The Thaw: Soviet Society and Culture During the 1950s and 1960s / Eds. Denis Kozlov, Eleonory Gilburd. — Toronto: University of Toronto Press, 2013. — 512 p.

Наступление нового политического времени, обычно связанное со сменой власти, воспринимается в России как приход нового времени года, как правило, зимы или весны. Становится холоднее или теплее в зависимости от типа правителя.

Отношение к государству как к природной стихии включает в себе понятные недостатки: пытаться влиять на стихию — все равно что надеяться вызвать дождь. Но есть у такого отношения и достоинство. Отношение к политической действительности становится по-восточному мудрым: летом не стоит забывать о зиме, а в самый лютой мороз не стоит отчаиваться — будет и весна.

Период правления Никиты Хрущева (1953–1964) — весь или частично, в зависимости от точки зрения, — прочно связан в нашем восприятии с весной. Во вступительной статье к сборнику исторических исследований об этой эпохе «Оттепель: советское общество и культура 1950–1960-х» Денис Козлов и Элеонор Гилберд напоминают, что традиция сравнивать политические эпохи с временами года в России давняя. Имя эпохе дала вышедшая в 1954 году повесть Ильи Эренбурга «Оттепель». Предчувствуя перемены и надеясь на них, самим названием автор перебрасывал мостик к самому началу царствования Александра II, которое Федор Тютчев по контрасту с периодом Николая I («Зима

железная дохнула») сравнивал с весной. Еще раньше, описывая время Анны Иоанновны, Иван Лажечников имел в виду и современную ему николаевскую Россию: роман «Ледяной дом» воспринимался и публикой, и цензурой, как метафора современности. Климатические метафоры выбирали не только либералы: Константин Леонтьев, как известно, призывал подморозить Россию.

И это вторая (первая — климатическая) особенность нашего восприятия общественно-политической реальности — литературность. Большой писатель должен написать о времени, чтобы нам легче было его осознать.

Неоконченная история. Одна из интереснейших работ в сборнике — проведенное Денисом Козловым исследование восприятия эпохи на материале читательских писем в редакцию журнала «Новый мир». Публикация мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь», а чуть позже выход повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» стали событиями общественной жизни начала 1960-х и многих заставили на бумаге изложить то, о чем в предшествующие годы страшно было даже говорить.

Публикация «Ивана Денисовича» не была бы возможна без упорства редактора «Нового мира» Александра Твардовского, но и без высочайшей санкции она тоже не могла бы состояться. О поддержке Хрущева нигде не было сказано вслух, но она подразумевалась, а это означало снятие табу с публичного обсуждения государственного террора в СССР. Сам факт появления в открытой советской печати текста, описывающего лагерный быт, был принят обществом как политический жест.

В редакцию пошли письма. Люди писали в «Новый мир», не рассчитывая на публикацию, не зная, кто и как отнесется к их попыткам высказаться. «Есть что-то, заставляющее нас читать эти письма — долгие, часто запутанные и косноязычные послания длиной в двадцать, тридцать, сорок и более страниц, — пишет Козлов. — Человек полагал для себя необходимым исписать несколько десятков страниц, которым суждено было уйти практически в никуда, в пустоту, осев в архиве журнала и, казалось бы, не принеся автору письма никакой выгоды, а при неблагоприятном развитии политической ситуации суля ему возможные неприятности».

Это был минимально публичный разговор, но все-таки разговор. В читательских откликах заявлены все темы, которые и до сих пор актуальны в российских попытках выяснить отношения с прошлым: цена молчания и предательства,

необходимость памяти о жертвах, оценка роли партии и ее конкретных лидеров.

Интересно, что после выхода мемуаров Эренбурга консервативная критика приняла попытку поставить вопрос об ответственности писателя и общества за злоупотребление властью («Необходимость спора», статья одиозного критика Владимира Ермилова в «Известиях» в начале 1963 года): если видишь преступление, не бойся сказать о нем вслух. Практически никто из читателей не согласился с Ермиловым, указывая на самоубийственность любых попыток спорить со Сталиным и лукавство самого автора, певшего осанну Сталину в 1930-е и 1940-е.

Впрочем, в письмах выявляется и еще один важный мотив молчания элиты. Возможно, ключевой причиной молчания была инстинктивная для старых большевиков верность делу партии: представление, в котором открытая критика власти со стороны своих могла бы подорвать единство рядов перед лицом опасности со стороны внешнего врага. Трагедия молчания 1937 года была не столько в том, что здоровые силы не проявляли себя, опасаясь за свою жизнь, сколько в том, что они боялись самой идеи внутренних разногласий в партии. «Забота о поддержании видимости единства, — писал один из читателей, — отличает советское сознание от сознания дореволюционных интеллектуалов».

Важно осознать, что уже тогда, задолго до эпохи современных коммуникаций, процесс не был односторонним: тексты, написанные профессионалами, вызвали к жизни мнения и воспоминания читателей. Все, кто прошел через репрессии (а отчасти и те, кто работал в лагерях), стали воспринимать писателей Эренбурга и Солже ницына как «слушателей», которые сумеют оценить, понять, а возможно, и использовать материал в дальнейшей работе. «По теории свиде-

тельств, основывающейся преимущественно на изучении опыта холокоста, — пишет Козлов, — присутствие такого слушателя является необходимым элементом процесса исторического свидетельства».

В случае с Солженицыным это принесло и вполне осязаемый результат. Почта, полученная писателем после публикации «Ивана Денисовича», стала одним из важнейших источников для «Архипелага ГУЛАГ», первый том которого был опубликован за пределами Советского Союза в 1973 году. «Все просили меня, автора первой лагерной повести, писать еще, еще, описать весь этот лагерный мир. Они не знали моего замысла и не знали, сколько у меня уже написано, но несли и несли мне недостающий материал... так я собрал неопишуемый материал, который в Советском Союзе и собрать нельзя, — только благодаря “Ивану Денисовичу”», — позже рассказывал в интервью Солженицын.

Общественная дискуссия 1960-х была прервана, как только политическая погода снова изменилась. После смещения Хрущева в 1964 году власти стремились сделать все, чтобы нейтрализовать эффект от тепели даже в мелочах: многочисленные издания «Ивана Денисовича» в 1970-е изымались из библиотек. Начатый в хрущевские времена общественный разговор не завершён в России до сих пор.

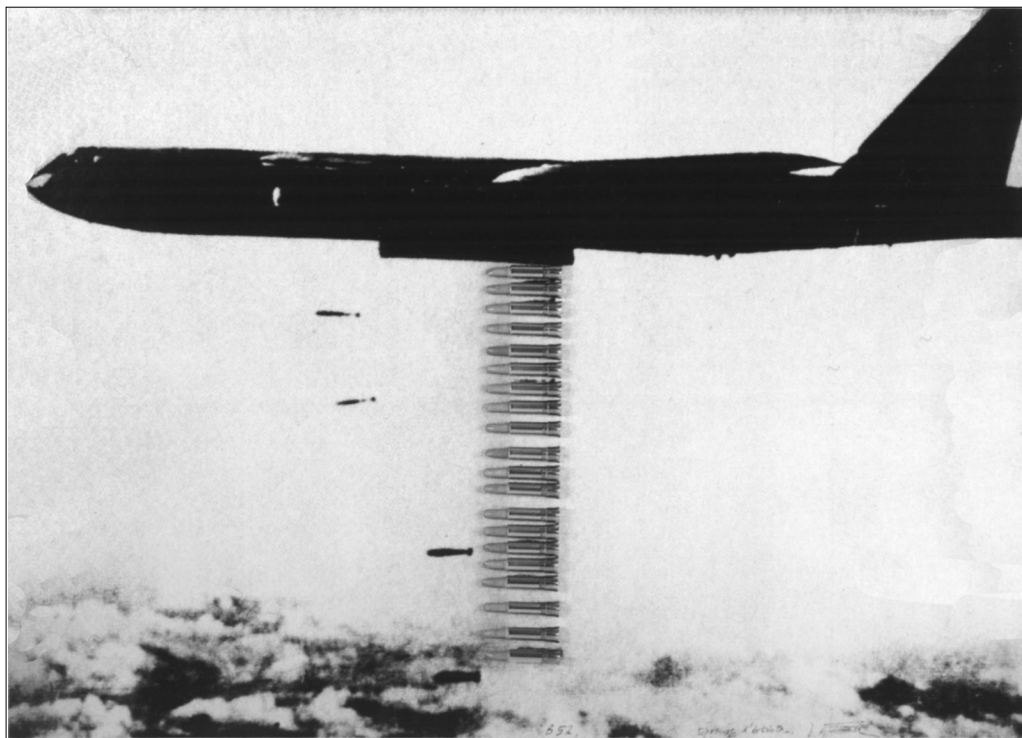
По обе стороны занавеса. Преступления человека и государства в годы тоталитаризма были в 1960-е на первом плане общественного внимания не только в СССР. В Германии аналогичный процесс активизировался чуть раньше. Дневник Анны Франк стал в Германии бестселлером во второй половине 1950-х. «Жестяной барабан» Гюнтера Грасса вышел в 1959 году. Суд над бывшим заведомым гестапо по «окончательному решению еврейского вопроса» Адольфом Эйхманом, ставший большим общественным событием Гер-

мании, прошёл в Иерусалиме в 1961 году. В 1964-м в Германии вышла немецкоязычная версия знаменитой книги Ханны Арендт «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме».

Важнейшим последствием осознания исторической проблемы нацизма в Германии стало внимание общества к сфере права. Суды, прежде всего Конституционный суд, стали наиболее значимой ветвью власти. Главной причиной «суперлегальности» конституции 1949 года — подчеркнутой верности принципу верховенства права — были опасения за судьбу демократии. «Бонн не должен был стать Веймаром»: ни при каких обстоятельствах высшие институты власти не должны больше иметь возможность отодвинуть на второй план основные принципы либеральной демократии.

Правовые основы Советского государства тоже менялись в то время, хотя перемены эти, конечно, были менее очевидны. В октябре 1961 года, после публичного обсуждения, была опубликована Третья программа КПСС. Самоопределение государства было изменено: на место диктатуры пролетариата официально пришло «общенародное государство». Третью программу принято рассматривать как характерное проявление хрущевского утопизма. Между тем, пишут авторы книги, стоит осознать, что 1961 год был единственным моментом, когда Советское государство осознанно изменило принципы своей деятельности. Отказ от слова «диктатура», поддержанный брежневской Конституцией 1977 года, означал отказ от насилия как одного из главных положений большевистского символа веры.

Был изменён и уголовный закон. Новый Уголовный кодекс, заменивший УК 1926 года, исключал, по крайней мере на бумаге, внесудебные расправы (знаменитые «тройки», «двойки» и пр.), утвердив принцип, в согласии с которым пригово-

Вольф Фостель. В-52. 1962

ры по уголовным делам могут выноситься только судом.

Внимание на законность обратило и общество. В 1960-е годы Советское государство впервые почувствовало давление снизу: активные представители творческой интеллигенции вступились за писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, когда тех обвинили в «антисоветской агитации и пропаганде» за публикацию художественных произведений на Западе. Лозунгом митинга гласности, прошедшего в декабре 1965 года на Пушкинской площади в Москве, были слова «Уважайте собственную конституцию».

Эта постановка вопроса точно описывает дух сформировавшегося в те годы правозащитного движения. Речь шла не о политике как таковой, а, как и в Германии, о том, чтобы средствами законности не допустить повторения государственных репрессий. Разница лишь в том, что в

Германии о законности заботилось государство, а в Советском Союзе — преследуемые представители гражданского общества. Многие другие процессы также шли параллельно (с поправками на местные особенности) по разные стороны железного занавеса. Жилищный кризис был характерен и для довоенного СССР, но разрушения Второй мировой войны сравняли условия. В Западной Европе особенно разрушенные в годы войны немецкие города вынуждены были срочно решать квартирный вопрос.

И решение было выбрано схожее: изготовленные индустриальным образом панельные многоквартирные дома. В СССР с 1955 по 1970 год было построено более 35 млн отдельных квартир. Введенная в советский обиход новая форма застройки, микрорайоны, напоминала гранд-ансамбли во Франции, социальную застройку в Западной Германии и города-спутники в ГДР.

В Италии период с 1953 по 1963 год известен как время «большого строительного бума». На окраинах Рима и Милана, точно так же как и вокруг Москвы и Ленинграда, выросли многоэтажные районы, плохо увязанные с городской инфраструктурой. В 1970-е годы по всей Европе, так же как и в СССР, зазвучала критика однообразной, антигуманной, антиэстетической архитектуры (ср. фильм Эльдара Рязанова «Ирония судьбы»).

Те же годы можно, вероятно, считать и временем появления советских потребительских товаров нового поколения, с одной стороны, и активизации советского культурного экспорта — с другой. Нужно отметить, что «экспортный проект» СССР — фестивальное кино, оперный и балетный театр, литература, включая классику в новых переводах, — оказался невероятно успешным и рассматривался частью западных критиков как достойный противовес американизации европейской культуры.

Внутри страны власти стремились противопоставить западному консьюмеризму советскую «культуру потребления», но этот проект потерпел решительную неудачу. Товарный дефицит и явное преимущество иностранных товаров в качестве сделали западный «ширпотреб» невероятно привлекательным. В итоге, несмотря на практическое отсутствие западных товаров в открытой продаже, потребительское поведение в России вестернизировалось задолго до падения железного занавеса. Граждане сделали свой выбор и только ждали возможности его реализовать.

Ценнейшая особенность представленных в сборнике новых исследований, в основном молодых историков, — готовность сопоставлять общественные и культурные

процессы, проходившие по обе стороны советской границы. Радуют их неполитизированность и высокое научное качество. Стоит отметить в этом смысле упомянутые исследования Дениса Козлова, интереснейшую работу Микаэлы Поль о первом большом проекте Хрущева — освоении целины — и статью Элеоноры Гилберд о возрождении советского интернационализма во второй половине 1950-х годов. Полноценной картины эпохи не получится и без представления о советском оттепельном кинематографе (книга Оксаны Булгаковой*).

Серьезное историческое исследование советской оттепели только начинается. Большая книга об этом периоде пока не написана. Одна из сфер, которая, безусловно, заслуживала бы освещения, — жилищное строительство, распространение отдельных квартир и появление новой для СССР культуры частной жизни, советского эквивалента капиталистической собственности.

И еще одна мысль напоследок. В русской истории бесконечно, как кажется, чередуются зимы и оттепели. Беда в том, что, в отличие от смены сезонов в природе, смена времен года в политике непредсказуема. Мы примерно знаем, когда наступит весна, но никогда не известно, в какой момент наступит и насколько глубокой будет очередная перестройка. А значит, реформы в России по определению не бывают хорошо подготовленными. Они практически всегда — срочная импровизация. Реформы делаются, чтобы успеть — пока можно. «Сезонность» русской политической культуры и отношение общества к государству, как к стихии, — тоже темы, заслуживающие внимания.

Максим Трудолюбов

* Булгакова О. *Советский слухоглаз: кино и его органы чувств.* — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 320 с.

Контрапункт

РОССИЙСКОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Русское родноверие: язычество и национализм в современной России (М.: Издательство ББИ, 2012. — 302 с.)

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

На протяжении более чем 20 лет послесоветской политической жизни русский национализм прозябал на глубокой периферии. Ни федерального уровня лидеров, ни сильных организаций, ни программы. На первом плане российской политики всегда была борьба коммунистов, либералов, «партии власти», олигархов и региональных элит. Такие рупоры «русской идеи», как ЛДПР В. Жириновского, «Родина» Д. Рогозина, скорее удачно «утилизировали» и «разминировали» русский этнический национализм, чем усиливали и организовывали его. Периферийным был и остается таковым и национализм многочисленных российских народов. Однако резкий подъем ксенофобии и национализма среди русского большинства России в последние два-три года заставляет присмотреться к русскому национализму повнимательнее. Какие идеи, ценности он несет? Во что верят люди, выходящие каждую осень на все более многочисленные «Русские марши»?

В своей книге «Русское родноверие: язычество и национализм в современной России» известный этнолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Виктор Шнирельман подробно анализирует феномен русского неоязычества — значительной составной части современного русского этнического национализма, одно из наиболее радикальных его направлений.

Корни сконструированного современным человеком неоязычества лежат в эпохе романтизма XIX века, отринувшей рациональность Просвещения и провозгласившей приоритет традиции и культуры. Язычники «предлагают вернуться к природе и сельской идиллии, к про-

стой и здоровой жизни, что якобы способно моментально вылечить язвы современного общества».

Современные российские неоязычники сами делятся на множество направлений, организаций и групп. Среди них — общины славянских язычников с культом воина, обучающие славянским боевым искусствам. Или другие — создающие эклектическую религию, включая кельтское и индуистское наследие. Или условно экологические общины, главное для которых — опрощение и сближение с природой, очищение души и оздоровление.

Все эти многочисленные группы также можно разделить на национал-патриотов, природно-экологические и этнографическо-игровые группы. Одни из них слабо политизированы и отдают предпочтение фольклору и играм. Другие, напротив, — предельно политизированные «национал-патриоты». Движение носит крайне раздробленный характер, у него нет сколько-нибудь единой идеологии и организации и даже мало-мальской координации.

Для всех них характерно оперирование «изобретенным прошлым». Представления о древней славянской Руси, которая ставится идеалом, носят вымышленный, антинаучный, порой чисто фантастический характер.

Не случайно жанр фантастики и фэнтези является одним из основных способов распространения и пропаганды неоязыческих идей. В последние годы такая литература набирает все большую популярность и выходит все большими тиражами. Одним из источников родноверческих «теорий» и вдохновения является «В(е)лесова книга», признанная специалистами сфабрикованной грубой подделкой якобы «древнеславянского текста». Среди пропагандистов неоязычества такие писатели прошлого и настоящего, как П.Л. Проскурин, Д.А. Жуков, С.Т. Алексеев, Ю.В. Сергеев, В.В. Головачев, В. И. Щербаков и пр. Их романы наполнены всем набором эзотерических, исторических мифов о «северной прародине», «ведических пророчествах», мифической северной Гиперборее, Аркаиме как великой крепости «северных переселенцев», арийских корнях цивилизаций, русских витязях, прозрениях Рериха и Блаватской и пр.

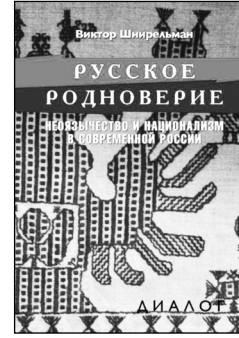
Для неоязычников их неоязычество тождественно этнонационализму (в данном случае — русскому). Это же характерно для неоязычников в европейских странах. Вот одно из приводимых автором самоопределений современных российских родноверов. Родноверы — это те, кто:

- генетически принадлежат к славянскому роду (суперэтносу),
- чтят традиционный славянский обычай,
- считают Родовое мировоззрение основным,
- славят исконных славянских богов (славянский политеизм).

При всем разнообразии течений и общин «все они озабочены возвращением к исконной дохристианской системе мирозерцания». Там они ищут и находят героические мифы и сказочные страны — «древнюю Гиперборею» мифического «золотого века».

Многие неоязычники крайне враждебно настроены к христианству в целом и православию в частности. В основе этой ненависти лежит не только то, что тысячу лет назад христианство вытеснило, заместило и разгромило

древнеславянское многобожие, но и то, что христианство с его универсальностью и антропоцентризмом в корне противоречит расовой и родо-племенной замкнутости неоязычников и их апеллированию к расе, народу, роду и племени, но не к отдельной личности. Также очевидны антисемитские корни этой ненависти — многие родноверы верят в то, что христианство — ядовитая религия, якобы специально придуманная евреями, чтобы поработить весь мир. Христианство прямо обвиняется в злостных преступлениях против человеческого рода, особенно против русских. В то же время некоторые течения пытаются, дабы не отталкивать

«национал-патриотов» с акцентом на православные ценности и традиции, совместить язычество и христианство, утверждая, что иудаизм, христианство, ислам вобрала в себя многое от зороастризма (языческой «общеарийской религии»), что их роднит между собой.

Все «теории» неоязычников построены на сугубо антинаучной, фантастической основе, и поэтому специалистами всерьез не обсуждаются. Например, навязчивое причисление славян к «арийцам» или идея «вечно-го противостояния ариев и евреев». Радикальный антисемитизм — важная составляющая российского неоязычества. В частности, В. Емельянов, автор «классической» книги «Десионизация» (1979), описывает евреев как «профессиональных древних преступников, которые сложились в определенную расу». Вся мировая история — борьба патриотов — националистов (арийцев) и «талмудических сионистов». Активно неоязычниками эксплуатируются старый миф о «жидомасонском заговоре», «протоколы сионских мудрецов» и т.п.

С середины 1990-х годов политизированные неоязычники разделились на два основных направления — национал-демократов и национал-социалистов. Первые хотят строить русское национальное государство, остановив «вторжение южан во все сферы общественной жизни». Многие из них используют в качестве символа трехпалую свастику. Один из лидеров, А. Севастьянов, приветствует национальные конфликты как сплывающие русскую нацию и потому поддержал чеченскую войну.

Национал-социалисты мечтают о «радикальной русской революции» и возрождении русского народа на основе национал-социализма. Они призывают разрушить современный капитализм и вернуться в «священное общество Средневековья». С лозунгом «Вера, Нация, Империя» они охотно используют портреты Гитлера и нацистскую свастику. Среди всех направлений неоязычества в последние годы растет популярность «белого (нордического) национализма», то есть расизма.

За постсоветские годы неоязыческое движение породило множество организаций, которые неоднократно создавались, распускались, объединялись, расходились и переименовывались. Часть была запрещена властями, часть лидеров оказалась за решеткой за акты насилия или пропаганду расовой ненависти. Среди известных организаций можно назвать Национально-республиканскую партию Н. Лысенко, «Русское освободительное движение» (РОД),

РНЕ А. Баркашова, группу «Мертвая вода» (авторы Концепции общественной безопасности России (КОБР), «Языческую русскую общину» и др.

В наши дни неоязычники делятся на тех, кто живет в сельской местности и исполняет там свои обряды, и на городскую интеллигенцию, которая время от времени собирается вместе для совместных языческих ритуалов. И идеологизированных городских язычников, которые в наибольшей степени вовлечены в общественную и политическую жизнь.

Само по себе количество этих групп и входящих в них людей невелико. Однако проблема заключается в том, что год за годом их фантастические расовые и религиозные теории, в том числе замешанные на ксенофобии, радикальном этническом национализме, юдофобии и христианофобии, все больше проникают в массовую культуру и массовые представления, в том числе через фантастическую и псевдоисторическую беллетристику и массовые СМИ. В этом смысле родноверы поставляют идеологию для гораздо более широкого националистического движения в России, а также все чаще от идеологии они переходят к уличному насилию.

На «Русских маршах» неоязычники идут с лозунгами «Слава Роду, смерть уроду!» и «Вся власть славянам!». Языческие мотивы, лозунги и нацистская символика получили широкое распространение среди российских скинхедов. Среди организаторов нападений на «неславян», взрывов и поджогов, избиений и убийств на расовой почве в последние годы немало тех, кто придерживается языческой веры. В том числе неонацисты неоязычники неоднократно нападали на православные храмы, например в 2004 году в Орле на церковь Смоленской иконы Божьей Матери. Они подожгли алтарь, оставив на стене надпись «Иудейский бог уйдет, во славу богам» и изображение нацистской свастики. Осужденные убийцы адвоката С. Маркелова и журналистки А. Бабуровой Н. Тихонов и Е. Хасис также были связаны с родноверами. Большую роль в пропаганде радикальных неоязыческих идей и организации радикальных групп играют социальные сети и многочисленные информационные ресурсы соответствующей направленности.

Лозунг «Россия для русских» с энтузиазмом поддерживается многими российскими неоязычниками, как и огромной частью населения страны. Они выступают за социальную справедливость, но для «русского народа», за особые привилегии для «русских» и даже за «русскую власть». Народ для них социобиологический организм, а не политическое сообщество, что предопределяет их расистские представления. Идеология и религия жестко связываются с биологией («этническая религия»).

Рост ксенофобии и национализма в стране создает все более благоприятные условия для распространения радикальных неоязыческих идей, теорий и мифов, что исключительно опасно для стабильности и целостности такой сложной многонациональной страны, как Россия.

Ценность исследования Виктора Шнирельмана состоит в подробном, глубоком и профессиональном разборе источников, предпосылок, идейных основ, движущих сил и организации неоязыческого движения России, пока что малоизвестных за пределами узкого круга специалистов.

НАЦИСТСКОЕ ПРОШЛОЕ

Елена Съянова. Гитлер_директория. — М.: Время, 2014. — 448 с.

Российские неоязычники, особенно их национал-социалистическое политизированное крыло, не скрывают своих симпатий к немецкому национал-социализму, часто используя его символику и идеи. Их роднит с германскими нацистами антисемитизм, подозрительное отношение к христианству, идея превосходства «славянско-арийской расы» (сами нацисты, напомним, считали славян вовсе не арийцами, а низшей расой), обширная мифология о «славных предках и героях», любовь к мистике и эзотерике, идеализация тоталитаризма, склонность к насилию и воспевание насилия. Они восприняли идеи о жизненном пространстве, о евреях как «извечных врагах ариев» и пр. Их не смущает громадная трагедия для всей России, в том числе для русского народа, которую принесли с собой нацисты.

Как показал опыт межвоенной Германии, кажущиеся фантастическими, завиральными и крайне далекими от жизни крайние идеи эзотериков, оккультистов, неоязычников в определенных общественных условиях, будучи соединенными с политической программой и организацией, могут вырасти в страшную разрушительную силу, ведущую к катастрофе. Экзотическое, маргинальное подполье может сначала выйти на площади, потом в политическую жизнь, а далее — повести свой народ к власти, войне и крови. Тем важнее и необходимее работы историков, рассказывающих об этой угрозе и ее возможных катастрофических последствиях.

Историк, писатель и журналист Елена Съянова многие годы изучает нацистскую Германию и уже написала немало романов, сценариев, книг и статей о происхождении нацизма, его идеологии и практике, о вождях и жертвах. Ее новая книга — «Гитлер_директория» — представляет собой мозаику документальных повестей, очерков, кратких портретов основных деятелей нацистской Германии. Книга — научно-популярное изложение множества ключевых сюжетов истории нацизма, в которой десятки небольших историй складываются в одну большую и объемную картину охваченного мессианским безумием кровавого режима Адольфа Гитлера. Книга тем и хороша, что написана талантливым автором, написана увлекательно и остро. Она поможет разобраться в том, каков был на практике германский нацизм, тем, у кого не хватит сил или времени читать порой сложные для восприятия академические исследования. При этом Елена Съянова держится научного подхода, опираясь на источники, многие из которых она сама держала в руках, например, когда работала с архивом Генерального штаба Советской армии.

Книга начинается с эссе «Добыча шарлатана», рассказывающего об оккультном и политическом Обществе Туле, возникшем в Мюнхене и

Баварии в 1918 году — вскоре после поражения Германии в Первой мировой войне. Общество, основанное Рудольфом Глауэром, именовавшим себя Генрихом фон Зеботтендорфом, мистиком, оккультистом, поклонником суфизма и Блаватской, объединяло сотни националистически, расистски и реваншистски настроенных немцев, многие из которых были ветеранами катастрофически завершившейся для Германии войны. В том же году в том числе и члены Общества Туле основали Немецкую рабочую партию, позже ставшую Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП). В 1919 году в партию вступил Адольф Гитлер, который, как рассказывает Е. Съянова, впитал многое из идей Общества Туле.

Уже это оккультное общество активно использовало свастику и другие «арийские руны», лозунги типа «Помни, что ты немец! Держи свою кровь в чистоте!». Члены общества «исследовали» древнюю историю Германии, верили, что предки немцев арии были выходцами из Атлантиды, владели тайным знанием и потому были «законной расой господ». Мифическая страна Туле была заимствована ими из сочинений древнеримских авторов (Вергилий) и помещалась где-то на крайнем севере Европы (как Гиперборея русских неоязычников). Политизированных членов общества больше всего привлекали идеи борьбы со «смертельными врагами немцев-арийцев» — евреями, коммунистами, масонами — и германского реванша.

Членом общества был и профессор Мюнхенского университета, бывший генерал рейхсвера Карл Хаусхофер, создатель немецкой школы геополитики, один из главных теоретиков германского нацизма, продвигавший идеи расширения «жизненного пространства» для немцев, общества как единого организма, расового превосходства и пр. Сочетание антисемитизма, идей расового превосходства, германского реваншизма, крайнего антикоммунизма и антилиберализма, арийской мифологии и символики составили основу будущей идеологии нацистской партии. Многие члены Общества Туле стали впоследствии видными деятелями гитлеровского режима — Рудольф Гесс, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Юлиус Штрайхер и др. «Иррациональное — вот ключ к рациональному, который немцам стоит теперь попробовать» — учил Хаусхофер Гесса — будущего заместителя Гитлера по партии и его ближайшего соратника.

Движению нужен был харизматический оратор, способный сплотить и повести за собой партию и массу, — и такой вскоре нашелся в мюнхенских пивных — Адольф Гитлер. Он быстро освоил идеи ордена Туле и Хаусхофера и так же быстро выдвинулся в лидеры Рабочей партии. Именно он добавил к идеям антисемитизма и расизма, к идеям реванша набор социалистических популистских лозунгов и добился переименования Рабочей партии в Национал-социалистическую, что способствовало кардинальному расширению ее социальной базы. Эта смесь была представлена Гитлером в национал-социалистической программе «25 пунктов» 24 февраля 1920 года в мюнхенской пивной «Хофбройхаус».

Ни Гитлер, ни НСДАП, ни «25 пунктов» не распространились бы по веймарской Германии как лесной пожар, не будь к тому глубоких социальных и экономических предпосылок — потери территорий, военного унижения, унижительных условий Версальского мирного договора, репараций, гиперинфляции и нищеты, политического хаоса. Но все эти условия в Германии были. И идеология национал-социализма, первоначально маргинальная, преуспела, приведя Гитлера и его партию к власти в 1933 году.

Сошлось многое — кризис республики, ее экономики, правительства, способность сторонников Гитлера к созданию сильной партии, пропагандистского аппарата, военизированных структур, личные ораторские и политические способности самого Гитлера, поддержка части элит, в том числе части политического и военного истеблишмента (например, роковое решение престарелого президента Гинденбурга о назначении Гитлера канцлером), поддержка немецких магнатов, поддержка значительной частью общества националистической, шовинистической, расистской, популистской программы НСДАП. Но кто сказал, что подобное сочетание условий не может повториться в других обществах и других исторических обстоятельствах? Европа и США извлекли уроки из постверсальской истории и после 1945 года вернули новую ФРГ в клуб демократических европейских наций, отказались от нового унижения немцев, включили их в процесс европейской интеграции, осуществили масштабную программу денацификации Германии. А покаяние за преступления нацизма, подробный рассказ каждому новому поколению о преступлениях нацизма стали основой новой, либеральной и демократической германской идентичности.

Когда радикальная партия захватывает власть, подминая под себя весь государственный аппарат, вооруженные силы и полицию, бывает уже поздно — даже в такой культурной и сильной стране, как Германия. С первых же дней начинается агрессивное перерождение в новую, тоталитарную систему.

Например, радикальная перестройка системы образования. «Национал-социалистическое государство должно стоять на двух образовательных идеях. Первое — разжигание огня в сердце моей молодежи и внедрение в ее разум понятия расы. Второе — готовность победить или умереть. Конечная цель образования моей молодежи — создание нового человека, фанатически преданного национал-социалистической идее», — говорил Гитлер. «Мы начинаем с трехлетних детей. Как только ребенок научится думать, мы даем ему в руки флажок, потом — школа, гитлерюгенд, штурмовой отряд, служба в армии. Человек попадает к нам в обработку, сам того не понимая, и когда он проходит все эти стадии, его берет Трудовой фронт и не отпускает до самой могилы, хочет он этого или нет», — развивал идеи фюрера лидер Трудового фронта Роберт Лей. «Мы рождены, чтобы умереть за Германию!» — был лозунг гитлерюгенда.

Немедленно меняются праздники. У нацистов это были День прихода к власти, День основания НСДАП, День памяти героев, День рождения фюрера, День труда (1 мая) — он же День рейхсвера, День немецкой матери, два Дня (зимой и летом) солнцестояния (дань языческой оккультной традиции), годовщина «пивного путча» и др.

Запрещаются оппозиция и многопартийность, идет разгром культуры и искусства, развязываются массовые репрессии, появляются концлагеря, раздувается милитаристский психоз.

Ученые, писатели, художники, интеллигенция и вообще профессионалы начинают покидать страну (многие, конечно, не могут или не успевают). Именно нацистский режим нанес непоправимый удар по немецкой фундаментальной науке, до того — ведущей в мире. Современное искусство подвергается гонениям и уничтожению, как «дегенеративное». «От нашего партийного духа все профессионалы или передохли, как мухи, или разлетелись», — это снова Лей.

Создается корпоративное государство. Весь народ объявляется единым организмом, спянным партией во главе с вождем. Уже 1 мая 1933 года в свете прожекторов на массовом митинге на берлинском аэродроме «Темпельхоф» Гитлер объявил, что в Германии больше нет классовой борьбы.

Ключевым инструментом перерождения государства в тотальную диктатуру становится массированная и тотальная пропаганда. Нацисты использовали опыт и принципы военной пропаганды Первой мировой войны в масштабах целого государства. Основные принципы тотальной пропаганды: простота выражений, агрессивность тона (всегда только нападать!), сразу называть врагов (евреи, коммунисты, масоны), побольше простых лозунгов, еще больше обещаний, хлесткие заголовки и главное — бесконечные повторы и массовость, вездесущность пропаганды. Полный запрет на альтернативные мнения и независимую информацию, свирепая цензура. «Вы должны заглядывать в головы», — говорил министр пропаганды Геббельс. Он смеялся над критиками нацистской пропаганды: «Пусть сколько угодно говорят о том, что наша пропаганда — крикливая, грязная, скотская, что она нарушает все приличия — плевать! Важно только одно — чтобы она вела к успеху!»

У тоталитарных режимов своя, страшная логика. Раз встав на путь насилия и разрушения, попавшие в распоряжение такого режима народы неизбежно идут к своему краху, в случае с Германией утянув на дно миллионы самих немцев, большинство европейских евреев, 55 миллионов убитыми по всему миру, 27 миллионов советских людей. «С плаца в балет не возвращаются», — сказал руководитель гитлерюгенда (до 1940 года) Бальдур фон Ширах.

Читать книгу Елены Съяновой, как и любую другую книгу по истории нацистской Германии, очень тяжело. Все ее «герои» словно пребывали в тяжелом безумии, творили абсолютное зло, разрушая свои судьбы, судьбы своих близких, своего народа, миллионов людей. Идеология нацизма, захватив умы сначала небольшого числа людей, а потом всего великого

европейского немецкого народа, вскоре утянула в бездну войны большую часть Европы. Подпольные секты, субкультуры с их фантастическими мифами и представлениями вовсе не безобидны. Пример Германии показал, как легко кризис государства, апатия и разобщенность гражданского общества могут привести маргинальные безумные идеи к политической победе.

Пожалуй, помочь может опыт самой Германии. После 1945 года немцы делали и делают все возможное, чтобы кажущиеся неопасными теории о «древних героях», «славной прародине», «роде и крови», Атлантиде и Гиперборее, «извечной борьбе ариев и семитов» и прочее вновь не взяли верх в умах немцев.

Для этого (с активным участием американцев и британцев) была проведена полная денацификация системы образования, культуры и искусства, нацизм и коммунизм как политические течения были запрещены в Конституции ФРГ. В школах и вузах, в учебниках истории, в книгах и статьях, телепередачах и фильмах немцы изо дня в день рассказывают все, как было, о всех преступлениях и ужасах нацизма. Полная правда о прошлом — главная защита от рецидива. Все школьники страны обязательно посещают музеи в бывших концлагерях и лагерях смерти, по всей стране стоят памятники жертвам фашизма и работают музеи холокоста. На улицах городов реализуется целая программа «топографии террора» — таблички и указатели того, что и где находилось в годы Третьего рейха. Важен также свободный демократический процесс, сильные государственные институты и здоровая экономика. Для Европы ключевую роль играет также процесс европейской интеграции — своеобразный «якорь» для разных народов от опасных рецидивов национализма и авторитаризма (которые не ушли и вряд ли когда-либо уйдут в прошлое).

Все это имеет непосредственное отношение и к России, не преодолевшей свой опыт тоталитаризма. В стране безобидные с виду маргиналы все в большей степени формируют массовые ксенофобские, в том числе националистические и расовые, представления, а власти все чаще апеллируют к «великому опыту» отечественного тоталитаризма, как и к ценностям традиции, веры, силы, великодержавности, которые могут быть наполнены в определенных условиях радикальным и опасным содержанием.

Сергей Аверинцев

*Когда рука не сожмется в кулак**

Очень важно понять, что нетолерантность и ксенофобия в XX веке (по крайней мере у нас и дальше на запад, о Востоке предпочту не говорить) имеют некоторые качества, которые делают их принципиально несравнимыми с нетолерантностью и ксенофобией в обществах каких угодно бывших времен. По той же причине, по которой тоталитаризм нельзя приравнивать к старинному деспотизму и новую нетерпимость мысленно сопоставлять со старой лишь по сугубо внешним признакам. Ибо люди никогда еще не были так оторваны от корней, а потому власть ностальгии по почве не становилась такой иррациональной. В прошлом повсюду сохранялся некоторый естественный взаимоупор между закрытостью и открытостью этноса или культурно-конфессиональной группы, между консервативной силой инерции и прогрессом и т.д. Во всех обществах ни один, ни другой принцип не мог сделаться абсолютным, ибо каждый из них имел под собой конкретные, жизненные основания. Люди на самом деле принадлежали к некоторой неутраченной бытовой традиции. Это всегда давало им некоторый минимум закрытости по отношению к чужому.

Еще Томас Манн, которого никто не заподозрит в том, что он был плохим европейцем, говорил, как это мои дети могут так легко сдружиться с французскими молодыми людьми, я в молодости так легко подружиться с французом не мог, я слишком сильно чувствовал, что он совсем другой. Однако именно объективно данная принадлежность к жизненной традиции давала человеку определенное спокойствие в этом вопросе, вводила в границы его раздражительность по отношению к чужакам: у меня и так есть свои, для своих я свой и мне нет причин лезть в бутылку из-за того, что те чужие. Чужие они и есть чужие.

* *Век XX и мир.* — М., 1990, № 7. Перепечатывается с небольшими сокращениями.

Почвенники девятнадцатого века и у нас, и по всей Европе повторяли один за другим фразу Жозефа де Местра, сказавшего, что он знает из личного опыта национальные типы, но человек вообще ему неизвестен. Владимир Соловьев мог возражать де Местру, указывая на образ Иисуса Христа как Всечеловека. Что правда, то правда: слова де Местра не на уровне христианских идеалов, а равно и философских идей. Они на уровне некоторой реальности, которую мы можем назвать обывательской. Но эта обывательская реальность когда-то казалась вековечной: она могла вызывать гнев своей косностью, однако в ней была истина факта. В XX веке все это кончилось. Когда немцы перестали в достаточной степени естественно чувствовать себя немцами, они решили, что они раса. Вот классический нацистский лозунг относительно балтийских немцев: вы потеряли Heimat (конкретную родину), но обрели Vaterland (абстрактное идеологическое отечество). Что касается нас, не надо забывать, что один из важнейших рецептов сталинского террора реализовался в предельной атомизации каждого человека. Мы все знаем, как москвичи и ленинградцы, спасая свою жизнь, забирались куда подальше в провинцию. Но ведь и там происходило то же самое, из провинции бежали не одни раскулачиваемые, все бежали в Москву и Ленинград; не просто потому, что в столицах легче жить, но потому, что оставаться на том месте, где про тебя могут сказать ужасную фразу: «Это уважаемый человек, я еще его отца знал, и тот был честный человек», — слишком часто было смертельно. Смертельно быть человеком, которого абсолютно безотносительно к идеологическим прописям уважают в его естественной среде пребывания. Таких не должно было оставаться. Глубинные последствия происшедшего начинают сказываться только теперь. Одна из таких вещей, болезненная,

печальная истина, в которой мы, однако, должны сознаться, это то, что в раннем большевике, который ломал церкви, на уровне бессознательных жизненных навыков оставалось порой больше от тысячелетия русского христианства, чем в теперешнем неофите, который приходит в церковь и молится там, но все его жизненные навыки сформированы тем безбожием, которое насаждали его отец или дед. И этому надо посмотреть в глаза.

Прежде чем рассматривать идеологически мотивированную злобу этническую, политическую, конфессиональную или псевдоконфессиональную и т.д., надо, вероятно, обратить внимание на феномен безмотивной злобы. Мы живем в городе, где в духе своем убивают ближнего, даже не доходя до специальной, персональной злобы против него, не замечая его как личность, хотя бы негативно. Попробуйте придержать дверь для идущего за вами в метро. Так ясно, что всякий входящий в метро должен придержать дверь для следующего, иначе невозможно. Но люди идут, не замечая, что вы держите для них дверь, не догадываясь придержать дверь для следующего, а это значит, что они в духе своем объявили ближнего самого физически близкого, который идет за ними, несуществующим. Каждый человек один в толпе, в давке. Он отмел бытие всех находящихся вокруг него. На уровне духовном убийства начинаются с этого.

Мне мой грузинский друг говорил: почему мне в Москве бывает тяжело? Что, ты думаешь, из-за грубости? Нет. Грубости у нас тоже хватает. В моем Тбилиси меня могут избить; но бьющий будет воображать, что у него есть причины меня ненавидеть. А здесь у меня такое чувство, что меня могут даже и убить, так и не заметив, что это я.

Я думаю, что на уровне идеологическом это хорошо соединяется с тем, что филолог Карл Кереньи описывал как роль абстракции в практике массовых убийств:

Арман. После грозных времен. 1965

одно дело сказать: убить каждого еврея, другое дело — ликвидировать еврейство. Еврейство — это абстрактная категория, она ликвидируется. Одно дело сказать: убить всех людей в городе — взрослых, детей, мужчин, женщин, стариков, даже находящихся в городе домашних живот-

ных (о домашних животных города сам Господь Бог говорил в Книге пророка Ионы). Другое дело сказать: стереть город с лица земли. Вы берете бритву и соскабливаете кружок на карте. Вы ликвидируете некую абстракцию. С абстракциями разделываться легче. Это напоминает эпизод из

книги Оруэлла об испанской войне: невозможно стрелять в человека, у которого слезают штаны. Эта деталь сразу конкретизирует абстракцию. Фашист — это абстракция, но человека, у которого слезают штаны, уже нельзя вернуть в статус абстракции.

Вспомним слова Карла Яспера: двери национал-социализму открыл дух ненаучности. Когда я, задумываясь о ментальности вот этого атомизированного слоя, который компенсирует утрату корней иллюзорной, как фантомная боль, гиперболой почвы, мне представляется важным иметь в виду то небрежение логикой, которое для этого вида ментальности прямо-таки неизбежно. Только не надо говорить ни о невежестве, ни о глупости. Попирание логики не всегда связано с невежеством. Национал-социализм разразился в стране, которая стояла едва ли не впереди европейской цивилизации и по уровню развития научной мысли, и по уровню школы.

Есть одно устыжающее простое обстоятельство. Если вы рассуждаете, вас всегда можно опровергнуть. В любой цепи логических рассуждений можно найти слабое звено. И только если вы строите ваши высказывания на суверенном презрении к логике, если каждый следующий ход откровенно не вытекает из предыдущего, если все представляет собой комбинацию истины и лжи в любых пропорциях, с таким текстом невозможно спорить. По правилам интеллектуальной этики самое несовершенное логическое высказывание честнее и, следовательно, выше глумления над логикой. Это не значит, что как раз глумление не может быть блистательным. Зажал рот своим оппонентам, они ничего не могут возразить, значит, он прав, он покончил спор, швырнул пыль в глаза всем, и все смешны, а он не смешон. Для инфантильного сознания тот, кто смешон, всегда неправ, а тот, кто не сме-

шон, а всех остальных сделал смешными, всегда прав, это победитель.

В этом сила всех умонастроений, ориентирующихся на ненависть; вовсе не по невежеству, не по отсутствию интеллектуального развития... Мне вспоминается одно выступление на научной конференции. Если угодно, это была победа. На него все сердились, только иностранцы, которые не совсем доверяли своему русскому языку, были в растерянности, может, не так поняли? А кто понял, был в бешенстве, но возражать никто не стал. На виртуозно-алогичный текст возражать невозможно. Это же победа! Представим себе человека с душой мальчишки на этой конференции. Он будет в восторге. На его глазах всем брошен вызов, никто на этот вызов не ответил.

Я не принадлежу к людям, которых склоняет на сторону толерантности тот довод, что черное, мол, не такое уж черное, белое не такое уж белое. На самом деле контраст белого с черным очень велик. (Он, правда, не совпадает с границами идеологическими.) Что касается разных мировоззренческих традиций, включая религиозные, я не верю ни в возможность, ни в желательность приведения всех традиций к простому слиянию. Читая одну книгу об иудаизме, написанную иудаистом, я был в конце поражен таким рассуждением: все христиане и иудаисты либо ортодоксы, либо либералы. Ортодоксы обеих религий считают, что различие между христианством и иудаизмом слишком серьезно, и по этой причине относятся друг к другу очень враждебно. Либералы считают, что различия не так уж существенны, и по этой причине относятся друг к другу дружелюбно. Я стал думать, какой же я христианин при такой раскладке. Не ортодоксальный, раз я уверен в своей обязанности относиться к иудаистам (и к последователям других учений, которые не разделяю) дружелюбно. (Христос неда-

ром для притчи о милосердии выбрал образ иноверца, да какого, самаритянина! Это как если бы какой-нибудь батюшка в 60-е годы XIX века говорил проповедь о милосердном поляке, а ксендз о милосердии русском.) Но я по той же раскладке и не либерал, ибо нашел бы некоторой обидой как для христианства, так и для иудаизма счесть различия несущественными. Несомненно, они очень важны...

Несогласие людей — это очень серьезная вещь, но несогласие и враждебность весьма различны. Трагизм должен быть трагизмом любви. Толерантность индифферентная и толерантность веры самые непохожие на свете вещи. Где индифферентизм, там угасает трагедия, огонь, который делает человека человеком. Но там, где ненависть, трагедия тоже прекращается, подменяясь жестокой мелодрамой. Там тоже все просто. Люди выбирают ненависть не в последнюю очередь потому, что она избавляет от трагедии.

Я думаю, что одна из причин этой новой волны нетолерантности — утрата чувства истории. Идея, что мировая история есть выражение Божьей воли, суд над миром, *Weltgericht*, как говорил Шиллер, может пониматься по-разному. Гегельянские и аналогичные им попытки это истолковать, я думаю, представляют духовное зло, и от них мы должны решительно отказаться. И как раз историософия — это, наверное, самая большая противоположность истории и историческому чувству. В наше время нет другой такой разрушительной для чувства истории силы, как историософия. Но вот что мне вспоминается.

Еврейский философ Мартин Бубер, иудаист, достаточно непримиримо споривший с христианством, был, однако, открытым человеком. Однажды один из его корреспондентов ему сердито написал, вот я, еврей, был у своего еврейского учителя Бубера. Как я о нем думал! Как я к нему шел! И вот я пришел к нему и что я увидел в его кабинете? Крест! Поймите

правильно: у Бубера не было на стене распятия; будучи иудаистом, он не мог относиться к кресту как к предмету почитания, а будучи серьезным человеком — как к безделушке. Просто на стене висела гравюра, изображавшая вид римского гетто: и там, рядом с гетто, возвышалась церковь, увенчанная крестом. Надо сказать, что эта церковь в течение веков действовала на нервы евреям: она была нарочно выстроена у самого входа в гетто как вызов, как вербовка прозелитов, выкрестов. И что ответил Бубер? Да, я повесил на стене эту гравюру, потому что в конкретной реальности истории и гетто, и церковь были рядом, и гравюра напоминает о том, как на самом деле устроил Бог. Можно выдумывать какую угодно историю, но настоящая одна, и в ней все вместе, рядом друг с другом.

В студенческие годы, в разгар самой первой волны увлечения Индией, я ответил своему собеседнику: вы понимаете, что не так интересно любить индусов, потому что мы, русские, никогда ничем индусов не обидели. И они никогда ничем нас не обидели. Я лучше употреблю свою маленькую жизнь на попытку любить те народы, с историей которых реально переплелась история моего народа, так что нам есть что прощать друг другу.

Недаром в Евангелии велено любить ненавидящих. Это не просто значит, что нужно избегать ненависти, что было бы скорее буддистской темой. На самом деле человек, который нас ненавидит, это очень близкий человек, с которым мы неразрывны, в одном сюжете. Единственное, что можно сделать, это любить...

Ненависть на самом деле очень тесно связывает. У Честертона даже сказано, что она унифицирует, между тем как любовь дифференцирует. Справедливость такого суждения особенно ощущается сейчас, когда все виды этнической и конфессиональной нетолерантности имеют скорее фантомную психологию, чем реальную.

Действительно, люди, которые любят друг друга, становятся каждый самым собой: это многоголосие, где музыкальные партии разделены. Это не унисон. А люди, которые ненавидят друг друга, начинают, как в зеркале, копировать действия врага и его телодвижения.

Под конец могу сказать про себя, что я-то очень живо ощущаю свою идентичность как русского человека. Если бы у меня не было друзей среди евреев, латышей, грузин, немцев, англичан, кого еще? я никогда бы по-настоящему не узнал, до чего я русский. Различие национальных типов делает возможным взаимопонимание, которое всегда включает в себя элемент любящей усмешки, даже доброй насмешки и над собой, и над другим. Бесконечны, совершенно неисчерпаемы возможности юмора, связанные с тем, что человеческие породы такие разные... Давно подмечено, как мужчина и женщина, которые действительно любят друг друга, которым хорошо вместе, непрерывно извлекают возможности юмора из того, что он мужчина, а она женщина. Эти возможности даны и этническим различиям людей. А вот психология и идеология злобы — это чудовищная мертвая серьезность, та точка, где уже невозможно смеяться иначе, как саркастическим, злым смехом, который на самом деле судорога, а не смех.

Простая истина, банальный трюизм, который все-таки нелишне повторять: всякий человек, который в духе своем убивает другого человека, убивает себя. Ему дана

власть, собственно, над собой. И национальный экстремист имеет власть причинить настоящее зло только своему народу. Конечным исходом гитлеризма была ликвидация единого немецкого государства, не говоря уже о ликвидации немецкой культуры в ее традиционных формах.

*Можно выдумывать
какую угодно историю, но настоящая
одна, и в ней все вместе, рядом
друг с другом*

Ненависть всегда в конечном счете обращается на свое. Кажется, одно из самых сильных доказательств того, что история управляется все-таки духовными законами, непреложность, с которой это происходит. Поэтому мои собственные мотивы, когда я не могу принять русского варианта новой нетерпимости, национально русские, до эгоизма. По отношению к другим народам я имею естественные чувства: вины, стыда, сочувствия. Но страшно за Россию. Каждая единица энергии злобы, произведенная в ее недрах, повредит в конечном счете только ей. Только нам.

А в моей собственной жизни очень сильным мотивом, удерживавшим меня всю жизнь от чувства ненависти к кому бы то ни было, служит вполне эгоистическое сознание, что если я когда-нибудь позволю себе это чувство, то я уже не смогу думать и писать в свою меру. Если рука пианиста лежит на клавишах, как ей положено, ей не сжаться в кулак: два положения несовместимы.

CONTENTS

SEMINAR

Russian National Identity and the Globalized World	
<i>Igor Zevelev</i>	5
<i>Discussion</i>	13

THEME OF THE ISSUE

Russian Politics after USSR: Penalties on the Way to Freedom	
<i>Vladimir Gel'man</i>	20

A VIEWPOINT

The Republican Tradition — No to Being a Slave	
<i>Oleg Kharkhordin</i>	26

MASS MEDIA AND SOCIETY

The Sacred Cow of Governors	
<i>Serguei Moshkin</i>	39
Resources of Electoral Authoritarianism	
<i>Kirill Rogov</i>	48

HISTORY TEACHES

How Do We Conceive History?	
<i>Dmitrii Gorin</i>	56

CIVIL SOCIETY

Civic Education and Patriotism	
<i>Alexander Sogomonov</i>	65
Notes on Civic Education	
<i>Vadim Karastelev</i>	77
Russian Non-Political Activism	
<i>Serguei Ponomarev</i>	84

LOCAL SELF-GOVERNMENT

Between the Local Self-Government and the Financial Upright	
<i>Ekaterina Zhilyakova</i>	88

ANNOUNCEMENT

The Society of Equals	
<i>Pierre Rosanvallon</i>	94

BOOKS

Regional Book Review	
<i>Mariya Potekhina</i>	104
The New Look at the Thaw	
<i>Maxim Trudolyubov</i>	106
Counterpoint	
<i>Vladimir Ryzhkov</i>	111

NOTA BENE

When Fist Will Not Clench	
<i>Serguei Averintsev</i>	120

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

СЕМИНАР

(Голицыно, 23–25 апреля 2014 г.)

Наши авторы:

Лев Аннинский

Александр Аузан

Анатолий Вишневский

Дэг Воллебек

Тоби Гати

Борис Дубин

Андрей Захаров

Татьяна Кастуева-Жан

Алексей Кудрин

Марсия Леви

Светлана Маковецкая

Эмиль Паин

Сергей Пашин

Стивен Поллард

Владимир Рыжков

Александр Согомонов

Максим Трудюлюбов

Ютта Шеррер

Подписано в печать 30.07.2014.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Московская школа
гражданского просвещения
127006, Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>

ISBN 978-5-91734-042-5